

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет»

ISSN 2658-7637

**ТРУДЫ
КАМСКОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ**

Выпуск XIX

Пермь
ПГГПУ
2021

УДК 902/904
ББК Т4 (2РОС36-4ПЕР)
Т 782

Т 782 **Труды Камской археолого-этнографической
экспедиции. Вып. XIX :** сб. науч. тр. / под общ. ред.
А.М. Белавина; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Пермь,
2021. – 171с.: ил. и табл. –
Текст (визуальный) : непосредственный.

Настоящим выпуском продолжается серия научных изданий ПГГПУ «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции». В сборнике публикуются результаты новейших исследований в области археологии и этнографии Волго-Камья. Сборник будет полезен специалистам по истории, искусству и археологии Евразии, преподавателям и студентам профильных факультетов вузов, научным работникам, сотрудникам музеев.

УДК 902/904
ББК Т4 (2РОС36-4ПЕР)

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук проф. А.М. Белавин (гл. редактор);
д-р ист. наук проф. Н.Б. Крыласова;
канд. ист. наук, доц. А.Н. Сарапулов;
канд. ист. наук, доц. Ю.А. Подосенова

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

*Издание осуществлено при поддержке Министерства образования и науки Пермского
края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г. в рамках программы развития
«Пермской археолого-этнографической школы»*

© Коллектив авторов, 2021
© НПЕ «Афкула», оформление и макет, 2021
© Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет, 2021

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ КАМНЯ И РАННИХ МЕТАЛЛОВ

УДК 902.01

DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-4-10

Лычагина Е.Л.^{1,2}, Жижин С.П.¹, Батуева Н.С.¹**ГРЕБЕНЧАТЫЕ ШТАМПЫ СО СТОЯНКИ ЧАШКИНСКОЕ ОЗЕРО II***¹ Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ² Пермский государственный научно-исследовательский университет, Пермь, РФ

В статье дана характеристика гребенчатых штампов, найденных в ходе исследований стоянки Чашкинское Озеро II в 2021 г. Оба штампа находились в пределах жилища, относящегося к гаринской энеолитической культуре, в его западной части на небольшом расстоянии друг от друга. Штамп № 1 был изготовлен на уплощенной гальке кремнистого сланца и имел 6 зубчиков, выделенных 7 пропилами. Штамп № 2 был изготовлен на плитке из сланца и имел 12 зубчиков, выделенных 13 пропилами. Еще 2 зубчика были только намечены мастером. Трасологический анализ показал, что оба орудия имеют следы воздействия абразивных материалов, которые появляются при взаимодействии (обработке) глины или камня. Близкие по форме орнаменты известны на стоянках в окрестностях Сахтышского озера и относятся к волосовской культуре. Гребенчатые штампы с территории Зауралья и Западной Сибири имеют как сходства, так и значительные отличия с орнаментами стоянки Чашкинское Озеро II. В дальнейшем, авторы планируют провести сравнение отпечатков штампа на сосудах с оттисками, которые будут сняты с найденных штампов.

Ключевые слова: Чашкинское Озеро II, стоянка; энеолит, гаринская культура, орнаменты, пространственный анализ, трасологический анализ.

Lychagina E.L.^{1,2}, Zhizhin S.P.¹, Batueva N.S.¹
COMB STAMPS FROM SITE CZASHKINSKOE LAKE II

¹ Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia² Perm State University, Perm, Russia

The article describes the characteristics of the comb stamps found during the research of the Chashkinskoye Lake II site in 2021. The stamps were located within the dwelling belonging to the Garin Chalcolithic culture, in its western part, at a short distance from each other. Stamp No. 1 was made on a flattened siliceous shale pebble and had 6 prong. Stamp No. 2 was made on slate tiles and had 12 prong. The trasological analysis showed that the tools have traces of the impact of abrasive materials, which appear during the interaction (processing) of clay or stone. Stamps similar in shape are known at sites in the vicinity of Lake Sakhtysh and belong to the Volosov culture. Comb stamps from the Trans-Urals and Western Siberia have both similarities and significant differences with the comb stamp of the Chashkinskoye Lake II site. In the future, the authors plan to compare the stamp imprints on the vessels with the impressions that will be taken from the found stamps.

Keywords: Chashkinskoye Lake II site, Chalcolithic, Garin culture, comb stamp, spatial analysis, traceological analysis

Введение

Летом 2021 г. отрядом КАЭЭ ПГГПУ под руководством Е.Л. Лычагиной были проведены раскопки жилища энеолитического времени на стоянке Чашкинское Озеро II. Памятник расположен на невысокой (1–2 м) пойменной гриве на восточном берегу Чашкинского озера в 10 км к СЗ от центра г. Березники Пермского края. Территория памятника частично разрушена водами Чашкинского озера (верхний бьеф Камского водохранилища).

Стоянка была открыта в 1977 г. А.Ф. Мельничуком. Помимо значительного подъемного материала, собранного на разрушаемой береговой части памятника,

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение №С-26/1192 от 19.12.2019 г., гранта РФФИ № 20-49-590002 «Комплексные исследования постнеолитических и энеолитических культур на территории Среднего Предуралья».

автором было зафиксировано 3 жилищные впадины в центральной и южной части стоянки, предположительно относящиеся к гаринской культуре. Это предположение было сделано на основании того, что два жилища в центральной части памятника соединены переходом, что является характерным для гаринской культуры. Принадлежность основного комплекса стоянки к гаринской культуре была подтверждена в ходе шурфовки памятника [Крыласова и др., 2014, с. 73]. Однако крупных исследований до настоящего времени не производилось.

Раскопом 2021 г. площадью 96 м² исследовалось жилище № 1 в центральной части памятника. В ходе этих раскопок было обнаружено 2 штампа, которые могли использоваться для нанесения гребенчатого орнамента на керамику. Стоит отметить, что для гаринской культуры характерна керамика с гребенчатой орнаментацией, поэтому обнаружение гребенчатых орнаментиров (штампов) носит закономерный характер.

Находки гребенчатых штампов в Прикамье не очень частое явление. В регионе Чашкинского озера они были найдены на неолитических стоянках Чашкинское Озеро VIII [Крыласова и др., 2014, с. 210, рис. 136/3] и Хуторская [Денисов, 1960, с. 65, рис. 20/4, 7, 11]. Поэтому каждая новая находка, особенно имеющая точную привязку к месту обнаружения, представляет значительный интерес.

Материалы и методы

Пространственный анализ

Оба штампа были найдены в западной части жилища, на уч. М/11, менее чем в 1 м друг от друга в горизонтальной проекции, что в условиях песчаного грунта может рассматриваться как очень близкое расстояние. Значительная разница наблюдается в глубине залегания находок (вертикальная проекция). Если штамп № 2 может быть соотнесен с придонной частью жилища, то штамп № 1 находился на 25 см выше.

Эта часть постройки прилежала к основному выходу из жилища, находящемуся на короткой северо-западной стороне сооружения. Возможно, в данной части постройки происходила орнаментация подготовленных сосудов или располагалось что-то вроде склада инструментов. Но мы не исключаем и случайность расположения изделий рядом друг с другом.

Пространственный анализ не выявил в месте нахождения орнаментиров каких-либо объектов или скоплений находок определенного вида. Можно отметить только обнаружение на этом же участке 5 плиток песчаника подпрямоугольной формы, которые, по всей видимости, использовались в качестве оселков. Возможно, они применялись для подправки рабочей поверхности штампов и их частичной пришлифовки. Количество керамики, выявленной на данном участке, незначительно – 24 фрагмента. При этом все фрагменты были расположены в заполнении жилища равномерно. На уровне пола постройки не выделялось каких-либо развалов или скоплений керамики, скоплений глинистого вещества, которые можно было бы трактовать как развалы необожженных сосудов. Поэтому даже если предположить, что орнаментация посуды происходила на этом участке, после этого они переносились в другое место, где происходил процесс сушки, а затем обжига.

Описание предметов

Орнаментир № 1 был изготовлен на уплощенной гальке кремнистого сланца серого цвета. Он имел подтреугольную форму и выделенную обушковую часть (рис. 1/1). Размеры изделия: 105 x 17-25-43 x 2-4 мм. На продольной боковой стороне выделено 6 зубчиков. Рабочий край прямой. Длина рабочей поверхности 3,5 см. Зубчики делались с помощью пропилов глубиной 1–1,5 мм. Они имели подпрямоугольную форму с одинаковой шириной – 2 мм, в то время как длина варьировала в пределах 1,5–3 мм.

На противоположной боковой стороне также намечено несколько зубчиков, но на значительном расстоянии (более 1 см) друг от друга. Возможно, с этой стороны также

планировалось сделать орнаментир, но он сломался из-за брака заготовки. Края орудия были скруглены и залощены (особенно верхняя часть изделия).

Орнаментир № 2 был изготовлен на сланцевой плитке бежевого цвета (рис. 1/2). Она имела форму асимметричной трапеции размером: 85 x 23–27 x 3–7 мм. Сечение треугольное (тыльная сторона толще) за счет двусторонней пришлифовки рабочей части. С одной из сторон изделие было полностью подшлифовано, с другой следы пришлифовки были только на лезвии и в месте нахождения изделия в руке гончара. Возможно, эта пришлифовка возникла уже в ходе работы орнаментиром. На полностью пришлифованной стороне фиксируется глубокая царапина, идущая вдоль изделия. Ее назначение не ясно.

Рабочая поверхность располагалась на более длинной боковой стороне (основании трапеции), она имела 12–14 (?) зубчиков прямоугольной формы. Их толщина составляла 3 мм, в то время как длина варьировала в пределах 2,5–5 мм. Рабочий край прямой. Длина рабочей поверхности 5 см. Пропилы между зубчиками составляли 1 мм, за исключением крайнего зубца, который был разделен на 3 части неглубокими пропилами (менее 0,5 мм). Возможно, это свидетельствует о том, что мастер сначала наметил места будущих пропилов, а затем часть из них решил не продолжать.

Трасологический анализ

Анализ проводился при помощи микроскопов МБС-9 (увеличение в 50–98 раз), Микромед МС-2-ZOOM (увеличение в 40–80 раз). В ходе анализа на орнаментире № 1 были зафиксированы следы заполировки на кончиках зубцов и, частично, на боковых поверхностях (рис. 2/а). Заполировка яркая, но носит поверхностный характер. Края орудия сглажены и подшлифованы. Такая поверхность могла образоваться в результате активного взаимодействия с абразивом – глиной. Появление заполировок на боковых поверхностях может быть также связано с использованием орнамента для обработки и уплотнения сосуда с внутренней стороны (следы подобных «расчесов» фиксируются на многих фрагментах керамики).

Несмотря на наличие сильно сглаженной, подшлифованной поверхности на кончике орнамента, явных следов использования его в качестве шпателя обнаружено не было.

Второй орнаментир не имел таких ярких следов заполировки на рабочей поверхности орудия. Однако его зубчики также были скруглены и подверглись абразивной обработке (рис. 2/б). Лучше фиксируются следы от абразивной обработки на боковых сторонах орудия – они направлены вдоль лезвия и, видимо, связаны с процессом изготовления штампа. Также обращают на себя внимание следы залощения на противоположной – аккомодационной части орудия, которые могли образоваться от рук гончара.

Обсуждение материалов

Гребенчатые штампы, обнаруженные нами на стоянке Чашкинское Озеро II, были изготовлены из разных материалов, имеют разную форму, длину и количество зубцов. В то же время они имеют ряд схожих черт. К ним можно отнести наличие одной рабочей поверхности на продольной стороне орудия, шириной 2–3 мм, небольшую глубину пропилов, выделяющих зубцы штампа (1–1,5 мм).

Как уже упоминалось, гребенчатые штампы не очень частая находка на неолитических – энеолитических памятниках Прикамья. В микрорегионе Чашкинское озеро три зубчатых штампа были обнаружены В.П. Денисовым в ходе раскопок Хуторской стоянки [Денисов, 1960, с. 66]. Из них одно орудие было изготовлено на плоской окатанной гальке (как и орнаментир № 1), размером 55 x 35 мм, имело 2 рабочих поверхности на смежных краях, расположенных под углом 120° по отношению друг к другу с 12–13 зубчиками [Денисов, 1960, с. 65, рис. 20/7]. Второе изделие было сделано из плитки песчаникового сланца размером 54 x 30 мм в форме

неправильного параллелограмма, на широком основании которого было вырезано 9 зубчиков в виде правильных прямоугольников [Денисов, 1960, с. 65, рис. 20/11]. Третий штамп имел подтреугольную форму и был изготовлен из плоской плитки песчаника. Одна из его сторон была слегка заострена путем шлифовки (такой же прием мы зафиксировали на орнаменте № 2). Штамп имел 6 зубцов [Денисов, 1960, с. 65, рис. 20/4]. Похожее изделие, также изготовленное на плоской плитке песчаника и имевшее подтреугольную форму, было найдено на неолитической стоянке Чашкинское Озеро VIII [Крыласова и др., 2014, с. 210, рис. 136/3]. Данное орудие имело 8 зубцов.

Гребенчатые штампы известны на энеолитических поселениях Бор I – на узком ребре шлифованной плитки, рабочий край прямой, количество зубцов – 17 [Бадер, 1961, с. 48], Боровое Озеро VI – на сланцевой подвеске, рабочий край закруглен, количество зубцов – 10 [Бадер, 1961, с. 117, рис. 80/6], Басенький Борок – на плоской сланцевой плитке, на продольной стороне, рабочий край прямой, количество сохранившихся зубцов – 6 [Бадер, 1961, с. 154, рис. 105/8], Забойное I – на сланцевой плитке, на продольной стороне, рабочий край прямой, количество зубцов – 6 [Бадер, 1959, с. 44, рис. 18/11]. Приведенное описание свидетельствует о том, что для энеолитических поселений Прикамья характерно изготовление гребенчатых штампов на сланцевых плитках, рабочий край прямой, находится на продольной стороне орудия. Исключением является зубчатое изделие с поселения Боровое Озеро VI. По мнению Ю.Б. Серикова, подобные предметы нельзя считать орнаментами – это подвески с зубчатым краем [Сериков, 2021, с. 237].

В целом мы можем говорить о схожих традициях в изготовлении гребенчатых штампов в неолите-энеолите региона. Они проявляются в использовании для изготовления орудий плоских галек и тонких плиток песчаника или сланца, использовании шлифовки при изготовлении рабочей поверхности орудия, наличии от 6 до 17 зубчиков прямоугольной или близкой к ней формы. Имеющиеся различия могут носить частный характер и быть связаны с особенностями использованной заготовки. Стоит только обратить внимание на то, что оба орнамента со стоянки Чашкинское Озеро II и штампы с других энеолитических памятников региона имеют рабочую поверхность на продольной, самой длинной стороне орудия, в то время как неолитические орнамента в основном находятся на коротких сторонах изделий.

Экспериментальные исследования, проведенные И.В. Калининой, показали, что для орнаментации керамики в неолите-энеолите Прикамья использовались, в основном, орнамента, изготовленные из камня [Калинина, Устинова, 1990, с. 18], а ведущими способами нанесения орнамента были штампование, прокатывание, шагание. Все эти операции можно осуществлять штампами, обнаруженными нами на стоянке Чашкинское Озеро II.

Если обратиться за поиском аналогий в другие регионы, то обращает на себя внимание Центр Русской равнины, где на стоянках близ озера Сахтыш обнаружено более 60 гребенчатых штампов [Костылева и др., 2018, с. 276]. Все они находились в культурных слоях неолита – бронзы, в том числе в пределах жилищных построек. Проведение экспериментального исследования позволило авторам хронологически разделить имеющиеся орудия [Калинина и др., 2018, с. 296–311].

В частности, к волосовской культуре, которая, наряду с гаринской, входит в единый круг культур с пористой керамикой, были отнесены орнамента из сланцевых галек и плиток со следами шлифовки, прямым рабочим краем на продольной стороне орудия [Калинина и др., 2018, с. 303, рис. 7/1-2]. Авторы отмечают наличие следов заполировки на рабочей поверхности орнаментов, которая может свидетельствовать об интенсивном использовании орудий [Калинина и др., 2018, с. 299]. Схожая картина наблюдается и на гребенчатых штампах со стоянки Чашкинское Озеро II.

Гребенчатая орнаментация керамики широко распространена в неолите, и особенно в энеолите Зауралья и Западной Сибири. Тем не менее, нахождение сразу 28 гребенчатых штампов на одном, пусть и хорошо исследованном раскопками, памятнике Большая Умытъя 100, является неординарным случаем [Клементьева, Погодин, 2017, с.20–49]. Поскольку, судя по результатам радиоуглеродного датирования, хронологически данный памятник может быть близок к исследуемой нами стоянке Чашкинское Озеро II, остановимся на характеристике происходящих с него гребенчатых штампов подробнее [Клементьева, Погодин, 2017, с. 44–46].

Большинство орнаментиров было обнаружено в котлованах изученных сооружений. Материалом для их изготовления служил камень (абразивная плитка) и фрагменты стенок керамических сосудов с гребенчатым орнаментом. Большинство штампов (68%) имели один рабочий край с однорядной нарезкой зубцов, прямым профилем. Рабочая поверхность, как правило, располагалась на короткой стороне изделия, преобладали орудия с 5-10 зубцами [Клементьева, Погодин, 2017, с. 20–49].

Орнаменты с поселения Большая Умытъя 100 имеют значительные отличия от гребенчатых штампов со стоянки Чашкинское Озеро II. Это проявляется в использовании керамических орнаментов, наличии двухрядных штампов, расположении рабочей поверхности на короткой стороне орудия. К сходствам можно отнести только использование каменных плиток для изготовления штампов и нахождение их в пределах жилищ.

Большая работа по анализу и датировке гребенчатых штампов, относящихся к энеолиту – бронзе, происходящих с территории Зауралья и Западной Сибири, была проведена Е.Н. Дубовцевой. Крупные серии орнаментов были обнаружены на территории культовых комплексов, в то время как в пределах жилищ находки штампов носили единичный характер (за исключением уже упоминавшегося поселения Большая Умытъя 100). Всего, ею было учтено 131 орудие с 35 памятников [Дубовцева, 2017, с.7]. В эту выборку попало 62 каменных штампа, которые были изготовлены на сланцевых плитках и окатанных гальках. Рабочие поверхности большинства орудий несли на себе следы пиления и шлифовки. По форме, количеству рабочих поверхностей, количеству зубцов, наблюдаются значительные отличия. К общему можно отнести только то, что ширина большинства зубцов орнаментов не превышает 2 мм. В качестве рабочей поверхности, как правило, использовалась короткая сторона орудий. Е.Н. Дубовцевой также было отмечено, что часть штампов использовалась не только для нанесения орнамента, но и для обработки поверхности сосудов, особенно это было характерно для энеолитического периода [Дубовцева, 2017, с. 15].

Наконец, большая работа по анализу изделий с зубчатым краем была проведена Ю.Б. Сериковым. В ходе исследования автором был осуществлен эксперимент по изготовлению и использованию зубчатого штампа. Эксперимент показал, что после 3 часов работы орудием на всех зубцах появилась сглаженность и закругленность, но без залощения и заполировки [Сериков, 2021, с. 239]. Сходную картину мы наблюдаем на орнаменте № 2. Трасологический анализ части гребенчатых штампов, проведенный автором, выявил на них как следы использования в качестве орнаментов (аналогичные следам на экспериментальном орудии), так и следы использования в качестве скребков по коже [Сериков, 2021, с. 241].

Заключение

Проведенный анализ показал, что найденные на стоянке Чашкинское Озеро II гребенчатые штампы являются типичными для энеолита Волго-Камья. Их обнаружение внутри жилищ косвенно свидетельствует о том, что изготовление и орнаментация посуды из глины происходила непосредственно на территории памятника. Мы надеемся, что дальнейшие исследования стоянки Чашкинское Озеро II позволят нам обнаружить новые следы деятельности древних гончаров.

Продолжение данной работы видится нам в сопоставлении отпечатков на керамике, найденной на стоянке и оттисков, снятых с штампов. Также необходим анализ следов заглаживания твердым инструментом, которые фиксируются на внутренней поверхности многих сосудов.

Библиографический список

1. Бадер О.Н. Поселение Забойное I // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1. – М.: ИА Н СССР, 1959. – С. 25–62
2. Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // Материалы и исследования по археологии. № 99. – М.-Л.: АН СССР, 1961. – 200 с.
3. Денисов В.П. Хуторская неолитическая стоянка // Ученые записки Пермского университета. Т. XII. Вып. I. Труды Камской археологической экспедиции. Вып. III. – Пермь: ПГУ, 1960. – С. 34–72
4. Дубовцева Е.Н. Эволюция орудий для гребенчатой орнаментации керамики Урала и Западной Сибири в неолите и бронзовом веке // Археология и история Северо-западной Сибири: сб. науч. ст. / отв. ред. А.Я. Труфанов. – Нефтеюганск-Екатеринбург: АО «ИПП «Уральский рабочий», 2017. – С. 4–19
5. Калинина И.В., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Зубчатые орнаменты Сахтышских стоянок (опыт экспериментального исследования) // Тверской археологический сборник. Вып. 11. – Тверь: ТГОМ, 2018. – С. 296–311
6. Калинина И.В., Устинова Е.А. Технологическая классификация орнаментов неолитической-энеолитической керамики Уральского региона // АСГЭ. Вып. 30. – Л.: «Искусство», 1990. – С. 7–19
7. Клементьева Т.Ю., Погодин А.А. Технология орнаментации посуды позднего неолита поселения Большая Уыгтя 100 // Археология и история Северо-западной Сибири: сб. науч. ст. / отв. ред. А.Я. Труфанов. – Нефтеюганск-Екатеринбург: АО «ИПП «Уральский рабочий», 2017. – С. 20–49
8. Костылева Е.Л., Уткин А.В., Калинина И.В. Гребенчатые штампы сахтышских стоянок (условия нахождения и каталог) // Тверской археологический сборник. Вып. 11. – Тверь: ТГОМ, 2018. – С. 276–295
9. Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера // Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. III. – Пермь: ПГГПУ, 2014. – 565 с.
10. Сериков Ю.Б. Изделия с зубчатым краем: некоторые аспекты использования // Тверской археологический сборник. Вып. 12. – Тверь: ТГОМ, 2021. – С. 227–243

Сведения об авторах:

Лычагина Евгения Леонидовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии Пермского государственного научно-исследовательского университета, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Российская Федерация). Email: lychaginae@mail.ru.

Жижин Сергей Павлович, студент 4-го курса исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ), волонтер Пермской региональной общественной организации «Археологи Прикамья» (г. Пермь, Российская Федерация), e-mail: sidoprosport@mail.ru.

Батуева Надежда Сергеевна, преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ), председатель Пермской региональной общественной организации «Археологи Прикамья» (г. Пермь, Российская Федерация), e-mail: nadiabat@yandex.ru.

Lychagina Evgenia Leonidovna, doctor of historical sciences, professor of the chair of History and Archeology, Perm State University, professor of the chair of Domestic and World History, Archeology, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). Email: lychaginae@mail.ru.

Zhizhin Sergey Pavlovich, 4 year student of the faculty of history of Perm State Humanitarian Pedagogical University, volunteer of the Perm regional public organization "Archaeologists of the Kama Region" (Perm, Russian Federation). E-mail: sidoproport@mail.ru.

Batueva Nadezhda, Pe Lecturer of the chair of Domestic and World History, Archeology, Chairman of the Perm Regional Public Organization «Archaeologists of the Kama region», (Perm, Russian Federation). E-mail: nadiabat@yandex.ru.

Рис. 1. Гребенчатые штампы. Стоянка Чашкинское Озеро II.

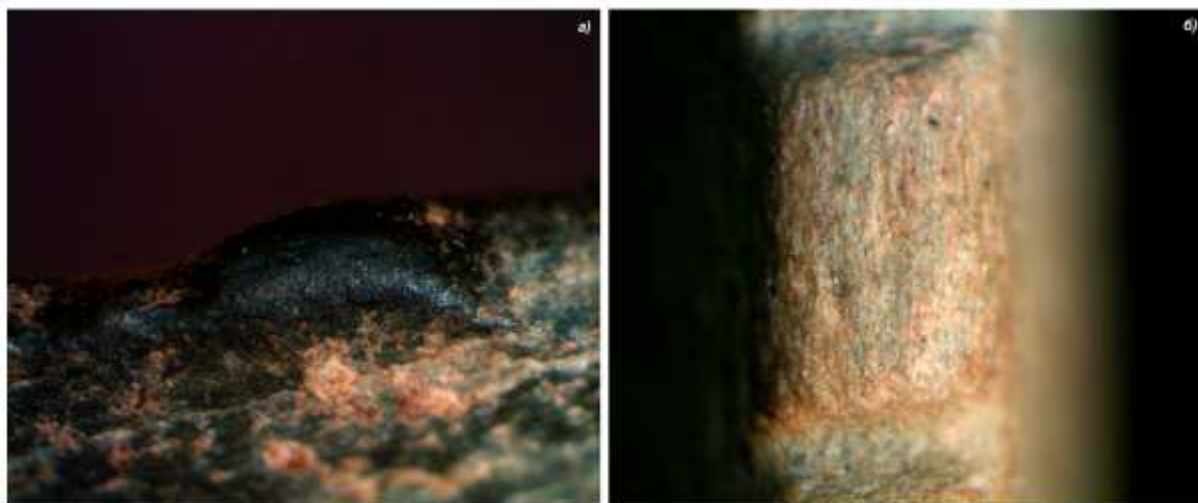

Рис. 2. Микрофотографии рабочей поверхности орнаментов: а) следы заполировки на орнаменте № 1; б) рабочая поверхность орнамента № 2 (увеличение x 40).

УДК 902/904

DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-11-19

Лычагина Е.Л.^{1,3}, Кулькова М.А.², Жижин С.П.¹
ИТОГИ ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КЕРАМИКИ С
ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕЙ КАМЫ*

¹ Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ² Российский государственный педагогический университет (РГПУ) им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, РФ³ Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, РФ

В статье представлены итоги петрографического анализа энеолитической керамики осинской группы памятников. К этой группе О.Н. Бадером были отнесены памятники гаринской культуры, расположенные между Камской и Воткинской ГЭС. Всего был изучен 31 образец с 10 памятников. Памятники расположены на незначительном расстоянии друг от друга, как на левом, так и на правом берегу Камы. В результате было установлено, что для изготовления керамики чаще использовались тощие глины, преобладал кратковременный обжиг в окислительной среде. По составу искусственных примесей выделилось 7 групп керамики. В качестве основных примесей использовались измельченная органика, раковина и песок. В 2 случаях отощитель не добавлялся.

При сравнении результатов петрографического и технико-технологического анализов сходство проявляется в выявлении в ряде образцов околотоводной растительности, характерной для илистой глины, наличии органических примесей при отсутствии добавления шамота в формовочную массу. Различия касаются определения степени запесоченности исходного сырья и типа органических примесей – измельченная трава или раковина. Дальнейшая работа по параллельному использованию двух методов анализа будет способствовать развитию методик изучения древней керамики.

Ключевые слова: Средняя Кама, энеолит, керамика, петрографический анализ, гаринская культура.

Lychagina E.L.^{1,3}, Kulkova M.A.², Zhizhin S.P.¹
RESULTS OF PETROGRAPHIC ANALYSIS OF CERAMICS FROM
ENEOLYTIC SITES OF THE MIDDLE KAMA

¹Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia²Russian state pedagogical University (RSPU) A.I. Herzen, Saint-Petersburg, Russia³Perm State University, Perm, Russia

The article presents the results of the petrographic analysis of the Eneolithic ceramics of the Osin group of sites. To this group, O.N. Bader attributed the sites of the Garin culture located between the Kama and Votkinsk hydroelectric power stations. In total, 31 samples from 10 sites were studied. Памятники расположены на незначительном расстоянии друг от друга, как на левом, так и на правом берегу Камы. As a result, it was found that thin clays were used more often for the making of ceramics, and short-term firing in an oxidizing environment prevailed. According to the composition of artificial impurities, 7 groups of ceramics were distinguished. Crushed organic matter, shell and sand were used as the main impurities.

When comparing the results of petrographic and technical and technological analyzes, the similarity manifests itself in the identification in a number of samples of near-water vegetation, characteristic of silty clay, the presence of organic impurities in the absence of the addition of chamotte to the molding mass. The differences relate to the determination of the degree of sandiness of the feedstock and the type of organic impurities – crushed grass or shell. Further work on the parallel use of two methods of analysis will contribute to the development of methods for studying ancient ceramics.

Keywords: Middle Kama, Eneolithic, ceramics, petrographic analysis, Garin culture.

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение №С-26/1192 от 19.12.2019 г., гранта РФФИ № 20-49-590002 «Комплексные исследования постнеолитических и энеолитических культур на территории Среднего Предуралья»

Введение

В настоящей работе основным районом исследования стало среднее течение р. Кама от Камской до Воткинской ГЭС (рис.1). В период 1951–1960 гг. Камская археологическая экспедиция (КАЭ), а затем Воткинская археологическая экспедиция (ВАЭ) под руководством О.Н. Бадера проводила раскопки и изучение энеолитических памятников гаринской культуры в этом районе, так как он попадал в зону затопления Воткинской ГЭС [Бадер, 1959, С. 3–5; Бадер, 1961б, С. 9–10]. Эту часть Прикамья О.Н. Бадер для удобства различения ее гаринских памятников от памятников устья р. Чусовой условно назвал «осинской» [Бадер, 1961а, С. 264].

Исследователь отмечал, что поселения Осинского Прикамья очень близки гаринско-борским поселениям устья р. Чусовой по керамике, типу жилищ и каменному инвентарю. Керамика этих поселений, как и гаринская керамика памятников Чусовского Прикамья, имела пористую структуру, венчики, орнаментированные косыми гребенчатыми отпечатками, орнамент в виде «шагающей гребенки» и др.

Но также О.Н. Бадером был обнаружен ряд устойчивых отличий как в каменном инвентаре, так и в морфологическом описании керамики, которые не позволяли считать памятники двух регионов тождественными друг другу. Так, к примеру, отмечалась несколько худшая техника обработки камня на поселениях Осинского Прикамья, а в керамическом комплексе наблюдались сосуды с гофрированными венчиками и больший процент посуды с налепными валиками под венчиком. Поэтому исследователь выделил гаринские памятники Осинского Прикамья в качестве локального варианта турбинской культуры (согласно представлениям О.Н. Бадера об эпохе раннего металла, гаринско-борские памятники относились не к эпохе энеолита, а к эпохе бронзы, и вместе с Турбинскими могильниками составляли единую турбинскую культуру).

Несмотря на обозначенные отличия гаринских памятников Осинского Прикамья население обоих регионов (осинского и усть-чусовского) автор считал родственным и принадлежащим к единой историко-культурной области [Бадер, 1961а, С. 264–268; Бадер, 1963, С. 29–30].

С целью проверки гипотезы О.Н. Бадера был проведен технико-технологический анализ энеолитической керамики Чусовского и Осинского Прикамья по методике А.А. Бобринского [Андреева, Батуева, 2020, с. 5–18; Жижин, 2021, с. 12–18]. Анализ показал, что гончарные традиции двух регионов выглядят достаточно однородными, что подтверждает мнение О.Н. Бадера о родственности населения Осинского и Чусовского Прикамья. В частности, в качестве исходного пластичного сырья в обоих регионах использовались слабо- и среднезапесоченные глины и илистые глины в естественно увлажненном состоянии. Основными примесями в формовочной массе выступали раковина и органический раствор. Отличия касались частоты встречаемости шамота в формовочных массах. На территории Осинского Прикамья, в отличие от Чусовского, такая примесь практически не встречалась [Андреева, Батуева, 2020, с. 15; Жижин, 2021, с. 17].

Следующим этапом нашей работы стало проведение петрографического анализа керамики двух регионов. В данной статье речь пойдет об итогах исследования керамики осинской группы.

Материалы и методы

Для проведения анализа был отобран 31 образец керамики с 10 энеолитических памятников региона (Ольховское поселение – 9, Бойцовская II стоянка – 1, Бойцовская III стоянка – 2, Бойцовская IV стоянка – 1, Бойцовская VI стоянка – 1, Бойцовская VII стоянка – 6, Бойцовская VIII стоянка – 3, Камский Бор II стоянка – 5, Кама-Жулановское II поселение – 1, Забойное II поселение – 2 образца). Памятники расположены на незначительном расстоянии друг от друга и находятся как на левом

(7 памятников, 16 образцов), так и на правом (3 памятника, 15 образцов) берегу р. Кама (рис. 1).

Периодизация энеолитических памятников Осинского Прикамья разработана слабо. Радиоуглеродные датировки есть только для Новоильинского III поселения, относящегося к финалу гаринских древностей региона [Лычагина, 2013, с. 168–172]. По мнению О.Н. Бадера и его коллег, материалы Ольховского, Кама-Жулановского II поселений и Бойцовских стоянок (за исключением Бойцовой VI стоянки), относятся к раннему, ольховскому этапу турбинской (гаринской) культуры [Соколова, 1960, с. 110, Бадер, 1961, с. 266]. С поздним частинским этапом связаны только материалы Бойцовой VI стоянки [Бадер, 1961, с. 266]. В то же время поселение Камский Бор II несет в себе черты обоих этапов и может относиться к переходному периоду от ольховских к частинским древностям [Кольцов, 1961, с. 109].

Исследования керамических фрагментов проводились в пришлифованных образцах с использованием бинокуляра МБС-1 при увеличении в 16, 24 и 72 раза. Петрографическое изучение керамики выполнялось в шлифах под поляризационным микроскопом ПОЛАМ-11, при увеличении в 65,7 раз. Фотографии были сделаны с помощью поляризационного микроскопа Leica в РЦ РДМИ СПбГУ.

В шлифах могут быть определены следующие характеристики керамического материала [Кулькова, 2015, с. 100–107]:

1. Природа и характеристики непластичных включений (минеральный состав, процентное содержание, размеры, форма, распределение и ориентация отдельных частиц).
2. Тектурные и оптические характеристики глинистой матрицы (двулучепреломление, цвет).
3. Форма, количество и ориентация пустот.
4. Особенности обработки поверхности, декорация.

Изучение этих особенностей позволяет лучше понять технологию изготовления керамики. Информация, полученная с помощью петрографии по керамической структуре и материалам, используемым для создания глиняного изделия, позволяет выяснить принципы, которые гончар применял для выбора и переработки глинистого сырья, лепки сосуда, условий обжига и создания окончательного изделия.

В петрографических исследованиях керамики одним из ключевых вопросов является оценка характеристик непластических включений, пластических включений и пористости. Характеристика непластических включений – одна из основных характеристик древней керамики. Эти включения часто называются грубой фракцией и могут присутствовать в природных глинах. Они также могут искусственно вводиться в глинистую массу, для того, чтобы уменьшить пластичность керамического теста, повысить его рабочие характеристики, уменьшить неблагоприятные эффекты, такие как растрескивание при расширении, увеличение термального сопротивления в период нагрева и укрепление керамического тела, как конечного продукта. Некоторые типы непластического материала можно различать в шлифах:

1. Минеральные включения дробленых кристаллических пород.
2. Органические включения (растительные материалы, раковины, кости).
3. Шамот.

Минералы, как правило, в непластичных включениях под поляризованным микроскопом можно легко и точно определить по характеристикам их оптических свойств. Одной из проблем в оценке состава формовочной массы является определение искусственной примеси мелкозернистого песка или алеврита (размером около 0,25 мм), которые могли использоваться в качестве отощителя. Если в виде отощителя использовался алеврит, то обычно размер зерен калиброванный, они имеют определенную размерность, часто хорошей окатанности и зерна очень хорошо отличаются от зерен кластической составляющей, обычно более мелкозернистой

и неравномерно-зернистой. Если отощитель в виде алевроита не используется, а применяется глина с естественной алевроитовой составляющей, то алевроит или мелкозернистый песок имеют неравномерно-зернистый характер, различную размерность, некалиброванные.

Обсуждение результатов

Проведенный анализ показал, что для изготовления керамики использовались различные виды глин, но преобладали каолининовые (10 обр.), гидрослюдистые (8 обр.) и смектитовые (7 обр.). В образцах с поселений Кама-Жулановское II, Забойное II и половине образцов с поселения Ольховка присутствовали остатки ожелезненной органики водного происхождения. Подобное исходное пластичное сырье трактуется рядом исследователей как илестые глины [Васильева, 2013, с. 74–75].

Преобладали тощие глины (23 обр.), в которых кластический материал составлял 17–55%. Они использовались на Бойцовских стоянках и Ольховском поселении. В то же время на памятниках Камский Бор II, Кама-Жулановское II и Забойное II, использовались жирные глины с количеством кластического материала 1–3%. Но незначительность выборки пока не позволяет нам говорить о формировании на этих памятниках устойчивой традиции использования именно жирных глин.

Обжиг во всех случаях проходил в окислительной среде, преобладал кратковременный, с температурой 600–700° (21 обр.). В ряде случаев фиксируется долговременный обжиг при температуре 600–800° (10 обр.).

По составу искусственных примесей выделилось 7 групп керамики.

Группа 1. Отощитель: измельченная органика (10 обр.) (рис. 2/1)

Керамика изготовлена из тощих и жирных глин каолининового, смектитового, хлоритового, гидрослюдистого состава.

Отощитель:

- 1) Измельченная органика (трава) (25%) (0,7–1,5 мм).

В эту группу вошла вся посуда со стоянки Камский Бор II, а также фрагменты керамики со стоянки Бойцовская VII (3 обр.) и по одному фрагменту с поселений Ольховского и Забойное II.

Группа 2. Отощитель: измельченная органика+песок (10 обр.) (рис. 2/2)

Керамика изготовлена из тощих глин смектит-каолининового, гидрослюдистого или смектитового состава.

Отощитель:

- 1) Измельченная органика (трава) (25%) (0,7–1,5 мм).
- 2) Песок, размер зерен 0,42–0,56 мм.

В эту группу вошли фрагменты керамики с Бойцовских стоянок (7 обр.) и Ольховского поселения (3 обр.).

Группа 3. Отощитель: измельченная органика+раковина (3 обр.) (рис. 2/3)

Керамика изготовлена из тощих глин хлоритового, гидрослюдистого и смектитового состава.

Отощитель:

- 1) Измельченная органика (трава) (25%) (0,7–1,5 мм).
- 2) Возможно также, что была добавлена дробленая раковина, она почти полностью разложилась (25%) (1–3 мм).

Подобный рецепт встречен только на Бойцовских стоянках.

Группа 4. Отощитель: раковина (1 обр.)

Керамика изготовлена из жирных глин гидрослюдистого состава.

Отощитель:

- 1) Почти полностью разложившаяся раковина (25%) (1–3 мм), с отдельными остатками апатита.

Обнаружен на стоянке Бойцовская VIII.

Группа 5. Отощитель: раковина+песок (1 обр.) (рис. 2/4)

Керамика изготовлена из тощих глин гидрослюдистого состава, кластического материала – 35%.

Отощитель:

1) Почти полностью разложившаяся раковина (25%) (1–3 мм), с отдельными остатками апатита.

2) Песок (13%), размер зерен 0,42–0,56 мм. Состав: полевой шпат, кремень, эффузивы.

Обнаружен на Ольховском поселении.

Группа 6. Отощитель: песок (4 обр.) (рис. 2/5)

Керамика изготовлена из тощих глин каолинитового и смектитового состава.

Отощитель:

1) Песок (13%), размер зерен 0,42–0,56 мм. Состав: полевой шпат.

Обнаружены на Ольховском поселении.

Группа 7. Отощитель не использовался (2 обр.) (рис. 2/6)

Керамика изготовлена из жирных глин каолинитового состава.

Отощитель: не использовался.

Обнаружены на поселениях Камо-Жулановское II и Забойное II.

Обращает на себя внимание большая гомогенность группы керамики со стоянки Камский Бор II – это жирные глины, в которые добавлена измельченная органика. Также необходимо отметить высокий уровень запесоченности (как естественной, так и искусственной) глин с Ольховского поселения. Для Бойцовских стоянок характерно использование тощих глин с добавлением органики различного происхождения.

Заключение

Проведенный анализ показал, что население Осинского Прикамья использовало разные по составу глины для изготовления керамики. По всей видимости, это носит ситуативный характер и связано с ближайшими выходами сырья. При общей тенденции к использованию тощих глин, обращает на себя внимание наличие посуды исключительно из жирного сырья на ряде памятников. С чем это связано, пока трудно сказать, необходимо продолжение исследований.

К характерным чертам изученной керамики можно отнести применение обжига в окислительной среде при изготовлении посуды, добавление органических примесей в формовочную массу в качестве отощителей и отсутствие примеси шамота.

При сравнении результатов петрографического и технико-технологического анализов сходство проявляется в выявлении в ряде образцов околородной растительности (особенно на Ольховском поселении), наличии органических примесей при отсутствии добавления шамота в формовочную массу.

Различия проявляются в определении органической примеси (раковина / трава) и степени запесоченности исходного сырья.

Основной проблемой сравнения результатов, полученных петрографическим и технико-технологическим анализом, является выбор критериев, которые используются для определения состава формовочной массы керамики. Техничко-технологический анализ включает исследование образцов керамики под биноклем, при многократном увеличении рассматриваемых объектов, которые помещают под объектив, где на него направляется искусственный световой поток.

Поляризационный микроскоп предназначен для наблюдения, фотографирования и видеопроекции объектов в поляризованном свете, а также исследований по методам фокального экранирования и фазового контраста. Исследование анизотропии объекта в поляризационном свете позволяет судить о его структуре и физико-химических свойствах. Это дает возможность идентифицировать минералы, входящие в состав керамического образца даже, если включения составляют всего несколько микронов.

Идентификация включений раковины, если она полностью выгорела или разложилась в неблагоприятных условиях при захоронении, является сложной задачей.

В большинстве случаев, когда в черепке присутствуют поры с ровными краями, достаточно сложно установить, входила ли в состав раковина или была добавлена измельченная растительность, т.к. размеры пор имеют одинаковые параметры. Как правило, при исследовании таких пор под поляризационным микроскопом, следы разложившейся раковины могут быть идентифицированы по высокому показателю преломления оставшихся на краях пор карбонатных включений, размеры которых могут составлять 25 мкм и меньше. В случае добавления измельченной растительности, следов карбонатов на стенках пор не наблюдается. Если только температура обжига не была выше 880°C, когда карбонаты полностью разлагаются. При технико-технологическом анализе оцениваются визуальные параметры пористого пространства. В данном исследовании при изучении представленных образцов для объективной оценки, скорее всего, следует привлечь другие методы исследования, например, компьютерную микротомографию, которая позволяет реконструировать и 3D визуализировать поровое пространство.

Вторым критерием, по которому есть расхождения в интерпретации представленных исследований, является степень запесоченности исходного сырья. В данном случае при описании глинистого сырья петрографическим методом используется другая терминология, а именно – процентное содержание кластического материала, которое входит в глины. Кластический материал представляет собой естественную примесь в глинах, представленную по гранулометрическому составу тонкой алевритовой (0,005–0,05 мм) и/или крупной алевритовой (0,05–0,1 мм) составляющей. Распределение этих частиц в глинах носит логнормальный характер, что показывает их естественную природу. При добавлении песка в качестве искусственной примеси, распределение частиц носит характер нормального распределения, и они, как правило, имеют калиброванный характер. При технико-технологическом анализе выделяются другие характеристики искусственной и естественной примеси песчаной составляющей.

Мы полагаем, что выявление причин разночтений при использовании различных методов анализа, будет способствовать сближению позиций представителей различных исследовательских школ и дальнейшему развитию методик изучения древней керамики.

Библиографический список

1. Андреева О.В., Батуева Н.С. Некоторые итоги изучения гончарных традиций населения Верхнего и Среднего Прикамья в эпоху неолита и энеолита // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2020. Вып. 1 (48). – С. 5–18.
2. Бадер О.Н. Древнейшая история Прикамья. – М., 1963. – 42 с.
3. Бадер О.Н. К изучению археологических памятников зоны строительства Воткинской ГЭС // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1. – М.: ИА АН СССР, 1959. – С. 3–5.
4. Бадер О.Н. Поселение у Бойцова и вопросы периодизация среднекамской бронзы // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2. – М.: ИА АН СССР, 1961а. – С. 110–271.
5. Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // Материалы и исследования по археологии. № 99. – М.: АН СССР, 1961б. – 200 с.
6. Васильева И.Н. О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4. – С. 73–83.
7. Жижин С.П. Техничко-технологический анализ керамики населения гаринской культуры Осинского Прикамья // Вестник НАСА. – Пермь: ПГГПУ, 2021. Вып. 1 (17). – С. 12–18.
8. Кольцов Л.В. Жилища № 9-13 на поселении Камский Бор II // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2. – М.: ИА АН СССР, 1961. – С. 95–109.
9. Кулькова М.А. Петрографический анализа в оценке формовочных масс при изучении древней глиняной посуды // Самарский научный вестник. – Самара: Поволжская гос. социально-гум. акад., 2015. №3 (12). – С.100–107.

10. *Лычагина Е.Л.* Новые данные по радиоуглеродному датированию позднэнеолитических памятников на территории Среднего Прикамья // Российская археология. – 2013. № 1. – С.168–172.
11. *Соколова З.П.* Стоянка Кама-Жулановская II // Ученые записки Пермского университета. Т. XII. Вып. I. Труды Камской археологической экспедиции. Вып. III. – Пермь: ПГУ, 1960. – С. 95–110.

Сведения об авторах:

Лычагина Евгения Леонидовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии Пермского государственного научно-исследовательского университета, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Российская Федерация). Email: lychaginae@mail.ru.

Кулькова Марианна Алексеевна, кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры геологии и геоэкологии, директор ЦКП «Геология и геоэкология», Российский государственный педагогический университет (РГПУ) им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация). Email: kulkova@mail.ru.

Жижин Сергей Павлович, студент 4-го курса исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ), волонтер Пермской региональной общественной организации «Археологи Прикамья» (г. Пермь, Российская Федерация), e-mail: sidoprosport@mail.ru.

Lychagina Evgenia Leonidovna, doctor of historical sciences, professor of the chair of History and Archeology, Perm State University, professor of the chair of Domestic and World History, Archeology, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). Email: lychaginae@mail.ru.

Kulkova Marianna Alekseevna, candidate of geological and mineralogical sciences, associate professor of the chair of Geology and Geoecology, Head of Scientific Center "Geology and Geoecology", Russian state pedagogical University (RSPU) A.I. Herzen, (Saint-Petersburg, Russian Federation). Email: kulkova@mail.ru.

Zhizhin Sergey Pavlovich, 4 year student of the faculty of history of Perm State Humanitarian Pedagogical University, volunteer of the Perm regional public organization "Archaeologists of the Kama Region" (Perm, Russian Federation). E-mail: sidoprosport@mail.ru.

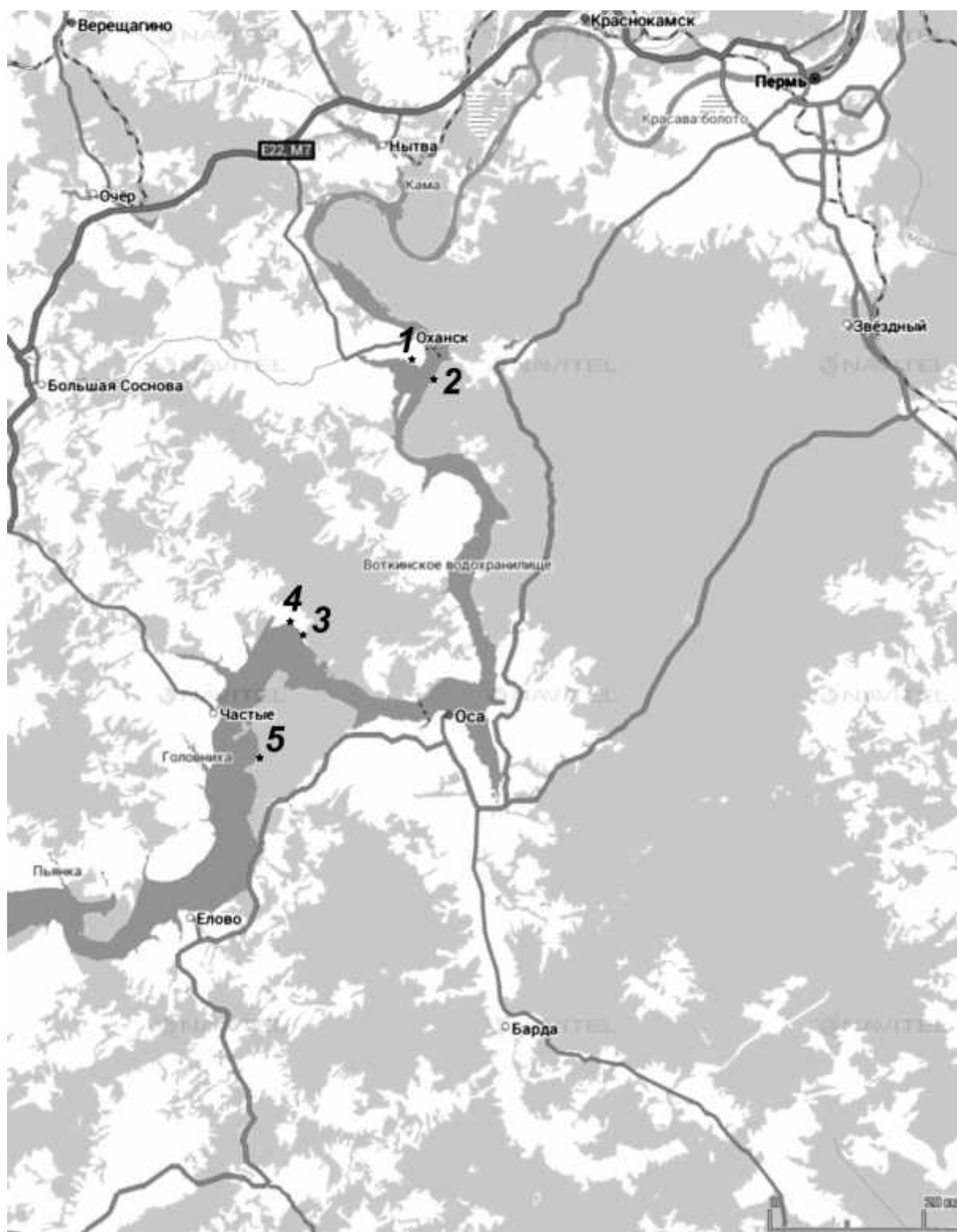

Рис. 1. Карта расположения энеолитических памятников Осинского Прикамья, материалы которых использовались в работе

- 1 – Камский Бор II, стоянка, 2 – Забойное II, поселение, 3 – Ольховское поселение,
4 – Кама-Жулановское II, поселение, 5 – Бойцовские стоянки

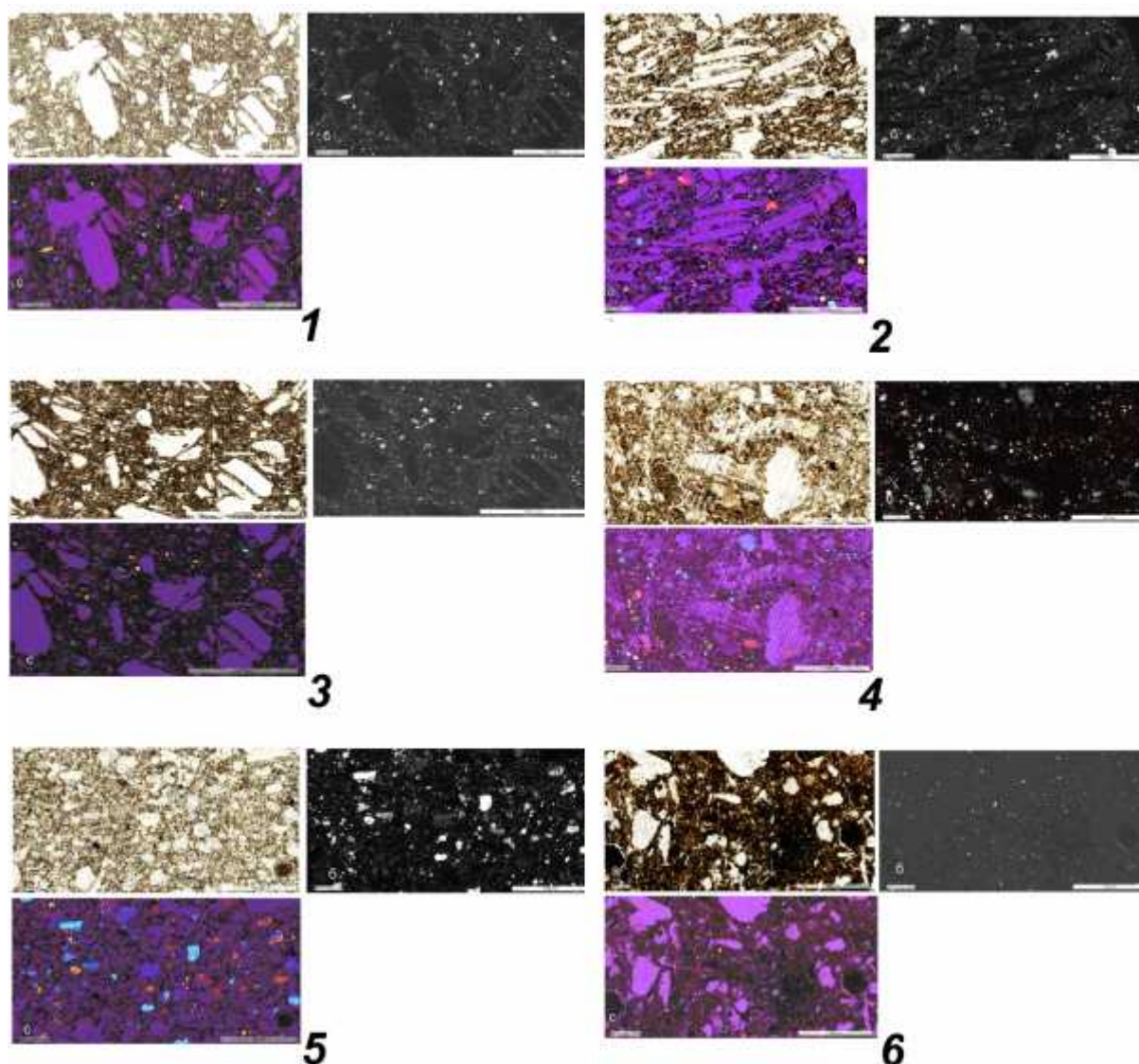

Рис. 2. Вид керамики в шлифах: а) без анализаторов, линейка 1000 мкм; б) в поляризационном свете, линейка 1000 мкм; в) в поляризационном свете с кварцевой пластинкой 1000 мкм
 (1 – Бойцовское поселение VII, 1 гр., 2 – Бойцовское поселение VIII, 2 гр.,
 3 – Бойцовское поселение VIII, 3 гр., 4 – Ольховское поселение, 5 гр.,
 5 – Ольховское поселение, 6 гр., 6 – Кама-Жулановское II поселение, 7 гр.

УДК 902.26+551.89

DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-20-29

Копытов С.В.¹, Демаков Д.А.², Лычагина Е.Л.^{1,2}**СЕЛИТЕБНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ В
БАССЕЙНЕ СРЕДНЕЙ КАМЫ***¹Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, РФ²Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

Статья посвящена выявлению селитебных предпочтений энеолитических обществ на берегах Средней Камы. На основе полевых и дистанционных исследований авторами проведено картографирование и привязка к различным элементам рельефа энеолитических памятников в долине Средней Камы на участке от с. Усть-Качка до устья р. Жулановки. Картографированию было подвергнуто 18 из 25 энеолитических памятников района исследования, принадлежность которых к эпохе энеолита не вызывает сомнений. Памятники разделены на 3 группы: Новоильинская – 3 памятника, Усть-Очерская – 6 памятников и Кама-Жулановская – 9 памятников. Они относятся к двум энеолитическим культурам – гаринской и новоильинской.

В ходе исследования выявлено, что поселения преимущественно расположены на низких I и II надпойменных террасах р. Камы в непосредственной близости от воды. Низкая водность Камы в этот период позволяла не бояться разрушительных наводнений. Важной особенностью селитебных предпочтений древнего человека была близость к размываемым останцам древних террас – источникам сырья для производства каменного инвентаря. Таким образом, сочетание методов археологии и геоморфологии позволяет нам лучше понимать селитебные предпочтения древних жителей Прикамья.

Ключевые слова: Воткинское водохранилище, Средняя Кама, гаринская культура, новоильинская культура, энеолит, терраса.

Kopytov S.V.¹, Demakov D.A.², Lychagina E.L.^{1,2}**RESIDENTIAL PREFERENCES OF ENEOLITHIC SOCIETIES IN THE
MIDDLE KAMA BASIN**¹Perm State University¹, Perm, Russia²Perm State Humanitarian Pedagogical University², Perm, Russia

The article is devoted to the identification of residential preferences of the Eneolithic societies on the banks of the Middle Kama. On the basis of field and remote sensing studies, the authors carried out mapping and binding to various relief elements of the Eneolithic sites in the valley of the Middle Kama in the area from the village Ust-Kachka to the mouth of the river Zhulanovka.

The settlements are divided into 3 groups: Novoilinskaya – 3 sites, Ust-Ocherskaya – 6 sites and Kama-Zhulanovskaya - 9 sites.

In the course of the study, it was revealed that the settlements are mainly located on low I-II terraces of the river Kama in the immediate vicinity of the water. An important feature of the residential preferences of the ancient people was the proximity to the eroded remnants of ancient terraces – sources of raw materials for the production of stone implements. Thus, the combination of the methods of archeology and geomorphology allows us to better understand the residential preferences of the ancient inhabitants of the Kama region.

Keywords: Votkinsk Reservoir, Middle Kama, Garinsky culture, Novoilinsky culture, Eneolithic, terrace

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект №20-49-590002 р_а_Пермский край «Комплексные исследования постнеолитических и энеолитических культур на территории Среднего Предуралья, Министерства образования и науки Пермского края, соглашение №С-26/1192 от 19.12.2019 г. Геоморфологические исследования памятников выполнены при поддержке гранта №ГСГК-0076/21, проект реализуется победителем Конкурса на предоставление грантов преподавателям магистратуры 2020/2021 благотворительной программы «Стипендиальная программа Владимира Потанина» Благотворительного фонда Владимира Потанина»

Введение

Комплексные исторические и палеогеографические исследования являются важной частью изучения процесса освоения долинно-речных ландшафтов человеком в древности. Привязывая археологические памятники к конкретным ландшафтам, археолог стремится решить проблему того, как происходило заселение данной территории, и какой тип хозяйствования преобладал у древнего населения в конкретный исторический период.

Средняя Кама в нашем исследовании представлена участком реки от с. Усть-Качка до устья р. Жулановка (Осинский городской округ Пермского края) (рис.1). Данные границы обусловлены тем, что на этом участке, в отличие от приплотинного, береговые линии Средней Камы испытывают не такое сильное антропогенное влияние от создания Воткинского водохранилища. Данные обстоятельства позволили сохраниться энеолитическим памятникам.

Энеолит является переходной эпохой от каменного века к бронзовому. В Среднем Предуралье выделено 3 археологические культуры, относящиеся к этому времени. Это – новоильинская, борская и гаринская археологические культуры [Лычагина, 2013, с.77]. В нашем исследовании будут представлены памятники только двух культур – гаринской и новоильинской. Нижняя хронологическая граница памятников новоильинской культуры может быть отнесена к V тыс. до н.э., а верхняя – к концу IV тыс. до н.э. Хронологическими рамками гаринской культуры могут считаться IV тыс. до н.э. – начало II тыс. до н.э. [Выборнов и др., 2019, с. 36-37]. Таким образом, хронологические рамки нашего исследования ограничиваются V – началом II тыс. до н.э.

В плане климата энеолит изучаемой территории включает в себя период голоцена примерно с середины атлантика и до середины суббореала. После 5–4,5 тыс. радиоуглеродных (^{14}C) л.н. глобальное потепление в северном полушарии сменилось похолоданием, которое наиболее отчетливо проявилось в средних и высоких широтах Земли, что вызвало изменение в составе и распространении растительных сообществ и привело к активизации горного оледенения.

В результате этого наблюдается резкое уменьшение осадков, что позволяет определить средний суббореальный период голоцена как ксеротермический. У многих рек Восточно-Европейской равнины снизилась их водность, уменьшилась кривизна излучин, разветвленные реки стали меандрировать, поймы перестали затапливаться и превратились в первые надпойменные террасы. В Прикамье в этот период выпадало всего около 50 мм осадков в год. Вероятнее всего именно по этой причине энеолитические памятники района исследования начинают располагаться на низких береговых террасах и в пойме, – территориях, которые ранее для освоения были недоступны [Демаков, 2019, с. 13–14].

Геолого-геоморфологические особенности

Кама (Воткинское водохранилище) на участке от с. Усть-Качка до устья р. Жулановки в геоморфологическом отношении представляет из себя глубоко врезанную долину шириной 3–8 км, склоны которой имеют крутизну 15–30° (реже 5–10°), местами обрывистые. В геологическом отношении территория исследования начала изучаться довольно поздно – во второй половине XX в. В 1957 г. Мещерской экспедицией Всесоюзного гидрогеологического треста были завершены инженерно-геологические исследования масштаба 1:100000 в зоне проектирования Воткинского водохранилища [Варварина и др., 1957, с. 100–120]. Из четвертичных отложений выделены элювиально-делювиальные, делювиальные, аллювиальные: пойменные и террасовые образования, болотные и эоловые.

Второй большой этап изучения отложений антропогена связан со съемками Уральского территориального геологического управления [Верещагина, 1963, с. 80].

Стратиграфическое расчленение пород произведено на основе литолого-фациального анализа в сочетании с методами геоморфологии, литологии и палеонтологии.

Толща неогенового аллювия представлена преимущественно песчано-гравийно-галечниковыми скоплениями. Изменение размеров частиц наблюдается от верхних к нижним горизонтам, вскрываемых обнажениями: от мелких и средних, диаметр галек увеличивается до крупных и хорошо окатанных. В составе галек много кварца, кремней, роговиков, красных яшм и яшмовидных пород, порфириров; большое содержание порфирировых галек составляет отличительный признак неогенового аллювия [Горецкий, 1964, с. 234–242]. Пески разнотернистые, промытые, серые, бурые и красновато-бурые.

Хорошую морфологическую выраженность в рельефе имеют повсеместно затопленные низкая и высокая поймы, а также четыре надпойменные террасы. Мощность четвертичного аллювия варьирует от 7 до 26 м по данным бурения геологосъемочных партий [Назаров, 2005, с. 55]. Поверхность четвертой надпойменной террасы практически везде скрыта под мощным чехлом элювиально-делювиальных отложений. Третья терраса возвышается над урезом воды водохранилища на 10 м, в отдаленных участках речной долины – высота увеличивается до 40 м. Поверхность террасы покрыта песчаными прирусловыми валами и грядами, с болотами в межгрядовых понижениях, заросшая хвойными лесами, в основном сосновыми. Четвертая и третья террасы сложены в нижней части крупногалечным и галечно-гравийным материалом с линзами разнотернистых песков, в верхах – косослоистыми песками, алевритами и суглинками, а также глины. Мощность аллювиальной толщи третьей террасы 20–25 м, четвертой террасы – до 14 м. Первая и вторая террасы – низкие, в высоту достигают в среднем 15 м, разрез чаще всего представлен переслаиваниями песков и суглинков.

Результаты картографирования памятников

На участке исследования нами было картографировано 18 из 25 археологических памятников, относящихся к эпохе энеолита. Связано это с тем, что данные памятники активно исследовались перед заполнением Воткинского водохранилища, и в ходе их изучения было обнаружено достаточное количество артефактов, маркирующих их принадлежность к эпохе энеолита. Также 14 из 18 памятников хотя и пострадали от береговой абразии, но до сих пор доступны для дальнейшего археологического изучения.

16 из 18 памятников находятся на правом берегу Камы, 9 из них привязаны к мысам впадающих в Каму небольших рек и ручьев. Все памятники располагались на низких и средних песчаных боровых террасах, поросших сосновым лесом. Высота террас до заполнения водохранилища варьировалась от 5 до 22 м над уровнем Камы (табл. 1). На данный момент полностью затопленными и доступными только в период низкой воды являются 4 памятника: Камский Бор I–II, поселения и Забойная I–II, стоянки.

В ходе картографирования было выделено 3 группы памятников:

1. Новоильинская (окрестности п. Новоильинский) – 3 памятника;
2. Усть-Очерская (Очерский залив Воткинского водохранилища) – 6 памятников;
3. Камо-Жулановская (устье р. Жулановка) – 9 памятников.

Памятники Новоильинской группы (рис. 2) расположены на низкой (II) песчаной террасе, поросшей сосновым лесом, которая возвышается над современным руслом Камы на уровне от 6 до 10 м. Береговая линия частично размывается Камой, однако на поверхности памятников до сих пор прослеживаются следы раскопов конца 50-х – начала 60-х гг. XX в. В пределах участка встречаются также размываемые в данный момент останцы, сложенные пермскими конгломератами.

Таблица 1. Морфологические параметры долины Средней Камы в пределах изученных участков

Рельеф	Основные характеристики	Участок Новоильинской группы	Участок Усть-Очерской группы	Участок Камо-Жулановской группы
Низкая пойма	Относительная высота, м	3–4	2–3	3–4
	Мощность аллювиальных отложений, м	7–10	9–11	10–12
Высокая пойма	Относительная высота, м	5–7	5–8	5–8
	Мощность аллювиальных отложений, м	7–10	9–12	9–13
I надпойменная терраса	Относительная высота, м	9–12	9–12	9–13
	Мощность аллювиальных отложений, м	9–13	8–13	9–18
II надпойменная терраса	Относительная высота, м	26–31	9–22	13–32
	Мощность аллювиальных отложений, м	4–6	5–13	3–13
III надпойменная терраса	Относительная высота, м	17–32	23–41	23–33
	Мощность аллювиальных отложений, м	7–15	21–26	8–20
IV надпойменная терраса	Относительная высота, м	37–47	36–40	22–42
	Мощность аллювиальных отложений, м	12–14	6–8	5–6

Участок Новоильинской группы памятников отличается от других хорошей выраженностью в рельефе III надпойменной террасы, мощность аллювия которой возрастает до 15 м. По результатам бурения выявлено, что размер галек отчетливо увеличивается к низу – с 2–4 см до 10–20 см в базальном горизонте. В петрографическом составе галек много порфиринов, габро-диабазов, красных яшм, яшмовидных пород, кварцитов, красных кварцевых песчаников, кварца.

В ходе раскопок на данных стоянках было изучено 6 жилищ, материалы из которых позволили отнести их к эпохе энеолита. Ново-Ильинские I–II, поселения относятся к гаринской археологической культуре, в то время как на памятнике Ново-Ильинское III, поселение были обнаружены артефакты, принадлежащие как гаринской, так и новоильинской культуре [Бадер, 1959а; Бадер, 1961б; Бадер, 1961в; Лычагина, 2010].

Усть-Очерская группа памятников (рис. 3) интересна тем, что здесь памятники расположены как на левом, так и на правом берегу Камы. Однако эта группа является наиболее пострадавшей от воздействия Воткинского водохранилища, площадки четырех памятников полностью затоплены и доступны для посещения только в период низкой воды (сезонной осушки водохранилища), оставшиеся два памятника

возвышаются над современным уровнем Камы на 2–3 м и подвержены активной береговой абразии.

Памятники Усть-Очёрской группы приурочены к низким I, II надпойменным террасам, при этом поселение Усть-Очёр I расположено на останце первой террасы, который отделен от берега перешейком, затапливающимся при подъеме уровня воды (рис. 4).

В ходе раскопок на данных стоянках было изучено 19 жилищ, материалы из которых позволили отнести их к эпохе энеолита. Камский Бор I–III, поселения и Забойная I–II, стоянки относятся к гаринской археологической культуре, в то время как на памятнике Усть-Очер I, поселение были обнаружены артефакты, принадлежащие новоильинской культуре. Также на территории данных памятников были обнаружены материалы, относящиеся к эпохе верхнего палеолита, позднего мезолита и раннего железного века (ананьинская культура), а при раскопках памятника Забойная I, стоянка были обнаружены сосуд и кельт ерзовской археологической культуры бронзового века [Ширинкина, 1956; Коногонова, 1961; Кольцов, 1961; Бадер, Оборин 1960; Мельничук, 2011; Бадер, 19596].

Камо-Жулановская группа памятников (рис. 5) наиболее многочисленная. Поселения расположены на песчаной береговой террасе на протяжении 2,5 км и расположены над современным уровнем Камы на высоте от 1 до 12 м. Терраса покрыта сосновым, местами смешанным лесом. Береговая линия подвержена активной береговой абразии, о чем свидетельствуют находки каменных орудий на пляже, вдоль террасы.

В ходе раскопок на данных памятниках было изучено 13 жилищ, материалы из которых позволили отнести их к эпохе энеолита, а именно – к гаринской археологической культуре. Помимо этого, на территории данных памятников были обнаружены артефакты, относящиеся к эпохе мезолита и неолита [Бадер, Тихонов, 1954; Денисов, 1961].

Обсуждение результатов

По результатам картографирования памятников можно предположить, что селитебные предпочтения энеолитических обществ основывались не только на близости к Каме, как источнику воды и пропитания, но и близости к сырью, которое имело в размываемых участках долины наиболее удобное расположение. Особенно привлекательными в данном случае выступали останцы древних террас (III–IV), которые имеют более сложное строение по сравнению с молодыми и низкими I и II террасами (рис. 6). За счет абразии в уступе этих поверхностей могут выклиниваться цокольные пермские отложения, зачастую представленные конгломератами богатого петрографического состава. Широкое развитие конгломератов в составе коренных пермских пород бассейна Средней Камы оказало сильное влияние на формирование долины, ее рельефа и неоген-четвертичного аллювия. Такие отложения образуют своеобразную броню, предохраняющую от денудации и эрозионного размыва.

Вторая особенность, выявленная в ходе анализа местоположений памятников – приуроченность к местам слияния рек и мысовидным участкам. Подобные закономерности находят много аналогий, в том числе в целом для гаринской культуры, наибольшая концентрация памятников которой наблюдается в приустьевой части р. Чусовой, около городов Пермь, Березники, Оса, Оханск, Чайковский, а также по берегам рек, впадающих в Чусовское озеро [Бадер, 1961а, с. 50].

Заключение

Проведенное исследование показало, что использование, наряду с археологическими, геоморфологических методов, позволяет лучше понять причины выбора того или иного места в качестве жилой площадки в древности. В нашем случае речь идет о сочетании двух факторов – близости источников воды при отсутствии угрозы ежегодных наводнений (в силу низкой водности Камы) и близости источников

каменного сырья. Это подтверждается, в том числе, и в ходе петрографического анализа каменного сырья с энеолитических памятников района исследований. Его основу составляют органогенный кремний и яшма вулканогенно-осадочная, окремненная, встречающиеся в виде галек небольших размеров.

Библиографический список

1. Бадер О.Н. Ново-Ильинское поселение // Отчеты Камской (Воткинской) Археологической Экспедиции. – Вып. 1. – М.: ИА АН СССР, 1959а. – С. 6–24
2. Бадер О.Н. Поселение Забойное 1 // Отчеты Камской (Воткинской) Археологической Экспедиции. – Вып. 1. – М.: ИА АН СССР, 1959б. – С. 25–62
3. Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // Материалы и исследования по археологии СССР. № 99. – М.: АН СССР, 1961а. – 198 с.
4. Бадер О.Н. Второе Ново-Ильинское поселение // Отчеты Камской (Воткинской) Археологической Экспедиции. – Вып. 2. – ИА АН СССР, 1961б. – С. 22–28
5. Бадер О.Н. Третье Ново-Ильинское поселение // Отчеты Камской (Воткинской) Археологической Экспедиции. – Вып. 2. – ИА АН СССР, 1961в. – С. 60–74
6. Бадер О.Н., Оборин В.А. Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1955 и 1956 годах // Ученые записки Пермского университета. Т. XII, вып. 1. – Пермь: ПГУ, 1960. – С. 3–33
7. Бадер О.Н., Тихонов Б.Г. Кама-Жулановская мезолитическая стоянка // Ученые записки Молотовского государственного университета. Вып. 166. – Молотов, 1954. – С. 93–110
8. Варварина Е.К., Вызовкин Л.А., Голубев С.М. Отчет о результатах инженерно-геологических исследований, проведенных Нытвенской партией в зоне проектируемого Воткинского водохранилища на р. Каме, на участке от г. Молотова до г. Нытвы. – М: Мингео СССР, 1957. – 800 с.
9. Верещагина В.С. Аллювиальные отложения высоких антропогенных террас Урала // Антропоген Урала. Докл. семинара по геологии четвертичных отложений Урала. – Свердловск: УКСЭ, 1963. – С. 74–95
10. Выборнов А.А., Лычагина Е.Л., Васильева И.Н., Мельничук А.Ф., Кулькова М.А. Новые данные о периодизации и хронологии новоильинских, гаринских и борских памятников Прикамья // Вестник Пермского университета. История. – 2019. – № 1 (44). – С. 34–47
11. Горецкий Г.И. Аллювий великих антропогенных прарек Русской равнины. Прареки Камского бассейна. – М.: Наука, 1964. – 416 с.
12. Демаков Д.А. Особенности расположения памятников гаринской, новоильинской и борской культур в бассейне Верхней и Средней Камы // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия *Stydia historica jenium*. № 1 (15). – Пермь: ПГГПУ, 2019. – С. 12–19
13. Денисов В.П. Кама-Жулановское III поселение // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. – Вып. 2. – М., 1961. – С. 39–59
14. Кольцов Л.В. Жилища № 9-13 на поселении Камский Бор II // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. – Вып. 2. – М., 1961. – С. 95–109.
15. Коногонова (Ширинкина) А.М. Жилища 3–8 поселения Камский Бор II // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. – Вып. 2. – М.: ИА АН СССР, 1961. – С. 76–94
16. Лычагина Е.Л. Каменный и бронзовый век Предуралья. – Пермь: ПГГПУ, 2013. – 120 с.
17. Лычагина Е.Л. Новые исследования Новоильинского III поселения // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. III. – 2010. – С. 50–63
18. Мельничук А.Ф. Поселение Усть-Очер I – энеолитический памятник в Оханском Прикамье и проблемы изучения поселений новоильинского культурного круга // Вестник Пермского университета. История. – 2011, №1 (15). – С. 22–36
19. Назаров Н.Н. Формирование аквальных геосистем Воткинского водохранилища // Известия Русского географического общества. Т. 137. № 3. – 2005. – С. 52–61.
20. Ширинкина А.М. Древнее поселение Камский бор I близ г. Оханска // Ученые записки Молотовского университета. Том XI, вып. 3. – 1956. – С. 63–69

Сведения об авторах:

Копытов Сергей Владимирович, кандидат географических наук, доцент кафедры физической географии и ландшафтной экологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Российская Федерация). Email: kopytov@psu.ru.

Демаков Денис Александрович, аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Российская Федерация). Email: demakov-denis@mail.ru.

Лычагина Евгения Леонидовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии Пермского государственного научно-исследовательского университета, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Российская Федерация). Email: lychaginae@mail.ru.

Kopytov Sergey Vladimirovich, candidate of geographic sciences, associate professor of the department of Physical Geography and Landscape Ecology, Perm State University (Perm, Russian Federation). Email: kopytov@psu.ru.

Demakov Denis Alexandrovich, postgraduate student of the chair of Domestic and World History, Archeology, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). Email: demakov-denis@mail.ru.

Lychagina Evgenia Leonidovna, doctor of historical sciences, professor of the chair of History and Archeology, Perm State University, professor of the chair of Domestic and World History, Archeology, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). Email: lychaginae@mail.ru.

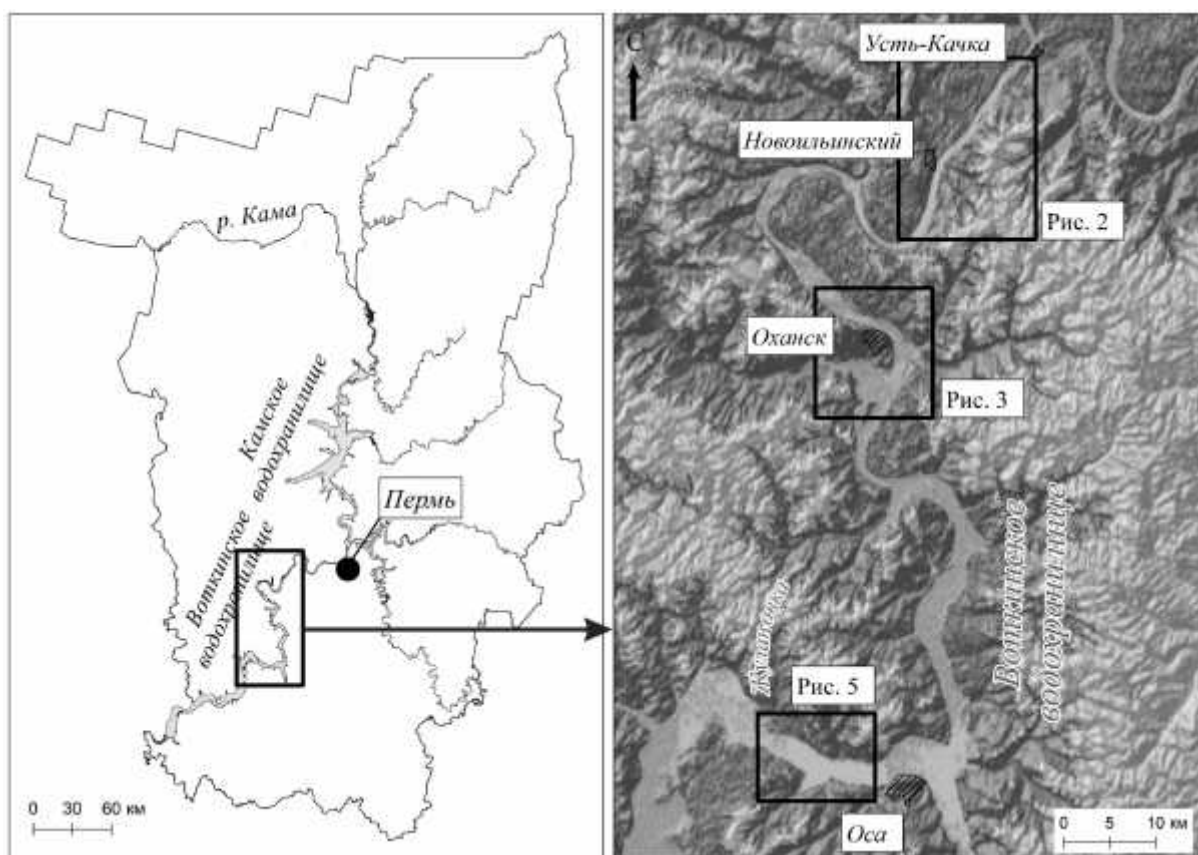

Рис. 1. Карта района исследований

Рис. 2. Карта расположения памятников Новоильинской группы

Рис. 3. Карта расположения памятников Усть-Очёрской группы

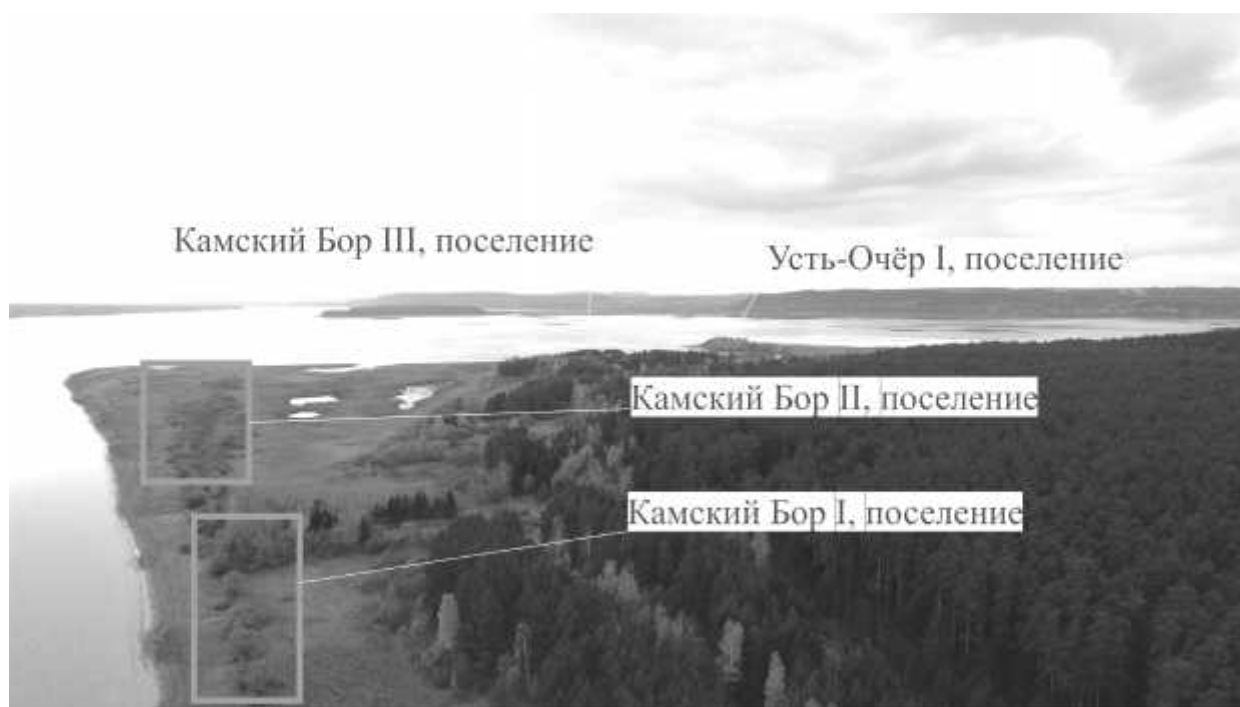

Рис. 4. Памятники Усть-Очёрской группы в период осенней осушки Воткинского водохранилища

Рис. 5. Карта расположения памятников Камо-Жулановской группы. Условные обозначения: 1 – Камо-Жулановка I, поселение, 2 – Камо-Жулановка II, поселение, 3 – Камо-Жулановка III, поселение, 4 – Камо-Жулановка IV, поселение, 5 – Ольховка, поселение, 6 – Ольховка-Первомайка, поселение, 7 – Первомайка I, поселение, 8 – Первомайка II, поселение, 9 – Первомайка III, поселение

Рис. 6. Обнажение пермских конгломератов в основании разреза останца III надпойменной террасы в пределах памятника Новоильинское I поселение

УДК 902/904

DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-30-38

Батуева Н.С.^{1,2}, Митрошин Е.Н.³**КЕРАМИКА АНАНЬИНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ОГУРДИНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК
2018 г.)***¹Пермская региональная общественная организация «Археологи Прикамья»²Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ³Пермский федеральный научный центр УрО РАН, Пермь, РФ

Огурдинское поселение один из ключевых памятников эпохи мезолита. Его исследования продолжались длительное время. Одни из последних были проведены в 2018 г. В ходе работ, в раскопе площадью 36 м², было обнаружено 295 фрагментов керамики от не менее чем 4 сосудов, относящихся к раннему железному веку. Нами был проведен технико-технологический анализ посуды Огурдинского поселения. Выделенный керамический комплекс имеет следующие общие черты: использование незапесоченного / слабоzapесоченного ИПС в естественном увлажненном состоянии, с добавлением в формовочную массу раковины и органического раствора; наличие «воротничка» на шейке, округлые днища, толщина стенок 0,4-0,6 см, орнаментация верхней части сосудов с помощью отпечатков шнура и гребенчатого штампа сочетающимися с наколами полой костью или ямочными вдавлениями. Был проведен сравнительный анализ керамики Огурдинского поселения с посудой VI Заюрчимского поселения, Зуево-Ключеского I городища, и Бирского поселения. Были выделены основные сходства и различия. В результате керамика была отнесена к раннему этапу ананьинской культуры. Сделан вывод о необходимости дальнейшего изучения посуды данной культуры с возможностью реконструировать процесс изготовления ананьинской керамики и более детально изучить гончарные традиции, существовавшие в данный период времени.

Ключевые слова: Огурдино, поселение, сравнительный анализ, технико-технологический анализ, ананьинская культура, ранний железный век.

Batueva N.S.^{1,2}, Mitroshin E.N.³**CERAMICS OF THE ANANYINSKY ARCHAEOLOGICAL CULTURE OF
THE OGURDINSKY SETTLEMENT (BASED ON THE MATERIALS OF THE 2018
EXCAVATIONS)**¹Chairman of the Perm Regional Public Organization «Archaeologists of the Kama region»²Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia³Perm Federal Research Center, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia

The Ogurdino settlement is one of the key sites of the Mesolithic. Its research continued for a long time. One of the last ones was held in 2018. During the work, 295 fragments of ceramics from at least 4 vessels belonging to the Early Iron Age were found. We conducted a technical and technological analysis of the pottery of the Ogurdino settlement. The selected ceramic complex has the following common features: the use of unpeeled / lightly sanded clay in a naturally moistened state, with the addition of a shell and organic solution to the molding mass; the presence of a "collar" on the neck, rounded bottoms, wall thickness of 0.4-0.6 cm, ornamentation of the upper part of the vessels using cord prints and a comb stamp combined with hollow bone or dimple indentations. A comparative analysis of the ceramics of the Ogurdino settlement with the pottery of the VI Zayurchim settlement, the Zuyev-Klyuchsky I settlement, and the Birsky settlement was carried out. The main similarities and differences were highlighted. As a result, ceramics were attributed to the Ananyino culture and it was concluded that it was necessary to further study the dishes of this culture

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г., в рамках государственного задания, номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2 «Урал – этнокультурный перекресток Евразии»

with the possibility to reconstruct the process of making Ananyino ceramics and to study in more detail the pottery traditions that existed in this period of time.

Key words: Ogurdino, settlement, ceramics, comparative analysis, technical and technological analysis, Ananyin culture, Early Iron Age.

Введение

Огурдинское поселение расположено на правом берегу р. Кама между п. Огурдино и п. Орёл Усольского района Пермского края. Оно занимает край высокой надпойменной террасы, возвышаясь над уровнем реки на 10–11 м, и простирается вдоль берега на 2–2,5 км.

Памятник был открыт в 1949 г. В.П. Денисовым и В.А. Обориным, и сразу же привлек внимание О.Н. Бадера своим кремнёвым микролитическим инвентарем. Данное поселение является самым большим мезолитическим памятником на территории Среднего и Верхнего Прикамья.

Первые исследования памятника были проведены О.Н. Бадером в 1951–1952 гг. Памятник в целом характеризуется, как поселение эпохи мезолита, однако на его территории были зафиксированы следы и более позднего заселения – раннего железного века и средневековья [Бадер, 1960, с. 154–155]. Общая характеристика памятника дается во многих работах исследователя [Бадер, 1966, с. 194–195].

После 30-летнего перерыва в 1984 г. раскопки Огурдинского поселения были продолжены А.Ф. Мельничуком и А.М. Белавиным. К ананьинской культуре были отнесены фрагменты стенок одного сосуда [Мельничук, 1989, с. 244–249]. Работы на памятнике были продолжены в 1993–1996, 2002 гг. [Лычагина, 2014, с. 182–187].

В июле 2018 г. исследования на поселении Огурдино были продолжены. Раскоп, общей площадью 36 м² был разбит у северной границы памятника, практически вплотную к территории бывшего дома отдыха «Урал».

Коллекция, собранная в результате исследований 2018 г., принадлежит к двум хронологическим периодам – мезолиту и раннему железному веку. К мезолиту относится 471 изделие из камня. Результаты анализа каменного инвентаря опубликованы [Митрошин, Лычагина, 2020, с. 53–62]. К раннему железному веку были отнесены 295 фрагментов керамики не менее чем от четырех сосудов, которая залегала скоплениями (рис. 5).

Фрагменты керамики встречаются в верхней части культурного слоя. Отдельные фрагменты фиксируются на глубине -0,1-0,2 м от поверхности. Максимальная концентрация была отмечена на глубине -0,25-0,3 м (рис. 1–2) и залегала скоплениями (рис. 3–4). С ранним железным веком можно связать красно-коричневый прокал овальной формы, который был зафиксирован на глубине -0,3 м и имел размеры: 0,8 х 0,9 м. В нем встречались кальцинированные кости животных и фрагменты керамики ананьинской культуры (рис. 2).

Данная статья посвящена результатам исследования посуды раннего железного века из раскопа 2018 г.

Методы исследования

На начальном этапе исследования обнаруженные фрагменты керамики были подвергнуты типологическому анализу и были разделены на 4 разных сосуда. Первоначальный анализ керамики основывался на данных о толщине стенок сосудов, форме венчиков и элементах орнамента (накольчатом, шнуровом или гребенчатом), способах нанесения узора.

Далее посуда подвергалась технико-технологическому анализу. Данные исследования керамики были выполнены в рамках историко-культурного направления, разработанного А.А. Бобринским на основе применения методики бинокулярной микроскопии, трасологии и физического моделирования [Бобринский, 1978; 1999]. Историко-культурный подход предусматривает выявление конкретных навыков труда,

с помощью которых изготавливалась керамика [Бобринский, 1999]. Анализ технологии изготовления керамики осуществлялся в соответствии со структурой гончарного производства (десять обязательных и две дополнительных ступени, объединенных в стадии: подготовительную, созидательную и закрепительную) [Бобринский, 1999, с. 9–11]. В данной работе упор был сделан на изучении двух элементов гончарной технологии: представлении об исходном пластичном сырье (далее ИПС) и рецептах формовочных масс (далее ФМ).

ИПС называются природные материалы, которые могли применяться в качестве самостоятельного пластичного сырья для изготовления посуды [Бобринский, 1999, с. 17; Бобринский, Васильева, 1998, с. 193–214; Васильева, 2011, с. 70–81]. На территории Прикамья исследователи выделяют два вида ИПС: илистые глины и глины [Васильева, 2013, с. 73–83]. На современном методическом уровне выделяются следующие приемы подготовки ИПС: 1) дробление ИПС в сухом виде; 2) использование ИПС в естественно увлажненном состоянии.

Для изучения навыков труда на ступени составления ФМ – привлечены данные о рецептах, которые включают ИПС и искусственные добавки. В качестве примесей были выявлены: 1) органические растворы (различные клеящие природные вещества растительного или животного происхождения), 2) дробленая раковина (щелевидные пустоты, которые иногда сочетаются с обломками самих раковин) [Бобринский, 1978, с. 108].

Результаты

Обнаруженная посуда Огурдинского поселения песочно-серого или коричневого цвета, толщина стенок от 0,4 до 0,5 см. Судя по сохранившимся фрагментам венчиков и придонных частей, сосуды имели прямое горло с «воротничком» на шейке и округлое дно (рис. 5/4).

Сосуды украшались оттисками шнура (75%) (рис. 5), гребенчатого штампа (100%), ямочными вдавлениями (25%) и наколами полую костью (75%) (рис. 5/1, 3–4). В основном орнаментация представлена сочетанием шнурового, гребенчатого и накольчатого орнамента, лишь в одном случае на сосуде фиксировался узор, сочетающий оттиски шнура, гребенчатого штампа и ямочных вдавлений (рис. 5/2). И один сосуд был украшен только гребенчатым штампом и наколами (рис. 5/4).

Проведенный технико-технологический анализ ананьинской посуды поселения Огурдино показал, что гончары использовали в качестве ИПС незапесоченные / слабозапесоченные глины (75%) и илистые глины (25%) в естественно увлажненном состоянии. При составлении рецептов ФМ использовался только один смешанный многокомпонентный состав – «ИПС + дробленая раковина + органический раствор».

Выделенный керамический комплекс имеет следующие общие черты: использование незапесоченного/слабозапесоченного ИПС в естественно увлажненном состоянии, с добавлением в формовочную массу раковины и органического раствора; наличие «воротничка» на шейке, округлые днища, толщина стенок 0,4–0,6 см, орнаментация верхней части сосудов с помощью отпечатков шнура и гребенчатого штампа сочетающимися с наколами полую костью или ямочными вдавлениями. Подобная керамика характерна для раннего этапа ананьинской культуры.

Обсуждение результатов

Аналогичная посуда была выявлена О.Н. Бадером в ходе раскопок, проведенных на памятнике в начале 1950-х гг. К ананьинской керамике было отнесено 40 сосудов, для которых характерны следующие признаки: выраженные «воротнички»; круглые днища; шнуровой орнамент; внутренняя поверхность имела следы обработки мелкозубчатым орудием. В то же время автор отмечает отсутствие толченой раковины в тесте сосудов. На основании этого делается вывод об отнесении комплекса к раннему этапу ананьинской культуры [Бадер, 1960, с. 154–155, рис. 3]. О.Н. Бадер датировал керамику VI в. до н.э.

Более подробные исследования подобной керамики были проведены В.П. Денисовым по материалам VI Заюрчимского поселения. В качестве основного типа посуды автором были выделены чаши с округлым дном, у которых шейка и плечико густо покрыты оттиском шнура. Также фиксируются и зубчатый штамп, насечки, наколы. Употребляется узор из сдвоенных или строенных горизонтальных шнуровых линий с заключенными между ними наклонными оттисками шнура, зигзагом, ромбами, решеткой. Почти во всех случаях узор сопровождался глубокими круглыми ямками, оставившими на внутренней поверхности сосудов «жемчужины». Поселение отнесено к середине VII в. до н.э. [Денисов 1968, с. 56–64, рис. 2].

По мнению Л.И. Ашихминой, наиболее ранним памятником ананьинской культуры является Зуево-Ключевского I городище. Керамика этого памятника имеет примесь дробленой раковины в формовочной массе. Большая часть сосудов имеет орнаментацию по шейке и плечу. Узоры чаще всего выполнены горизонтальными отпечатками шнура. Широко используется узор в виде наклонных, волнообразных и перекрещивающихся линий. Почти всегда он дополнялся глубокими круглыми ямками. Нередко встречаются сосуды со следами лощения (рис. 6). Но встречаются и архаичные черты: преобладают плоские, большей частью орнаментированные венчики, сохраняется некоторый архаизм в орнаментации, гораздо чаще встречаются композиции из заштрихованных взаимопроникающих треугольников, часто основной узор – в виде зигзагов, «елочки» – рассечен горизонтальной линией, большинство узоров окаймлено горизонтальными лентами, реже встречается линейный узор, сохраняется группировка ямок по две, три, четыре [Марков 2007, с. 49]. Комплекс отнесен к нач. VII в. до н.э. [Ашихмина 2014, с. 73, рис. 41].

По мнению В.А. Иванова, посуда с Бирского многослойного поселения близка керамике ананьинского времени. Посуду данного поселения описывают как круглодонные горшки и широкие чаши, украшенные орнаментом по шейке или по шейке и плечикам. Узор был выполнен оттиском шнура и образовывал парные горизонтальные линии, косую сетку или наклонные линии. Иногда встречаются насечки в виде «елочки». Узор сопровождается круглыми ямками у основания горлышка. Комплекс отнесен к VII в. до н.э. [Иванов 1982, с. 72, рис. 2].

Сравнительный анализ изучаемой нами посуды с приведенными выше комплексами посуды ананьинского времени показал, что керамика Огурдинского поселения, как и посуда Зуево-Ключевского I городища, изготавливалась древними гончарами из формовочной массы с добавлением такой искусственной примеси как дробленая раковина. Для всех описанных выше керамических комплексов характерны округлодонные сосуды, украшенные в верхней части (по шейке / шейке и плечикам). В орнаментальных композициях всех памятников главным элементом является отпечаток шнура. Различия составляют элементы, которые сочетались с ним. Например, на Огурдинском поселении это отпечаток гребенчатого штампа, ямочные вдавления или наколы ложкой, а на VI Заюрчимском поселении к ним добавляются еще насечки и «жемчужины». Посуда Зуево-Ключевского I городища и Бирского поселения имеет отличия в композициях орнамента. На керамике Огурдинского поселения фиксируются горизонтальные линии отпечатков шнура и гребенчатого штампа, а также ямок. В то время, как на керамике VI Заюрчимского поселения, Зуево-Ключевского I городища и Бирского поселения часто встречаются более сложные мотивы, состоящие из «елочек», зигзагов, заштрихованных треугольников, косых сеток, волнистых и наклонных линий.

Кроме этого важным отличием является присутствие «воротничков» на посуде Огурдинского поселения, в то время как на других памятниках авторы не выделяют такой элемент.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование посуды Огурдинского поселения показало, что данные материалы могут быть отнесены к раннему этапу ананьинской культуры и датированы VII – серединой VI в. до н.э.

При этом необходимо отметить, что это заключение сделано исключительно на основе морфологического описания посуды, так как технико-технологический анализ керамики ананьинской культуры ранее не проводился. Поэтому необходимо продолжить работу по изучению гончарной технологии, характерной для ананьинской культуры. В результате подобных исследований можно будет реконструировать процесс изготовления ананьинской керамики и более детально изучить гончарные традиции, существовавшие в данный период времени. Также необходимо проведение работ по технико-технологическому анализу посуды предшествующего периода – ерзовской культуры позднего бронзового века. Это поможет изучить механизмы сложения керамических традиций, характерных для ананьинской культуры.

Библиографический список:

1. Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) // Археология евразийских степей. Вып. 19. – Казань: ИА АН РТ, 2014. – 300 с.
2. Бадер О.Н. Ананьинские и более поздние селища на Огурдинской стоянке близ Усолья // Ученый записки. Т. XII. Вып. I. Труды Камской археологической экспедиции. Вып. III. – Пермь: ПГУ, 1960. – С. 151–159
3. Бадер О.Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые вопросы изучения мезолита // Материалы и исследования по археологии. № 126. – 1966. – С. 194–205
4. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
5. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 1999. – С. 5–109
6. Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара: Самар. гос. пед. ун-т. – С. 203–205
7. Васильева И.Н. Раннеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. № 2. – С. 70–81
8. Васильева И.Н. О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. № 4. – С. 73–83
9. Денисов В.П. Заюрчимское VI поселение – памятник раннего железного века в Среднем Прикамье // Ученые записки ПГУ. № 191. – 1968. – С. 48–70
10. Иванов В.А. Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. – Уфа: БФАН СССР, 1982. – С. 52–77
11. Лычагина Е.Л. Каменный и бронзовый век Предуралья. – Пермь: ПГГПУ, 2013. – 120 с.
12. Лычагина Е.Л. Каменный инвентарь поселения Огурдино (по материалам раскопок 2002 г.) // От Балтики до Урала: изыскания по археологии каменного века. – Сыктывкар: РАН УО КНЦ ИЯЛИ, 2014. – С. 182–187
13. Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) // Археология евразийских степей Вып 4. – Казань: ИА АН РТ, 2007. – 136 с.
14. Мельничук А.Ф. Материалы мезолитического Огурдинского поселения // СА. – 1989. №4. – С. 244–249
15. Митрошин Е.Н., Лычагина Е.Л. Мезолитический комплекс поселения Огурдино (по материалам раскопок 2018 г.) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XVI. – Пермь: ПГГПУ, 2020. – С. 53–62

Сведения об авторах:

Батуева Надежда Сергеевна, преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ), председатель Пермской региональной общественной организации «Археологи Прикамья» (г. Пермь, Российская Федерация), e-mail: nadiabat@yandex.ru.

Митрошин Евгений Николаевич, старший инженер Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (г. Пермь, Российская Федерация). Пермский край, г. Пермь, ул. Сигаева д. 6, кв. 255. Индекс: 614056. E-mail: mitroshindjon@yandex.ru.

Batueva Nadezhda, Lecturer of the chair of Domestic and World History, Archeology, Chairman of the Perm Regional Public Organization «Archaeologists of the Kama region», (Perm, Russian Federation). E-mail: nadiabat@yandex.ru.

Mitroshin Evgeny Nikolaevich – sn. engineer; Perm Federal Research Center, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russian Federation). Email: mitroshindjon@yandex.ru.

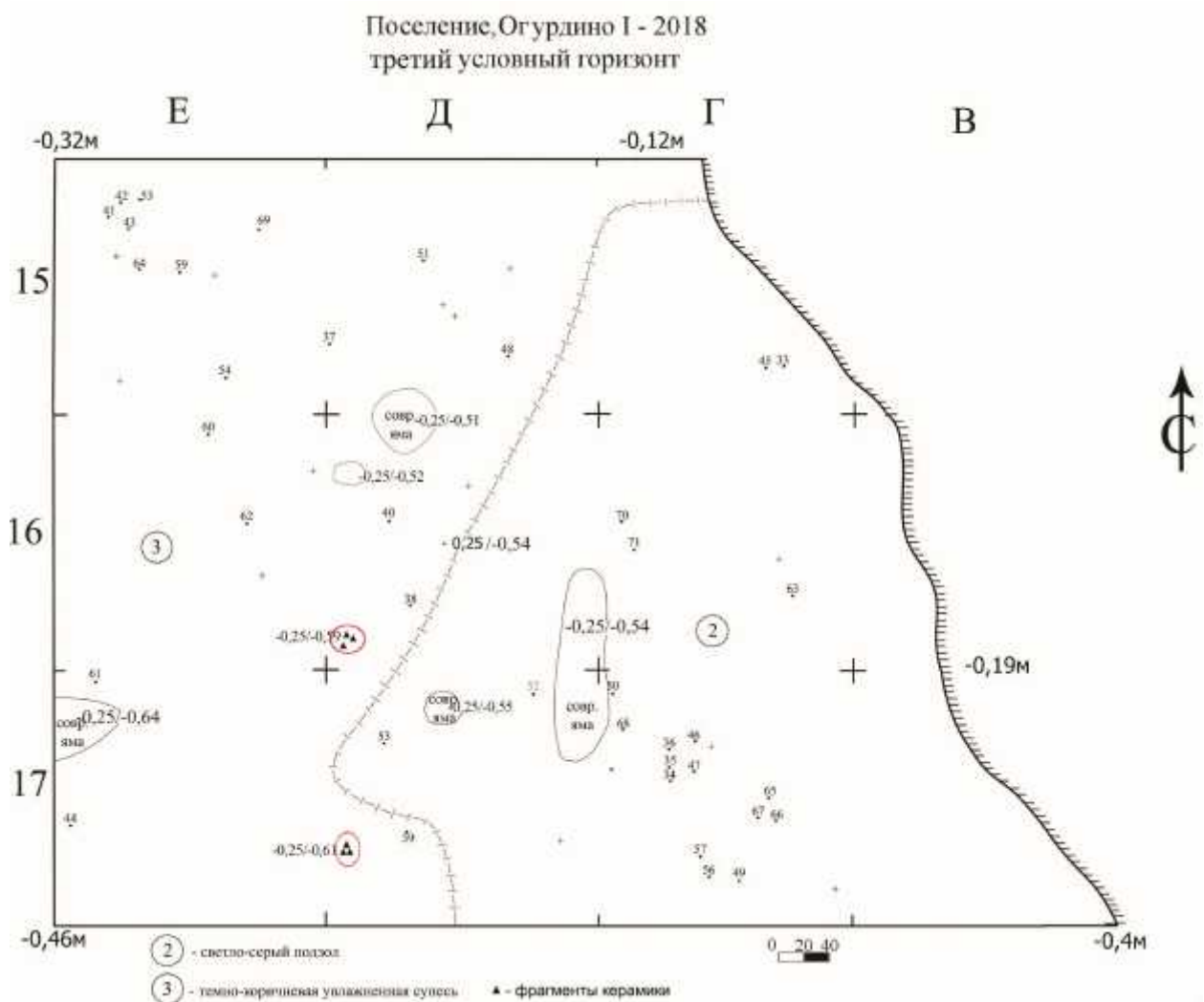

Рис. 1. Схема раскопа на третьем условном горизонте (-0,25 м)

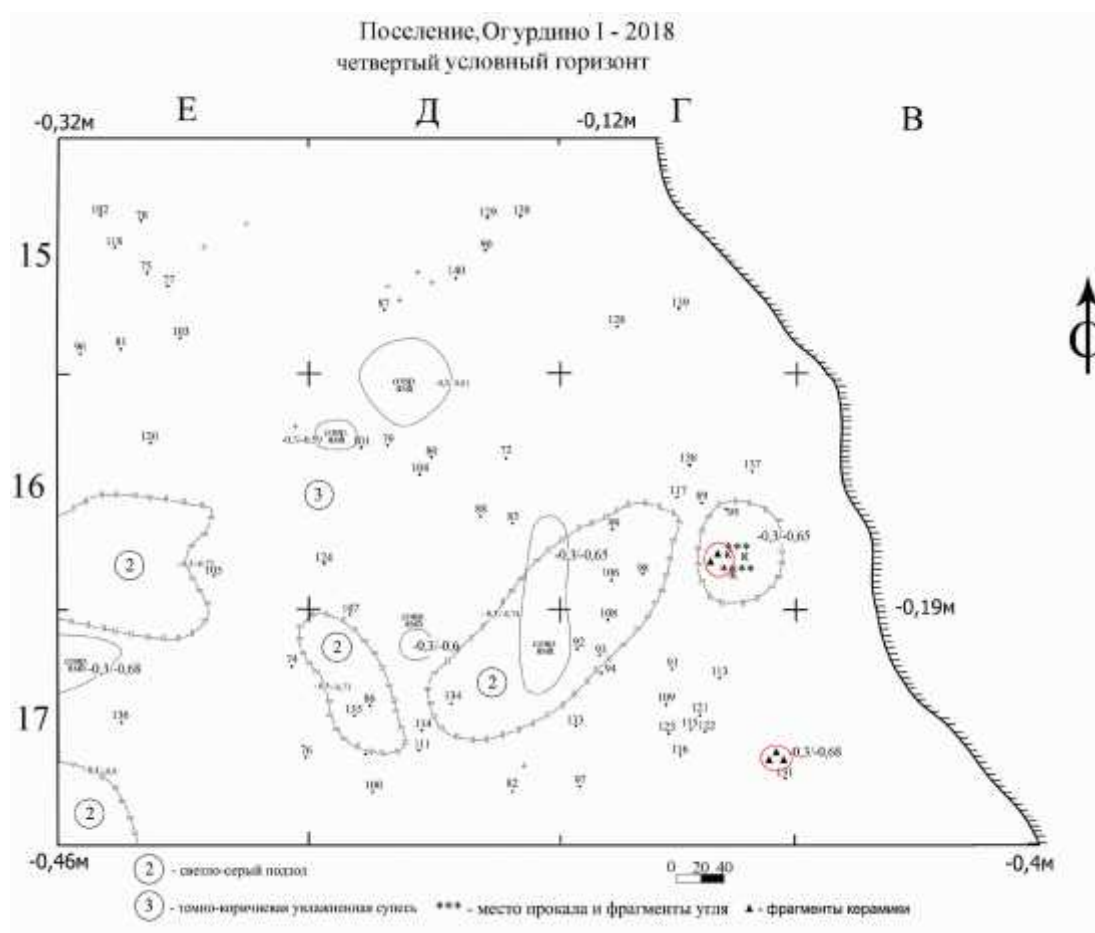

Рис. 2. Схема раскопа на четвертом условном горизонте (-0,3 м)

Рис. 3. Скопление керамики на уч. Е-Д16 (-0,25 м). Фото. Вид с Ю

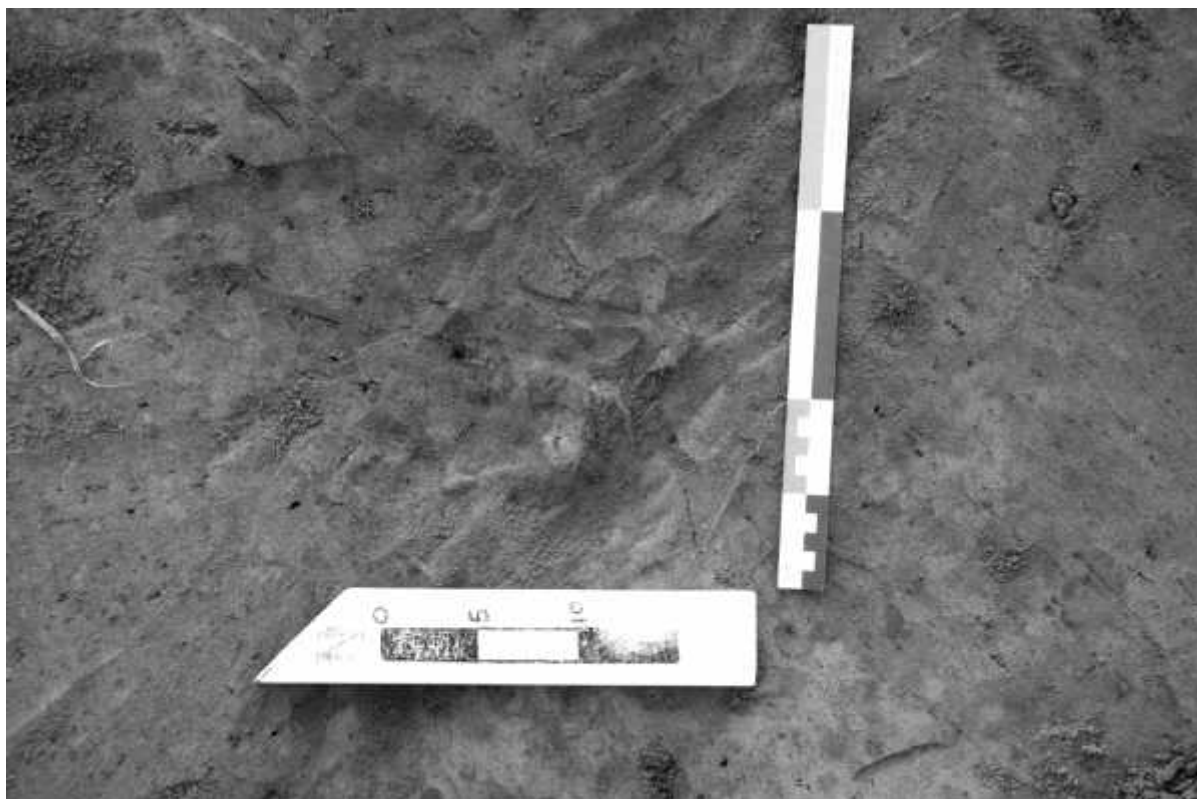

Рис. 4. Скопление керамики на уч. Е-Д/17 (-0,25 м). Фото. Вид с 3

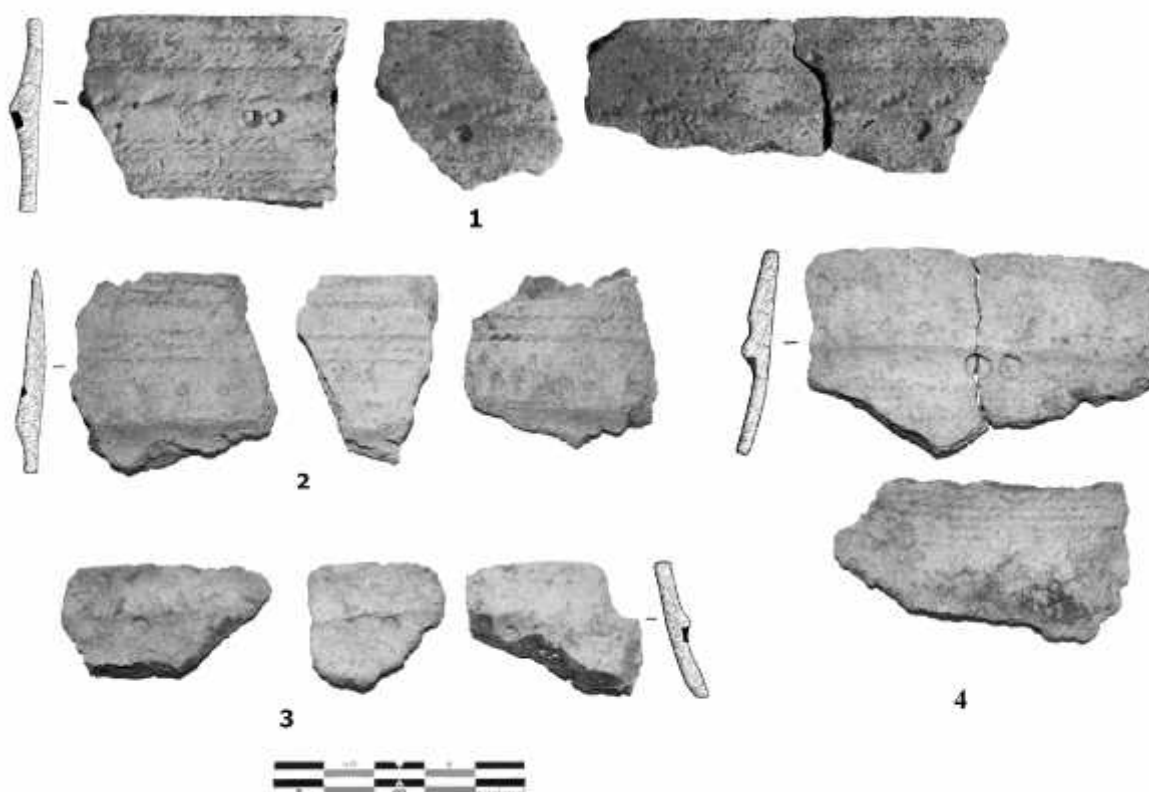

Рис. 5. Ананьинская керамика, поселение Огурдино 2018 г.

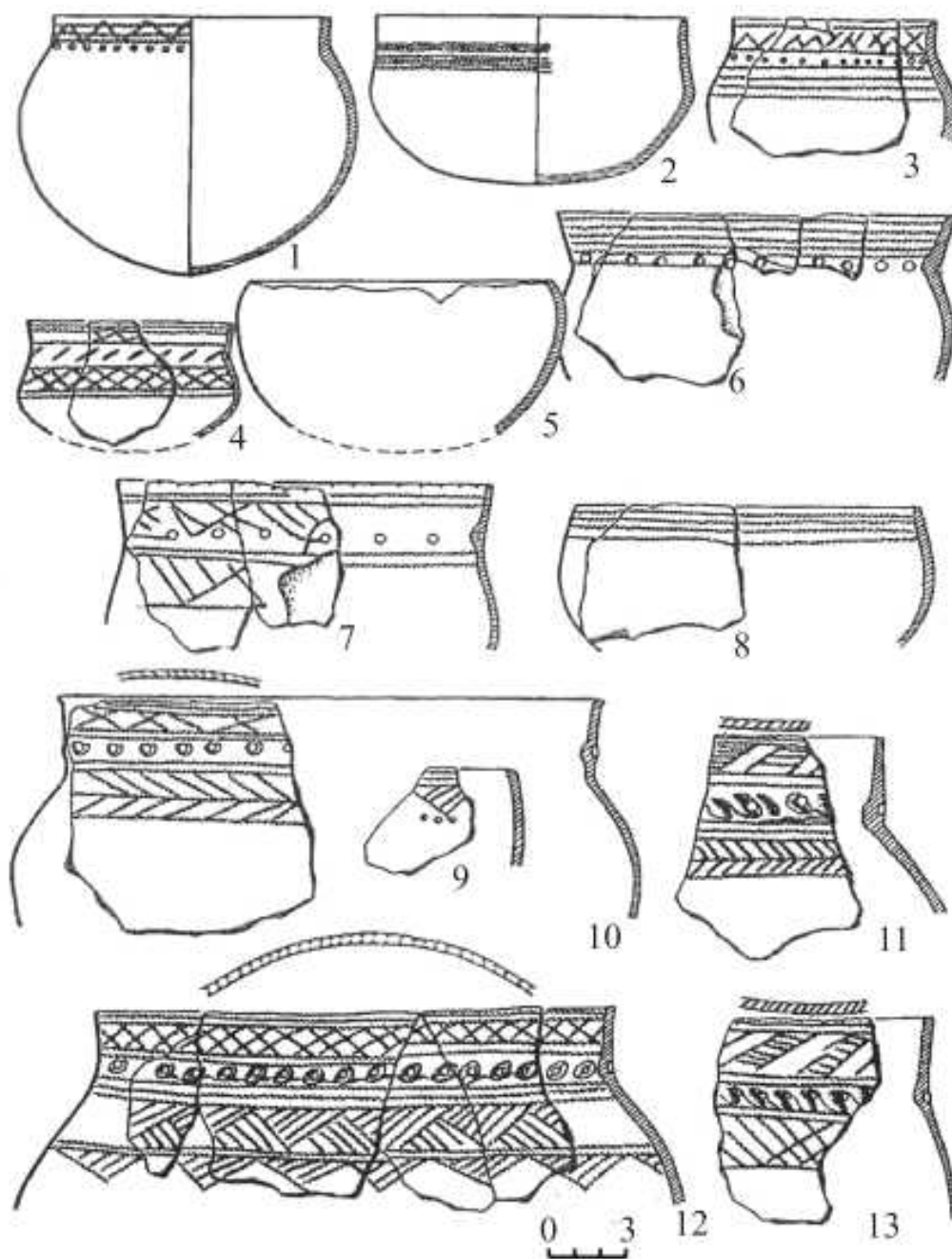

Рис. 6. Керамика Зуево-Ключевского I городища (по Л.И. Ашихминой)

УДК 903.3(470.51)(045)

DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-39-44

Половников Л.В.^{1, 2}**КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЛИЩ РАННЕГО
ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРИУРАЛЬЯ***¹Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение «Гимназия № 5», Пермь РФ²Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь РФ

В статье дается характеристика конструктивных особенностей жилищ раннего железного века, который включает в себя два промежутка: один связывают с ананьинской эпохой VIII–III вв. до н. э., второй – с существованием гляденовской культуры III в. до н.э. – V–VI в. н.э. Делается попытка показать трансформацию, которая происходила в данное время с жилыми постройками на территории Пермского Приуралья, для того, чтобы выделить характерные особенности конструктивных элементов. Рассматриваются складывающиеся в данный период технологические особенности, которые, развившись в эпоху средневековья, существовали в среде пермского населения до этнографического времени.

Количество жилищ, изученных на памятниках ананьинской и гляденовской археологических культур, составляет несколько десятков, что позволяет в полной мере дать общую характеристику конструктивных особенностей и деталей интерьера.

Ставится вопрос о преемственности ряда технологических особенностей жилых построек гляденовского населения у ананьинцев. Все это удастся проследить по археологическому материалу, который был накоплен, обработан и опубликован пермскими археологами за последние десятилетия. Данная статья подводит общий итог исследованиям, посвященным развитию жилищ в раннем железном веке.

Ключевые слова: Пермский край; Пермское Предуралье; Ранний железный век; Ананьинская культура, Гляденовская культура, жилище.

Polovnikov L.V.^{1, 2}**THE STRUCTURAL FEATURES OF THE DWELLINGS OF THE EARLY
IRON AGE IN THE PERM CIS-URALS**¹Municipal autonomous educational institution «Gimnasium №5» Perm, Russia²Perm State University of Humanities and Pedagogy, Perm, Russia

The article gives a description of the structural features of the dwellings of the early Iron Age, which includes two gaps, one associated with the Ananyinskaya culture of the VIII-III centuries. BC. E., The second with the existence of the Glyadenovskaya culture of the III c. BC. - V-VI c. AD

An attempt is made to show the transformation that took place at a given time with residential buildings in the Perm Ural area, in order to highlight the characteristic features of the structural elements.

The technological features that develop in the time of the Middle Ages, existed in the environment of the Permian population up to the ethnographic time are considered.

The number of dwellings studied on the monuments of the Ananyino culture, Glyadenovskaya culture archaeological cultures is several dozen, which allows to give a general description of the design features and details of the interior.

The question is raised about the continuity of a number of technological features of the residential buildings of the Glyadenovskaya culture population in the the Ananyinskaya culture. All this can be traced through archaeological material, which was accumulated, processed and published by Perm archaeologists for the last decades. This article sums up the development of dwellings in the early Iron Age.

Keywords: Perm region; Perm Cis-Urals; Early Iron Age; Ananyino culture, Glyadenovskaya culture, housing.

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

В раннем железном веке Пермского Предуралья традиционно выделяют два хронологических периода. Первый связывают с ананьинской эпохой VIII–III вв. до н.э., второй – с существованием гляденовской культуры III в. до н.э. – V–VI в. н.э. Несмотря на то, что в ареале этих образований можно обнаружить множество схожих культурных характеристик, наблюдаются и некоторые различия, обусловленные своеобразием хозяйственной деятельности населения. В частности, различия можно проследить в особенностях домостроительной техники.

Ананьинская эпоха. 40 лет назад А.Х. Халиков опубликовал книгу, обобщавшую результаты исследования ананьинских древностей, где рассматривались материалы поселений в территориальных рамках всей ананьинской культуры. А.Х. Халиков выделил 9 территориальных групп – культурных вариантов: западноволжский (Волга I); 2 – средневолжский (Волга II), 3 – первый нижекамский (Кама I), 4 – второй нижекамский (Кама II), 5 – вятский (Вятка), 6 – бельский (Белая I); 7 – среднекамский (Кама III), 8 – верхнекамский (Кама IV), 9 – ветлужский (Ветлуга). Так как в рамках данной работы рассматриваются особенности прикамского домостроительства, следует подробнее остановиться на двух территориальных группах: Кама III и Кама IV. Эти территориальные группы включают в себя следующие памятники: II Еловское, Ерзовское, II Каменный Бор, I Заюрчимское, VI Заюрчимское, I Половинное, II Половинное, III Половинное (все Кама III); Скородумское, Базов Бор, Огрудино, I–II Васюковские (все Кама IV) [Халиков, 1977, с. 6–10]. Данные памятники в большинстве своем, как замечает Е.М. Черных, многослойные поселения, со сложной стратиграфией. На некоторых памятниках (Васюковском II, Заюрчимском I) выявлены следы не только жилища ананьинской эпохи, но и эпохи энеолита и поздней бронзы. Поселение Половинное I интенсивно использовалось с рубежа бронзового и раннего железного века до гляденого времени [Черных, 2008, с. 39]. Таким образом, можно сделать вывод, что ананьинское население тяготело к уже обжитым местам. Данный тезис подтверждает и Е.М. Черных: «большая площадь ананьинских поселков, насыщенный находками культурный слой, высокая плотность застройки позволяют видеть в них долговременные поселки первобытных охотниче-рыболовецких коллективов» [Черных, 2010, с. 61–60].

Васюковское II поселение – один из самых северных памятников расселения камских ананьинских групп [Халиков, 1977, с. 15]. Следы жилых построек видны сразу же – они представляют собой впадины, расположенные компактной группой на небольшой площадке размерами 50 x 35 м, ограниченной канавообразным углублением искусственного происхождения [Черных, 2010, с. 55]. Впадины образуют четыре параллельных ряда. В своем плане они имеют прямоугольную либо близкую к квадратной форму, с длиной стен от 6 до 7 метров. Жилища имели площадь 30–42 м². Вдоль стен были обнаружены углистые полосы шириной 10–15 см, что косвенно может свидетельствовать о том, что стены были сложены из бревен. Вдоль стен без определенного порядка были прослежены столбовые ямки, которые, вероятнее всего, подпирали эти бревенчатые стены, для того чтобы они не рухнули. Выход с тамбуром располагался с южной или юго-западной стороны, и был обращен к реке [Черных, 2008, с. 40].

Интерьер жилищ отличался простотой. Очаги представляли собой костры, разводившиеся на земляном полу в центре помещения. В некоторых постройках находилось по два очага, расположенных в линию вдоль центральной оси жилого помещения. Одна из построек имела необычное расположение очага – в пределах небольшого выступа в стене. Возможно, огонь разводился перед входом в небольшую хижину каркасной конструкции. И конструкция, и расположение очага находят близкие соответствия в постройке коми-зырян «кола», использовавшейся в прошлом в качестве промыслового жилища [Конаков, 1983, с. 40–43].

Заюрчимские I и VI поселения раскапывались Камской археологической экспедицией в 1960-х гг. Руководили раскопками С.Н. Кореньюк и В.П. Денисов. На памятнике Заюрчим VI были исследованы два жилища. Данные постройки были углублены в грунт 0,2 м, имели прямоугольную форму в основании. В одном из жилищ в ходе раскопок было обнаружено отопительное устройство, которое представляло собой глубокую яму, расположенную в центральной части жилища, в которой разводился огонь. «Дно жилой камеры, несколько больше углубленное в центре и около очага, было слегка приподнято вдоль юго-западной и юго-восточной стен. Это Г-образное возвышение пола служило, очевидно, местом, где были устроены лежанки. На них спали ночью и выполняли хозяйственные работы днем» [Черных, 2010 с. 56]. Другая постройка, скорее всего, была каким-либо сооружением, связанным с производством. Об этом свидетельствуют находки: многочисленные обломки тиглей, медных шлаков, и расположенная извне яма-очаг для плавки металла [Кузьминых, 1977, с. 129].

Скромно представлены данные о внешнем облике данных построек, и о конструкции стен и перекрытий. Изогнутость внешних линий построек позволяет сделать предположение, что сооружение не могло иметь бревенчатую конструкцию. В данном случае должны были сохраниться следы стены, имевшей каркасную основу. Нельзя сказать, чтобы их вовсе не было. Но в расположении столбовых ям не наблюдается системы, хотя в ряде случаев они группировались попарно. Их соответствие диаметру 6–28 см и глубине 5–10 см, как указано в публикации, указывает, скорее, на тонкие жерди, составлявшие остов шалашевидного перекрытия [Черных, 2008, с. 40]. Принимая во внимание легкую конструкцию сооружений, можно предположить, что данные постройки имели сезонный характер. Возможно, постройки использовались лишь в летнее время, и простой и легкий вариант вполне устраивал обитателей поселения.

Совсем другой характер имело другое поселение, получившее в ряду Заюрчимских порядковый номер I. На данном памятнике было изучено 13 построек раннеананьинского времени (VIII–VII вв.) и три постройки, которые относились к позднему периоду (IV–III вв.). Раннеананьинские жилища имели прямоугольное основание, заглубленным в грунт до 0,3 м, их можно отнести к наземному типу. Это подавляющая часть раннеананьинских жилищ. Только три сооружения были заглублены до 0,3 м. Такая небольшая заглубленность предполагает и наличие стен, большая часть которых возвышалась над поверхностью земли. Вдоль ровных стенок котлованов прослеживались углистые полосы, скорее всего, остатки сгоревших бревенчатых конструкций стен. Вдоль стен большинства построек зафиксированы следы столбов как с внешней, так и с внутренней стороны котлованов [Черных, 2010, с.56]. Следует предположить, что это следы столбов, которые служили для фиксации бревенчатых стен, не имевших жесткой связи в углах, такие вертикальные столбы выполняли роль контрфорсов, придававших стене необходимую устойчивость [Халиков, 1977 с. 15]. «Часть построек имела внутри по центральной оси один или два ряда столбовых ям – следы вертикальных столбов "сох". Они служили опорами продольной балки – конька двускатной крыши, поскольку большие размеры построек и невысокие стены сводят до минимума вероятность односкатного перекрытия» – сообщает Е.М. Черных [Черных, 2008, с. 43]. Место входа в жилищах в большинстве случаев определяется по характерным выступам в одной из стен, чаще у середины стены. Известны случаи членения внутреннего помещения на отдельные камеры. Помещения разделялись перегородкой, о чем свидетельствует ряд столбовых ям, пересекавший постройку поперек. Неотапливаемое помещение вполне могло использоваться в холодное время для содержания скота. Наблюдаются случаи появления камерности не за счет внутреннего вычленения, а в результате «сращивания» двух функционально различных построек – жилой и хозяйственной.

Внутренний план жилищ характеризуется обычными кострищами, разводившимися на земляном полу или в углублении пола, либо очагами более сложной конструкции. Усложнение выражалось в появлении глинобитных возвышений под очагами (овальной, округлой или четырехугольной формы) или обкладки стенок и дна очажной ямы плитами песчаника [Коренюк, 1990 б, с. 86].

В ряде жилищ отмечены очаги в ямах, обмазанных глиной. Под слоем глины сохранилась углистая прослойка, напоминающая сгоревшую древесную или корьевую облицовку ямы. По одному очагу отмечено в четырех жилищах; остальные имели по два, некоторые жилища – три и более очагов. В многоочажных домах кострища располагались по продольной оси жилого помещения, либо, в единичных случаях, – в центре и в углу или у стены. Центральное осевое расположение очагов – свидетельство наличия у жилищ двускатного перекрытия с продольной щелью на месте коньковой балки.

Среди заюрчимских жилищ выделены две группы. Большая их часть имела размеры в интервале 60-100 м², но встречаются более крупные жилища – свыше 200 м². Последние (имеются сведения о двух таких жилищах) занимали место в центре поселения. Е.М. Черных объясняет этот факт сосуществованием на одном поселении домов средней площади и больших, длинных построек (18 x 12 м; 21,5 x 11,5 м) появлением характерных для позднепервобытной общины домов социально неоднозначных групп (мужских и женских, домов холостяков и т.д.). Но для проверки этой гипотезы фактического материала явно недостаточно, половозрастное деление не подтверждается ни характером находок в жилищах (они, как правило, стандартны для всех групп), ни особенностями внутреннего устройства [Черных, 2008, с. 58], – замечет исследователь.

Жилища позднего этапа ананьино (IV–III вв. до н.э.) изучены на Заюрчимском I поселении. Для них характерна наземность, прямоугольный план, центральное положение очага и глинобитный пол. Заметно уменьшаются размеры построек, площадь достигает 60 м² [Коренюк, 1990а с. 25]. Своеобразие позднеананьинских жилищ заключается в появлении глинобитных полов.

Таким образом, жилища ананьинской культуры представляли собой прямоугольное сооружение, с углубленным полом в землю, площадью до 200 м² и более. Стены – это легкий сруб, который перекрывался двухскатной крышей. Иногда встречаются жилища каркасно-столбовой конструкции. Очагов было несколько, располагались по осевой линии жилища, либо смещены в угол или к стене, это следует связывать разным функциональным назначением очажных конструкций.

Ранний железный век на территории Пермского Прикамья завершает гляденовская культура. На настоящий момент известно более 60 комплексов, относимых к гляденовской культуре в Пермском Приуралье, интерпретированных как жилища или постройки [Перескоков, 2013, с. 12].

Начало изучения жилищ было положено еще с раскопок Федотовского городища близ города Перми. Руководил раскопками В.Ф. Генинг. В одной из своих публикаций он дал описание жилища, обнаруженного в ходе раскопок. Оно было наземным, границы его оконтурены канавкой, углубленной на 30–40 см от уровня древней поверхности. Нижние бревна сруба хорошо прослеживаются в отдельных местах в виде обугленных полос от бревен толщиной в 25–30 см. Нижний венец сруба был уложен в небольшое углубление, расчищенное от почвенного слоя до подстилающей глины [Генинг, 1970, с. 20]. В.Ф. Генинг считал, что жилище было шестиугольным, аргументируя это тем, что в средней части длинных стен канавка, обрамляющая жилище, имеет очень тупой угол. На это Е.М. Черных заметила, что постройка была все-таки прямоугольной, о чем свидетельствует длительная практика строительства в Пермском Приуралье. Тупой угол канавки мог образоваться своеобразием соединения двух бревен [Черных, 2014, с. 47]. Так как длина стены составляла 18 м [Генинг, 1970,

с. 20], вряд ли древние строители могли использовать бревна подобной величины. В пермском домостроительстве обычно используются деревья хвойных пород. Несущественный для них перепад толщины от вершины к комелю образуется при длине 6-10 м [Громов, 1985, с. 321].

У входа в жилище был устроен тамбур длиной 3,2 м. Наружная стена тамбура между концами сруба состояла из тонких жердей, вложенных с каждой стороны от входа, между тремя столбами. От жилища тамбур был отделен капитальной стеной, также подсыпанной завалинкой. Внутри жилища по средней линии расположены два наземных очага – кострища, на площадке которых подсыпан мелкий галечник. В среднюю и позднюю эпоху жизни гляденовского населения на городище очаги стали устраиваться на глиняной подсыпке – подушке, заключенной в квадратную деревянную раму высотой до 20 см [Генинг, 1970, с. 20]. Жилище имело двухскатную крышу из жердей, которая опиралась нижними концами на верхний венец сруба, а верхними – на два продольные слегги, закрепленные на столбах. Крыша покрывалась берестой [Бадер, Оборин, 1958, с. 117]. Стоит отметить, что жилища Федотовского городища являются позднего гляденовскими.

Ранние гляденовские жилища были исследованы на Скородумском селище О.Н. Бадером, который дал их описание. Они напоминали по своей форме и устройству поздние ананьинские. В основании прямоугольная форма, слабоуглубленная в землю длиной 16 м и шириной 6–7 м. В центре жилища находился очаг для приготовления пищи, сложенный из крупных и мелких камней. Перед входом в жилище был второй очаг. Около него найдены железные шлаки и небольшие крицы [Бадер, Оборин, 1958, с. 115]. Этот очаг, возможно, служил для варки железа.

Другой памятник, принадлежащий к гляденовской культуре, – Осинское городище. На нем были изучены жилища имеющие меньшую площадь чем на Скородумском – 60 м². От этих жилищ сохранились слабые углубления от канавок, в которые укладывался нижний венец деревянного сруба. В жилище находились два очага [Бадер, Оборин, 1958, с. 115]. Один – небольшой, расположенный у входа, – обогревал помещение, а второй находился в центре и, скорее всего, служил для приготовления пищи. В некоторых осинских жилищах был прослежен глинобитный пол. М.Л. Перескоков отмечает, что на гляденовском селище Болгары VIII, расположенном на суглинистой почве, в жилищах отопительное устройство располагалось на глиняной площадке [Перескоков, 2013, с. 233]. Тем самым исследователь делает вывод, что гляденовцы отдавали свое предпочтение глине, нежели суглинка [Перескоков, 2013, с. 233].

В трех слабоуглубленных жилищах присутствовал глинобитный пол [Черных, 2008, с. 60]. С устройством земляного пола гляденовских построек, может быть связана степень углубленности жилищ. Все жилища этого времени – наземные или слабоуглубленные. Вероятно, там, где глубина почвенного слоя при постройке жилища была небольшой, постройка почти не углублена, так как целью углубления был подстилающий слой для устройства пола [Перескоков, 2013, с. 236].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что гляденовские жилища представляли собой наземные срубные постройки прямоугольной формы в основании, размер которых уменьшался со временем. Жилища имели тамбур. В жилищах было несколько очагов, один перед входом для обогрева, другой – для приготовления пищи. Некоторые очаги представляли собой конструкции на глиняной подушке-подсыпке. Пол в некоторых жилищах был глинобитным. Кровля двухскатная.

Таким образом, видна эволюция жилищ раннего железного века на территории Пермского Прикамья, а именно «вырастании» жилых построек из земли. В ананьинскую эпоху жилища, углубленные более чем на 0,3 м, встречаются крайне редко, позже, а на рубеже и в новой эре вовсе неизвестны. «Вырастают» из земли и стены построек, т.е. выводятся на поверхность, что влечет за собой усложнение

в конструкции. Если раньше в эпоху энеолита достаточно было в котловане выложить стенки бревнами, то эпоху раннего железного века потребовалось укрепить бревенчатую кладку. Жилища уменьшаются, что можно связывать с распадом крупной патриархальной семьи на малые. Проявляется тенденция обособления семей. Сезонные жилища представляют собой шалашевидную постройку, нежели более укрепленные долговременные. Земляной пол постепенно заменяется глинобитным, очажные конструкции также возводились на глинобитной подушке, следовательно, ананьинцам и гляденовцам было знакомо такое физическое свойство глины, как низкая теплопроводность. Неизменным оставалась конструкция кровли – двухскатной с щелью для выхода дыма, т.к. очаги располагались по осевой линии жилища.

Трансформацию в конструктивных особенностях следует связывать с изменением социальной структуры древних пермян и длительностью проживания на определенном месте.

Библиографический список

1. Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. – Пермь: Пермск. кн. изд-во, 1958. – 224 с.
2. Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.1. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып.10. – Свердловск: УрГУ, 1970. – 258 с.
3. Громов Г.Г. Крестьянское жилище // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 1. – М.: МГУ, 1985. – С. 317–342
4. Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в.: Культура промыслового населения таежной зоны Европейского Северо-Востока / ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. – М.: Наука, 1983. – 248 с.
5. Коренюк С.Н. Жилища IV–III вв. до н.э. Заюрчимского I поселения // IX Октябрьские чтения: Тез. докл. на конф. молодых ученых. 1: Секции гуманитарных наук. – Пермь: ПГУ, 1990а.
6. Коренюк С.Н. Жилища раннеананьинских поселений южно-таежного Прикамья // Взаимодействие древних культур Урала: Межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т им. А.М. Горького; гл. ред. В. А. Оборин. – Пермь : ПГУ, 1990б.
7. Кузьминых С.В. Об ананьинской обработке бронзы // АЭМК. Вып. 2: Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола: НИИ при Сов. Мин.Марийск. АССР, 1977. – С.126–166
8. Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века (первая половина – Середина I тыс.н.э.). Автореф. дис. ... канд.ист.наук. – Казань, 2013. – 28 с.
9. Перескоков М.Л. Древнепермское жилище в финале раннего железного века // Преподаватель XXI век. – 2011. Вып.3. Ч.2. – С. 231–238
10. Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. – М.: Наука, 1977. – 263 с.
11. Черных Е.М. Жилища начала железного века в Волго-Камье//РА. – 2010. №3. – С.51–60
12. Черных Е.М. Жилища Прикамья (эпоха железа). – Ижевск: УдГУ, 2008. – 272 с.
13. Черных Е.М. О жилищах гляденовской культуры и некоторых аспектах адаптации древних пермян к природным условиям и особенностям хозяйственной деятельности (возвращаясь к исследованиям В. Ф. Генинга середины прошлого века) // Поволжская Археология. – 2014. №1 (7). – С. 46–68

Сведения об авторе:

Половников Леонид Вячеславович, учитель истории и обществознания МАОУ «Гимназия №5», научный сотрудник КАЭЭ (г. Пермь, Российская Федерация). E-mail: lv_polovnikoff@mail.ru.

Polovnikov Leonid Vyacheslavovich, teacher of history and social studies MAEI «Gymnasium №5», Researcher AESS (Perm, Russian Federation). E-mail: lv_polovnikoff@mail.ru.

*MAGNA HUNGARIA:
МАДЬЯРСКИЕ ДРЕВНОСТИ УРАЛА*

УДК 902

DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-46-60

Иванов В.А.¹, Чичко Т.В.²**НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ К ХРОНОЛОГИИ УГОРСКИХ
(ДРЕВНЕМАДЬЯРСКИХ) МОГИЛЬНИКОВ ПРЕДУРАЛЬЯ***¹ Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН, Уфа, РФ² Астраханский государственный университет, Астрахань, РФ

В статье приводятся результаты статистической корреляции вещей из угорских-мадьярских могильников Предуралья второй половины I тыс. н.э. (корреляция Пирсона, установленная на материалах 424 погребений кушнаренковской, караякуповской, неволинской и ломоватовской культур). Полученные результаты показывают, что типы вещей – детали поясной гарнитуры, украшения, монеты – признанные в качестве хронологических маркёров, в погребальных комплексах указанных культур представлены незначительно. А между собой они обнаруживают слабую положительную связь (корреляция Пирсона). Это приводит авторов к выводу о том, что, во-первых, монеты не могут быть признаны надёжными хронологическими маркёрами. Во-вторых, предлагаемая исследователями узкая датировка комплексов с разбивкой в среднем на 50 лет, имеет узко локальный характер и не распространяется на весь ареал древних угров-мадьяр в Предуралье.

Ключевые слова: кушнаренковская, караякуповская, неволинская, ломоватовская культуры, монеты, корреляция Пирсона.

Ivanov V.A.¹, Chichko T.V.²**SOME ADDITIONS TO THE CHRONOLOGY OF UGRIAN (ANCIENT
MAGYAR) BURIAL SITES IN PREDURALYE**¹ Institute of Ethnological Studies of R. G. Kuzeev, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation² Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation

The article reveals the results of statistical correlation of items unearthed at Ugrian Magyar burial sites of Preduralye dating back to the second half of the first millennium AD (the Pearson correlation established on materials from 424 burial sites of the Kushnarenkovo, Karayakupovo, Nevolino and Lomovatovo cultures). The findings show that the items of the kinds assumed as chronological markers (fragments of belt decorations, ornaments and coins) are scarce at the burial complexes of the cultures specified. Meanwhile, they reveal a faint positive correlation (Pearson correlation). This leads the authors to believe that, firstly, coins cannot be considered reliable chronological markers. Secondly, the close dating of the complexes with the average division by 50 years is strictly local and cannot apply to the entire culture area of ancient Ugrian Madyars in Preduralye.

Key Words: Kushnarenkovo, Karayakupovo, Nevolino, and Lomovatovo cultures, coins, the Pearson correlation

Едва ли есть смысл в том, чтобы в очередной раз обосновывать и доказывать необходимость и важность датировки и хронологизации археологических памятников, отражающих историю тех регионов, которые остались за пределами классического исторического источниковедения. В данном случае речь пойдет о погребальных памятниках древних угров-мадьяр, чьё пребывание в Предуралье¹ в эпоху раннего средневековья считается доказанным. В археологической номенклатуре это

* Исследование выполнено по теме: Музей археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН: коллекционные ресурсы, исследовательская деятельность и новые технологии № АААА–А19–119042490023–5

¹ В современной административной номенклатуре это территория Пермского края, северный и центральные районы Республики Башкортостан и бассейн р.Чепцы в Удмуртской республике.

кушнаренковская, караякуповская, неволинская, ломоватовская и, вероятнее всего, чепецкая (поломская) культуры.

В принципе, считается, что проблема хронологизации перечисленных культур вполне решена, ибо этим занимались многие исследователи, начиная ещё с 1970-х годов. Именно в эти годы ряд исследователей, используя различные методические подходы к источниковой базе, получили, в принципе, одни и те же результаты.

В частности, А.К. Амброз на основе разработанной им методики создания локальных вертикальных хронологических шкал предложил систему корреляции комплексов вещей: «Многолетняя систематизаторская практика заставила меня отвергнуть некоторые требования формального метода. **Построение всей классификации по одному признаку обеднило бы многообразие материала и подменило бы реальные закономерности развития вещей чисто условной схемой** (здесь и ниже выделено нами – *авт.*). Построение эволюционных рядов обязательно, но их правильность подтверждается **только хронологией комплексов**. Мы не приводим корреляционные таблицы комплексов отдельно по каждому могильнику, так как почти ни один из них не раскопан целиком. Их эволюция полнее обрисовывается при объединении нескольких близких памятников в одну таблицу. **Особые таблицы для показа взаимовстречаемости вещей – в лучшем случае тавтология, но чаще они затемняют картину, объединяя материал разных этапов по случайному признаку формальной взаимовстречаемости** (за счёт запоздавших ранних вещей в более поздних комплексах), и ведут к ошибкам. Лишь корреляционные таблицы комплексов (табл. I–II) чутко показывают реальное сочетание вещей, позволяя отделить основной период бытования от случайного запаздывания. **Исчерпывающая разработка хронологии комплексов должна предшествовать и использованию статистических методов**» [Амброз, 1971, с. 99–100].

Разрабатывая хронологию археологических памятников IV–IX вв. Восточной Европы, исследователь обращается и к прикамским материалам. И в нескольких погребениях Неволинского могильника он выделяет поясные накладки (т.н. «геральдических типов»), которые, согласно корреляционной таблице для крымских могильников (Суук-Су), должны датироваться VIII в. [Амброз, 1971, с. 115, рис. 5].

Поясная гарнитура мазунинской и бахмутинской (Бирский мог.) культур, по мнению А.К. Амброза, появляется в регионе в VII в. [Амброз, 1971а, с. 107]. В итоге, по словам самого автора, ему «уже на первой стадии работы удалось большинство комплексов датировать по столетиям и даже детальнее» [Амброз, 1971а, с. 132]. Применительно же к памятникам Предуралья это означало «омоложение» мазунинских, бахмутинских, турбаслинских, неволинских памятников примерно на 1–2 столетия.

Хронологическая схема А.Н. Амброза была с энтузиазмом воспринята и применена к исследуемым им археологическим памятникам Южного Предуралья – бахмутинская, турбаслинская, кушнаренковская, караякуповская культуры – Н.А. Мажитовым. Пересмотрев датировку опорных для этих культур памятников, автор в целом определил хронологию эпохи раннего средневековья на Южном Урале VII–XIV вв. Что и нашло свое отражение в соответствующей монографии [Мажитов, 1977, с. 15–38].

Однако исследователями прикамских древностей эпохи средневековья хронологическая схема А.К. Амброза² принята не была. Так, Р.Д. Голдиной еще в 1970 г. на материалах 336 погребальных комплексов из 10-ти могильников

² Хронологическая сетка – как сам А.К. Амброз ее называл.

ломоватовской культуры³ были выделены три хронологические группы вещей, охватывающие период со второй половины VI по вторую половину VIII–IX вв. Выделение этих групп (этапов) проводилось методом культурно-стратиграфического анализа, основанного на дробной классификации различных категорий предметов, а для проверки верности полученных результатов использовался тогда ещё относительно новый метод статистической корреляции вещей в погребениях, разработанный Г.А. Федоровым-Давыдовым [Голдина, 1970].

Несколько позже хронологические этапы ломоватовской культуры, дополненные материалами Аверинского II, Агафоновского I и Неволинского могильников,⁴ были расширены до четырех: харинский (конец IV–VI в.), агафоновский (конец VI – первая половина VII в.), деменковский (он же неволинский) (вторая половина VII – первая половина VIII вв.), урынский (вторая половина VIII – IX в.) [Голдина, 1979].

Во всех случаях для датировки вещей, составляющих тот или иной этап (стадию), автор использует аналогии из датированных памятников с близлежащих и отдаленных территорий Евразии и находки монет, в том числе и в отдельных погребениях ломоватовских могильников.

В своем законченном виде хронология ломоватовской культуры была изложена Р.Д. Голдиной в монографии, где автор оперирует уже материалами 1372 комплексов, из которых 241 комплекс был использован автором при составлении корреляционной таблицы встречаемости типов вещей в погребениях [Голдина, 1985, с. 123–133].

В это же время В.Ф. Генинг разрабатывает свою хронологию поясной гарнитуры из памятников Прикамья I тыс. н.э. Методически она базируется на массовости археологического материала, учете формы и технологии изготовления вещей, их широком территориальном распространении, типологической группировке внутри конкретного археологического памятника (могильника), группировке памятников по сходству обнаруженных в них комплексов вещей (хронологические горизонты), установлении их абсолютной хронологии посредством комплексов, содержащих монеты, и поиска датированных аналогий вовне⁵. Результатом проведенного анализа явилось разделение всего комплекса поясной гарнитуры на три хронологических периода: I–III – начало VI вв.; вторая половина VI – первая половина VII вв.; вторая половина VII – первая половина IX вв. Внутри каждого периода выделены ранняя и поздняя стадии, проиллюстрированные вещевыми комплексами из соответствующих могильников [Генинг, 1979]. Как можно убедиться, абсолютная датировка стадий ломоватовской культуры по Р.Д. Голдиной и периодов прикамско-предуральских древностей по В.Ф. Генингу совпадают.

К прикамским и предуральским материалам обращается в разработке типологии поясных пряжек Евразии В.Б. Ковалевская. В основу классификации она кладет форму и сечение рамок пряжек и форму их щитков. Относительные даты исследуемых вещей автор определяет по периодам, к которым относятся содержащие их памятники: первый – IV–V вв.; второй – VI–VII вв. и третий – VIII–IX вв. Абсолютные даты устанавливаются по частоте встречаемости тех или иных типов пряжек в памятниках, относящихся к указанным периодам [Ковалевская, 1979].

В течение 1980-х гг. хронологическая схема А.К. Амброза – Н.А. Мажитова для археологических культур Предуралья была вытеснена схемой В.Ф. Генинга – Р.Д. Голдиной. И уже в начале 1990-х гг. А.В. Богачев выделенные им для памятников IV–VIII вв. в Среднем Поволжье хронологические этапы синхронизирует с этапами (стадиями) ломоватовской культуры, воспринимая абсолютную хронологию этих

³ Среди которых самыми крупными являлись Деменковский (200 погребений), Урынский (56 погребений) и Каневский (30 погребений).

⁴ Что в общей сложности дало 1148 комплексов.

⁵ То есть, в принципе – методика, аналогичная методике А.К. Амброза.

этапов как эталонную [Богачев, 1992, с. 159–160]. В настоящее же время практически все исследования по культурам или отдельным памятникам Прикамья I тыс. н.э. трактуются исключительно в контексте хронологической схемы Р.Д. Голдиной [Голдина, 2012, с. 52–67; Голдина, Бернц, 2012, с. 164–192; Голдина, 2012а, с. 203–285; Голдина, Перевозчикова, 2012; Голдина, Кананин, 2012; Голдина и др., 2018, с. 132–152].

Приступая к настоящей работе, мы не ставили и не ставим перед собой цель пересмотреть разработанную предшественниками хронологию прикамских и предуральских памятников I тыс. н.э. Для этого у нас нет ни повода, ни оснований. Наша **цель** – проследить, как существующая хронологическая схема («хронологическая сетка») раскладывается по памятникам древних угров (мадьяр), по мнению многих современных исследователей средневековых древностей Урало-Поволжья, представленных в регионе кушнаренковской, караякуповской, неволинской и ломоватовской археологическими культурами⁶. То есть, насколько выделенные хронологические шкалы адекватны угорско-мадьярскому ареалу в Предуралье.

Методика работы вполне традиционна: во-первых, это описательная статистика погребальных комплексов, во-вторых – корреляционная статистика предметов, составляющих эти комплексы, впервые, применительно к памятникам ломоватовской культуры, использованная Р.Д. Голдиной [Голдина, 1970, с. 95–100]. В настоящее время эта работа (выявление линейной парной связи признаков) проводится по стандартной программе SPSS (корреляция Пирсона).

Источниковую базу нашей работы составляет случайная выборка из 424 погребений из могильников кушнаренковской и караякуповской культур (Манянский, Лагереvский, Бекешевский I и II, Красногорский II, Такталачук, Бирский, Больше-Тиганский, Хусаиновский, Стерлитамакский, Ямаши-Тау и др. – всего 148 погр.), Неволинского (87 погр.), Аверинского II (59 погр.), Верх-Саинского (44 погр.), Деменковского (15 погр.), Варнинского (71 погр.) неволинской и ломоватовской культур⁷.

Необходимое пояснение: для анализа комплексов неволинских и ломоватовских могильников мы отбирали только бескурганные захоронения, руководствуясь следующим соображением. Подкурганные захоронения харинской стадии ломоватовской культуры и верх-саинской стадии неволинской культуры (Р.Д. Голдина), датированные V–VI вв. н.э. – это совсем другая, до угорская, эпоха в этнокультурной истории населения Предуралья I тыс. н.э. Она отличается и материальной культурой, и, надо полагать, этническим составом населения, оставившего могильники этого периода. Но рассмотрение этой проблемы в нашу задачу сейчас не входит.

Разрабатывая хронологию ломоватовской культуры, Р.Д. Голдина разработала подробную типологию исходного материала. Все предметы были разбиты на категории, внутри которых были выделены типы и их варианты: накладки – 60 типов и вариантов, подвески – около 80 типов, пряжки – около 50 типов [Голдина, 1979, с. 80]. Сделано это было с целью проверки результатов корреляционной таблицы, составленной традиционным методом, методом статистического анализа, проведенного с помощью ЭВМ [Голдина, 1970, с. 95–100].

⁶ Поскольку мы принадлежим к этой группе исследователей, заниматься в очередной раз обоснованием угорско-мадьярской этнокультурной доминанты в Предуралье во второй половине I тыс. н.э. мы здесь не будем.

⁷ По правилам математической статистики – это случайная выборка, основным условием которой был отбор погребений, содержащих не менее двух вещей, могущих быть хронологическим маркером. Объем выборки определяет нижний порог значимости признака 0,9% при степени вероятности 0,95. Выборка делалась из опубликованных материалов [Erdélyi and etc., 1969; Chalikowa, Chalikow, 1981; Мажитов, 1981; Голдина, Кананин, 1989; Голдина, 2012, Голдина и др., 2018; Голдина, Водолаго, 1980; Семенов, 1980].

Поскольку разработанная исследовательницей в 1970 г. типология вещей используется ею и в настоящее время [Голдина, Кананин, 1989, с. 61–81; Голдина, Водолаго, 1990, с. 77–88; Голдина, 2012, с. 42–52; Голдина и др., 2018, с. 98–124], нам представляется логичным и конструктивным воспользоваться ею в своей работе, правда, дополнив её небольшим количеством вещей из караякуповских могильников, не встречающихся в могильниках ломоватовской и неволинской культур.

Разработанная Р.Д. Голдиной типология вещей очень дробная – помимо категорий и типов, она учитывает ещё и варианты внутри типов. Большинство из этих вариантов представлены единичными экземплярами, поэтому мы в своей работе за основную таксономическую единицу взяли **типы вещей**, это – во-первых. Во-вторых, **описательную статистику** собранной нами выборки мы проводили **не по количеству вещей** того или иного типа в погребениях⁸, а **по количеству погребений**, в которых те или иные вещи встречаются. Полученные результаты графически представлены на рис. 2; 5; 6 и 7.

Если исходить из частоты встречаемости тех или иных типов вещей в погребениях ($N \geq 10\%$), то материальная культура анализируемых могильников должна быть описана по следующим признакам: бусы (ожерелья)⁹ – 32,4% погребений; железные ножи – 38,2%; поясные наборы (целые пояса) (рис. 3) – 23,4%; железные наконечники стрел – 22,3%; железные пряжки – 17,6%; наконечники поясов (тип II/2 – по Р.Д. Голдиной) – 12,6% (рис. 2/44); поясные накладки (тип A11 и A27) – 12,6% и 12% соответственно (рис. 2/16–17); круглопроволочные браслеты (тип 1) (рис. 3/2) – 17% и проволочные височные подвески (тип B1) (рис. 3,3) – 12,2%; пронизки с прорезным вздутием (тип D1) (рис. 6/1) – 11,2%. Все остальные многочисленные отделы и типы вещей в погребениях рассматриваемой выборки встречаются редко, от 0,9% до 8% (рис. 2; 5; 6; 7)¹⁰.

О чем это говорит? На наш взгляд, о том, что какого-то единого «этнографического» комплекса материальной культуры у предуральских угров-мадьяр не сложилось. Это вполне наглядно прослеживается, например, по географии поясных наборов, почти половина которых (47%) представлены в могильниках неволинской культуры (рис. 3), или медальонов листовидной формы и рамчатых пряжек с приостренной и украшенной зубчиками рамкой (рис. 2/12; 6/4) – 5,6% и 1,6% погребений, которые представлены в могильниках караякуповской культуры (Бекешевских I и II, Больше-Тиганском, Хусаиновском, Каранаевском, Ямаши-Тау).

Там же, т.е. в погребениях караякуповской культуры, присутствуют такие детали конской сбруи, как уздечные накладки-тройники (рис. 7/8) и соединительные кольца (рис. 7/18) – соответственно, 4,4% и 1,4% всех анализируемых погребений, отсутствующие в комплексах неволинской и ломоватовской культур.

Существующие хронологии для памятников I тыс. н.э. в Предуралье строятся по классической методике: составление корреляционных таблиц, фиксирующих количество типов вещей¹¹ в том или ином погребении, объединение их в хронологические группы [Голдина, 2012, с. 349; Голдина и др., 2018, с. 133], поиск им датированных аналогий извне и (в том случае, если они найдены) монеты¹².

⁸ Это бессмысленно, в первую очередь, потому, что очень многие погребения рассматриваемых могильников дошли до нас в явно потревоженном виде.

⁹ Их обстоятельному анализу посвящено специальное исследование [Голдина, 2010].

¹⁰ Керамика соответствующих типов, представленная в общей сложности в 36% погребений, здесь не рассматривается.

¹¹ Не путать с количеством самих вещей.

¹² В погребениях Неволинского могильника – 24 монеты, Верх-Саинского – 46 монет (из них 32 в подкурганых захоронениях) [Голдина, 2012, с. 65; Голдина, Перевозчикова, 2012, с. 323–327]. Две монеты известны в Деменковском могильнике и по одной в Бекешевском II и Хусаиновском могильниках. Всего в анализируемой нами выборке монеты представлены в 4,4% погребений.

Но вот что писал по этому поводу Г.А. Федоров-Давыдов – один из основоположников применения статистических методов анализа археологического материала: «Приведенные датированные аналогии не могут служить сами по себе средством для выделения хронологически определенных типов вещей, которые мы могли бы затем использовать для датировки погребений (здесь и далее выделено нами – *авт.*). Вполне понятно, что какой-либо тип мог в разных районах иметь разный хронологический диапазон, и мы рискуем, ограничиваясь датировкой по аналогиям, допустить существенные ошибки. Потому подбор аналогий следует сопоставить с исследованием сопряженности типов вещей внутри материала... Необходимо выявить такие группы вещей определенных типов, которые закономерно встречаются вместе в одних погребениях, и установить, что встречи вещей этих типов происходят потому, что они бытовали в одно время. Так мы получим комплексы приблизительно синхронных типов. Сопоставив эти комплексы с находками монет в погребениях, мы сможем абсолютно датировать каждый из этих комплексов, превратив, таким образом, типы вещей, входящие в каждый комплекс, в средство для датировки погребений.

... Этот метод основан на допущении, что если мы наблюдаем частую встречаемость в одном комплексе двух типов вещей вместе, то можно предположить приблизительно синхронность этих типов. Отсюда: если тип А встречается с типом Б, а тип Б встречается с типом В, то можно предположить при некоторых условиях синхронность типов А и В. Тип В при этом будет как бы объединяющим. Возникает возможность строить цепи взаимосвязанных типов, приблизительно относящихся к одному времени, одному периоду.

Таким образом, **только тогда, когда установлены устойчивые значительные связи между типами вещей, которые расчлениют материал на ряд групп, соответствующих хронологическим периодам, можно использовать аналогии для точных датировок**» [Федоров-Давыдов, 1966, с. 93].

В отличие от тех времен, когда писались приведенные выше строки, и когда значения коэффициентов сопряженности типов вещей приходилось высчитывать чуть ли не вручную, сейчас для проведения подобного анализа в распоряжении исследователей имеется стандартная программа SPSS – Statistical Package for the Social Science (статистический пакет для социальных наук). Она позволяет за считанные минуты провести соответствующую операцию и получить соответствующий результат (значения корреляции Пирсона).

Самое, конечно, интересное и в контексте данной темы важное – это выявление связи между монетами и поясной гарнитурой в комплексах исследуемой нами выборки. И эта связь выявляется (рис. 8). Однако здесь необходима небольшая ремарка: парная корреляция Пирсона предусматривает три уровня значения положительных и отрицательных корреляций¹³: $r > 0,01 \leq 0,29$ – слабая положительная связь; $r > 0,30 \leq 0,69$ – умеренная положительная связь; $r > 0,70 \leq 1,00$ – сильная положительная связь. Монеты из погребений анализируемой выборки обнаруживают с деталями поясной гарнитуры **только слабую положительную связь**¹⁴. Она имеет разброс значений от 0,079 (монета и пряжка Б1 – по Р.Д. Голдиной (рис. 2/2)), до 0,24 (монета и накладка А16 (рис. 2/39))¹⁵.

О чем это говорит? В первую очередь, о том, что указанные вещи и монеты на каком-то отрезке времени находились в обиходе населения, оставившего рассматриваемые погребения. Но на каком отрезке? Пожалуй, это будет самый

¹³ Вторые нас не интересуют, на них мы останавливаться не будем.

¹⁴ Как, впрочем, и абсолютное большинство остальных вещей – украшения, предметы вооружения – между собой.

¹⁵ Детали поясной гарнитуры, имеющие положительную корреляцию с монетами, представлены на рис.2.

сложный вопрос. Например, поясные накладки типа А20 (рис. 2/27), являющиеся, судя по всему, этнографическим признаком угров-«неволинцев», из трех погребений, где они встречены вместе с монетами, в двух случаях (Верх-Саинский, п. 29 и 91) залегали вместе с подражаниями монетам Варахрана V (420–438 гг.), а в одном (Верх-Саинский, п. 92) – с подражанием монете Хосрова I Ануширвана (531–579 гг.). Причем погребения 91 и 92 располагались рядом друг с другом [Голдина и др., 2018, с. 151, рис. 9]¹⁶.

Аналогичным образом коррелируются с монетами поясные накладки типа А2 (рис. 2/18), пряжки типа Б1 и накладки типа А5 (рис. 2/2, 22), также отнесенные к группе VIII и начала IX вв. То есть, они встречаются как с монетами Варахрана V, так и с монетами Хосрова I и Хосрова II (Деменковский мог., погр. 8, 63, 64). Следовательно, они также могут датироваться либо с середины V до середины VII вв. (это без «поправок»), либо с конца V до конца VII вв. (это если с «поправками»).

Здесь налицо явная проблема методики использования монет в качестве хронологического маркера. Если следовать дате монет буквально, то получается, что рассматриваемые накладки могли бытовать с середины V по последнюю четверть VI вв. Если же исходить из того, что монеты в памятниках нашего региона запаздывали приблизительно на 50 лет [Голдина, 1985, с. 133], то рассматриваемые поясные накладки должны были бытовать с конца V по середину VII вв.

Однако если принять выдвинутый в свое время Н.А. Мажитовым тезис о том, что монеты в археологических комплексах «являются очень запоздалыми и использование их в качестве датирующего материала нецелесообразно» [Мажитов, 1986, с. 79], тогда все встает на свои места, и отнесение Р.Д. Голдиной данных накладок к хронологической группе VIII в. [Голдина, 2012, с. 353; Голдина и др., 2018, с. 590] следует просто **принимать, как данность**.

Итак, хотим мы этого или нет, но датировка прикамско-предуральских комплексов I тыс. н.э. по монетам требует детальной методической проработки. Следовательно, пока нам остается взять на вооружение предложенный в свое время предшественниками (В.Ф. Генинг, А.К. Амброз) метод выделения статистически взаимосвязанных между собой комплексов.

Такая возможность у нас есть, и в частности, благодаря корреляционным таблицам поясов из Неволинского и Верх-Саинского могильников, составленным Р.Д. Голдиной и С.А. Перевозчиковой [Голдина, 2012, с. 349; Голдина и др., 2018, с. 133]. Обработав данные этих таблиц по программе SPSS, мы получили следующие результаты. Во-первых, материалы указанных памятников дают все три уровня положительной корреляции Пирсона. Сильную положительную связь ($r = 0,907 - 1,00$) обнаруживают между собой пряжки типа А4, накладки типа А1 и наконечники поясов типа I1 (рис. 2/9, 34, 46). Причем они образуют совершенно замкнутый блок, каждый из элементов которого не обнаруживает положительных связей ни с какой другой поясной гарнитурой.

Все это вполне закономерно, поскольку подобные пояса входят в комплекс 3-й группы (или верх-саинской стадии) неволинской культуры. Найдены они в основном в подкурганных захоронениях¹⁷, поэтому относятся к иной этнокультурной группе, не входящей в тему данной работы.

Следующий комплекс с умеренной положительной связью ($r = 0,305 - 0,684$) довольно многочисленный. Он включает в себя пряжки типа Б1, Б2д, В4, накладки А2,

¹⁶ Погребение №29, правда, в 30 м к юго-востоку от них.

¹⁷ Из рассматриваемой нами выборки бескурганных погребений они найдены только в Манякском (погр.1/II), Бирском (погр. 107, 165 и 196), Неволинском (погр. 236, отнесенное к VIII в., поскольку там присутствуют и другие вещи), Варнинский (погр. 130, 293), Аверинский II (погр. 135), Верх-Саинский (147, 174, 179, 182, 184 – по плану могильника они все примыкают к подкурганным захоронениям).

А3, А5, А7, А11, А13, А14, наконечники II3, II5 и др. (рис. 8). Все остальные детали поясной гарнитуры комплексов Неволинского и Верх-Саинского могильников обнаруживают слабую положительную связь ($r < 0,29$).

Комплекс деталей поясной гарнитуры с умеренной положительной связью (т.н. «геральдическая гарнитура»), по периодизации Р.Д. Голдиной, составляет 5-ю группу, уверенно датированную VII веком. Большинство из них найдены вместе с монетами Варахрана V (420–438 гг.), Кавада I (488–531 гг.) и Хосрова I (531–579 гг.) [Голдина и др., 2018, с. 138]. И мы вновь стоим перед выбором: либо датировать их временем с середины V по конец (последняя четверть) VI вв., либо, принимая гипотезу о 50-летнем запаздывании монет, с конца V по, примерно, середину VII вв.

Другой комплекс т.н. «тюркской гарнитуры» – пряжки Б1, Б2д, Г1, накладки А2, А5, А11, А17, А20, наконечники II5 – отнесены Р.Д. Голдиной к 7–9 хронологическим группам (VIII в.). С ними также встречены монеты Варахрана V, Хормизда IV (579–590 гг.) и Хосрова II (590–628 гг.) [Голдина и др., 2018, с. 138–140]. И здесь мы опять получаем картину, аналогичную предыдущей: либо датировать данный комплекс серединой V – первой третью VII вв., либо (с «поправкой») – последней четвертью V – последней четвертью VII вв. То есть, дату «VIII век» мы опять должны принять, как данность.

Сказанного уже достаточно для того, чтобы сделать **некоторые выводы**. Один из них уже прозвучал выше – использование монет для датировки угорских древностей Предуралья требует детальной методической проработки. Пока же монеты в погребениях угорско-мадьярского населения Предуралья воспринимаются как некий раритет, соотношение которого с реальным временем пребывания угров-мадьяр в Предуралье выглядит проблематичным: то ли монеты действительно были связаны с динамикой развития материальной культуры этого населения во времени, и маркировали ее, то ли они существовали как бы вне времени. И, следовательно, их нахождение в погребении может указывать только на то, что оно совершено после попадания в регион монет Варахрана V, Кавада I, Хосрова I, Хормизда IV и Хосрова II. Но через сколько лет? На этот вопрос ответ едва ли когда-нибудь будет получен.

Вывод второй. Значения корреляции Пирсона, примененной к поясной гарнитуре всего Предуралья, показывают, что за пределами ареала могильников неволинской культуры уровень положительных связей практически не меняется. К ним только добавляется умеренная положительная связь поясной гарнитуры из погребений караякуповской культуры (рис./2, 12, 29, 41). В одном из таких погребений были найдены пояс, состоящий из пряжки с приостренной зубчатой рамкой и накладок типа А5 (рис. 2/12, 20, 22), и три монеты 770 г. и халифа аль-Мамуна 823–824 гг. (Хусаиновский, к. 12. погр. 1)¹⁸ [Мажитов, 1981, с. 49].

То есть поясная гарнитура во всем многообразии составлявших ее типов вещей своеобразным прозрачным «флером» покрывала ареал расселения угров-мадьяр в Предуралье. Где-то этот «флер» был гуще, как, например, на могильниках неволинской культуры. Хотя и там он был довольно редким по своей фактуре. Не случайно в основу хронологической схемы указанной культуры было положено только 44 комплекса Неволинского могильника (16,8% всех исследованных на памятнике погребений) и 65 комплексов Верх-Саинского могильника (20% погребений). Именно в них и концентрировалась основная масса типов вещей, составлявших поясную гарнитуру. Хотя на опубликованном плане распространения поясов в соответствии с их типом и полом погребенных Неволинского могильника картина выглядит вполне

¹⁸ Может быть, это покажется парадоксальным, но разница между этими монетами как раз и составляет те самые пресловутые 50 лет.

внушительной¹⁹, но фактически пояса в полном наборе – пряжка, накладки (по несколько десятков экземпляров), наконечник ремня – найдены только в 25 захоронениях (9,5% от всех погребений).

Аналогично и на Верх-Саинском могильнике пояса найдены в 22 бескурганых захоронениях, что составляет 12% от всех погребений этого типа. И это вполне естественно – пояс вещь дорогая, и много у рядового населения их быть не могло.

Вывод третий. Хронологическая шкала с диапазоном ступеней в 50 лет, построенная на таком ограниченном материале, выглядит, конечно, эффектно, но не вполне убедительно. Во-первых, она «работает» только на двух памятниках, за пределами которых выделенные хронологические группы просто не прослеживаются.

Во-вторых, сами эти группы подаются как данность, без детального обоснования. Например, хронологические группы 4, 5 (женские VII в.) из Верх-Саинского могильника состоит из плоской подвески типа II3, подвески III4, II5, III5, браслета типа 1, пронизок А1, Е1, Г2 (рис. 5/1,17; 6/5, 6, 7, 10, 13) [Голдина и др., 2018, с. 601, табл. 445] – вещей, которые обнаруживают между собой слабую положительную связь. То есть в одно и то же погребение они могли попасть, но насколько это было закономерно – большой вопрос.

В-третьих, по имеющимся результатам хроно-типологического анализа археологического материала мы пока можем уверенно говорить лишь об угорско-мадьярской эпохе в истории населения Предуралья, убедительные хронологические границы которой определяются появлением в регионе комплексов с «геральдической» поясной гарнитурой (VII в.) и завершением бытования комплексов с «тюркской» поясной гарнитурой (IX в.). Последнее было вызвано массовым уходом древних угорско-мадьяр (венгры Арпада или «семь племен Хетумогер») на запад.

Библиографический список:

1. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. I. // СА. 1971, № 2. – С. 96–123
2. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. II. // СА. 1971а, №3. – С. 106–134
3. Богачёв А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). – Самара: 1992. – 208 с.
4. Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья // КСИА. Вып. 158. – 1979. – С. 96–106
5. Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). – Ижевск: УдГУ, 2010. – 264 с.
6. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 280 с.
7. Голдина Р.Д. Могильники VII–IX вв. в Верхнем Прикамье // ВАУ. Вып. 9. – Свердловск: УрГУ, 1970 – С. 57–113
8. Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.21. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 472 с.
9. Голдина Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.25. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012а. – С. 203–285
10. Голдина Р.Д. О датировке поломской культуры // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.25. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012б. – С. 399–414

¹⁹ Там соответствующими значками обозначено более 80-ти погребений с поясами [Голдина, 2012, с. 104].

11. *Голдина Р.Д.* Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в верхнем Прикамье // КСИА. Вып. 158. – 1979. – С. 79–90
12. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Хронология Тураевского I могильника (конец IV – V в.) (бескурганная часть) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.25. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – С. 164–192
13. *Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 170 с.
14. *Голдина Р.Д., Кананин В.А.* Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск: УрГУ, 1989. – 216 с.
15. *Голдина Р.Д., Кананин В.А.* Хронология верхокамских древностей VI–XIV вв. // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.25. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – С. 427–446
16. *Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А.* О датировке и хронологии Верх-Саинского могильника неволинской культуры (VI – начало IX в. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.25. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – С. 321–375
17. *Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В.* Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 19. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2018. – 720 с.
18. Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.25. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 544 с.
19. *Ковалевская В.Б.* Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // САИ. Вып. Е1-2. – М.: Наука, 1979. – 57 с.
20. *Мажитов Н.А.* Южный Урал в VII–XIV вв. – М.: Наука, 1977. – 239 с.
21. *Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. – М.: «Наука», 1981. – 161 с.
22. *Мажитов Н.А.* Некоторые итоги и задачи изучения средневековой археологии Южного Урала // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. – Уфа, 1986. – С. 76–85
23. *Семенов В.А.* Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. – Ижевск, 1980. – 105 с.
24. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М.: Издательство Московского университета, 1966. – 271 с.
25. *Erdelyi I., Ojtozi E., Gening W.* Das Gräberfeld von Newolino. – Budapest, 1969. – 93 p.
26. *Chalikowa E., Chalikow A.* Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolshie Nigani). – Budapest, 1981. – 132 p.
- 27.

Сведения об авторах:

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., профессор, научный сотрудник Института этнологических исследований им.Р.Г.Кузеева ИЭИ УФИЦ РАН. Тел.: +7 9273507981; E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Чичко Татьяна Вячеславовна, к.и.н., доцент каф. Зарубежной истории и регионоведения ФГБОУ «Астраханский государственный университет. Тел.: +7 9171794531; E-mail: karaman74@mail.ru

Ivanov Vladimir Alexandrovich, PhD, professor, researcher at the Institute of Ethnological Studies of R. G. Kuzeev, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. +7 927 3507981; E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Chichko Tatyana Vyacheslavovna, Cand. Sc. (History), associate professor of the chair of international history and regional studies at Federal State-Funded Educational Institution Astrakhan State University. +7 9171794531; E-mail: karaman74@mail.ru

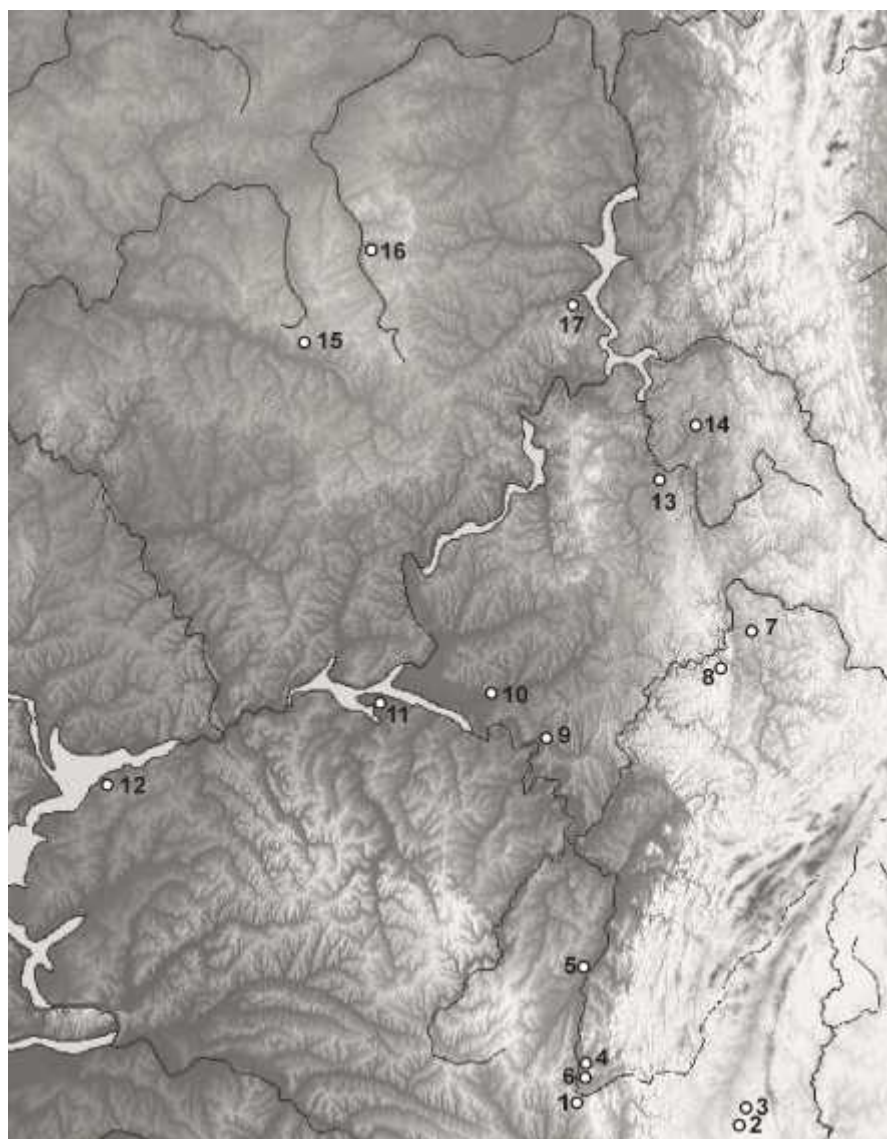

Рис. 1. Карта могильников, по материалам которых составлена статистическая выборка.

1 – Ямаши-Тау; 2 – Бекешевские I и II; 3 – Хусаиновский; 4 – Красногорский;
 5 – Стерлитамакский (Левашовский); 6 – Береговский; 7 – Каранаевский; 8 – Лагереvский;
 9 – Бирский; 10 – Манякский; 11 – Такталачук; 12 – Больше-Тиганский; 13 – Неволинский;
 14 – Верх-Саинский; 15 – Варнинский; 16 – Аверинский II; 17 – Деменковский.

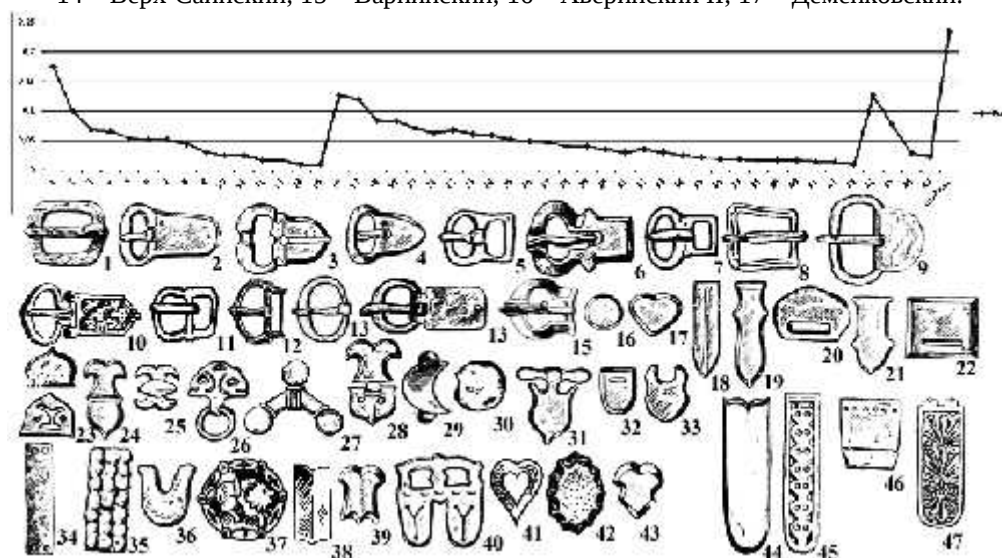

Рис. 2. График распространения типов поясной гарнитуры в могильниках Предуралья (цифры на горизонтальной шкале графика соответствуют обозначениям вещей на рисунке)

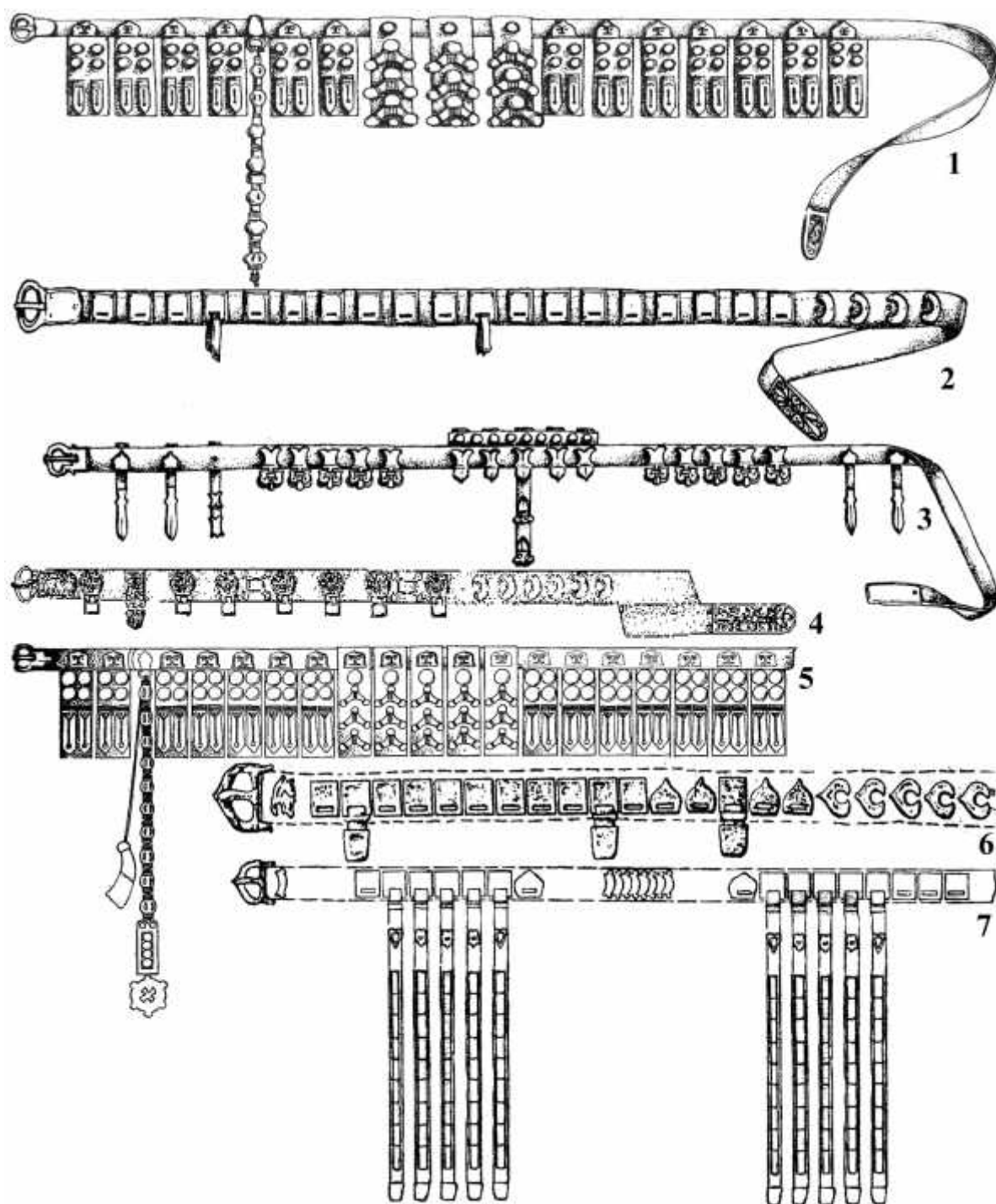

Рис. 3. Реконструкции поясов из угорских могильников Предуралья.
 1 – Неволинский, п. 153; 2 – Неволинский, п. 191; 3 – Неволинский, п. 188; 4 – Верх-Саинский, п. 60; 5 – Неволинский, п. 34; 6 – Хусаиновский, к.12; 7 – Бекешевский I, к. 2.
 (1 – 4 – по Р.Д.Голдиной; 5 – по В.Ф.Генингу; 6, 7 – по Н.А.Мажитову).

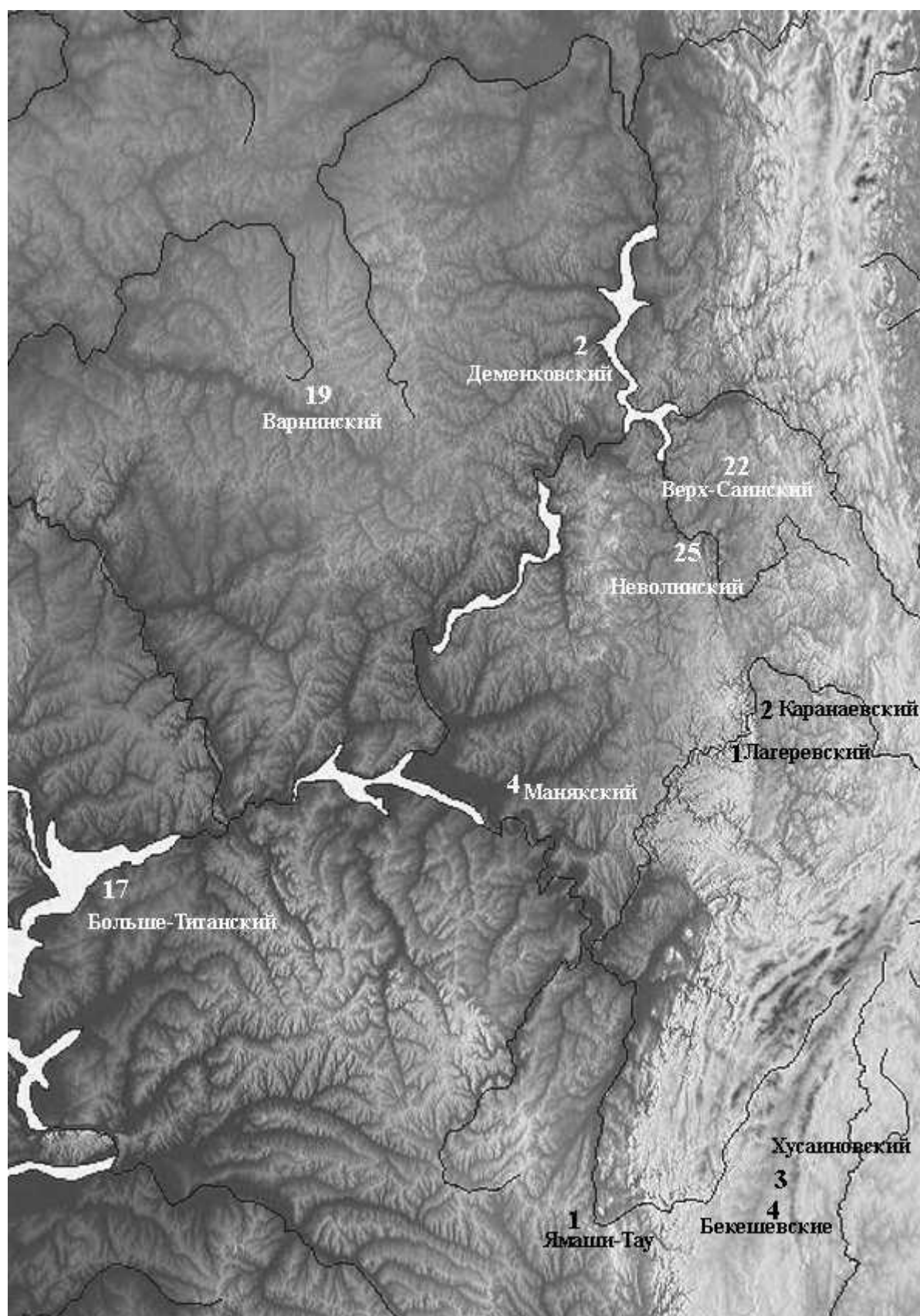

Рис. 4. Распределение целых поясных наборов по могильникам Предуралья. Цифрами обозначено количество поясов в могильнике по сделанной авторами выборке.

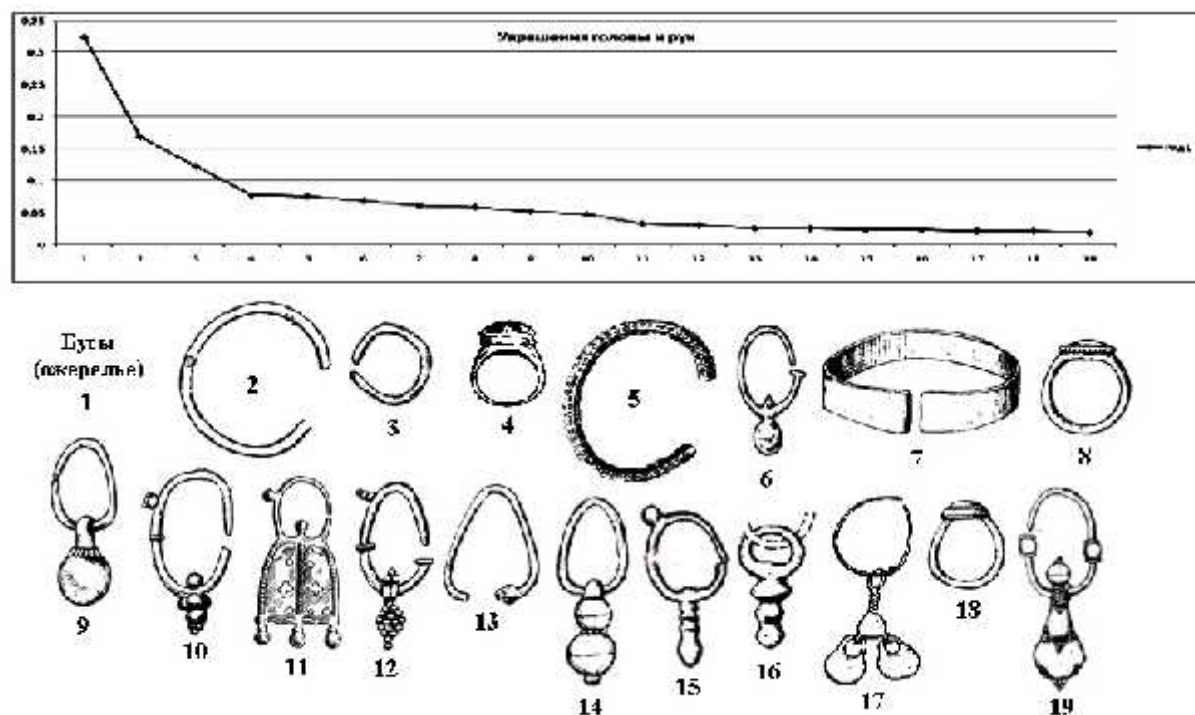

Рис. 5. График распространения типов украшений головы, шеи и рук в могильниках Предуралья. Чтение рисунка аналогично рис. 2

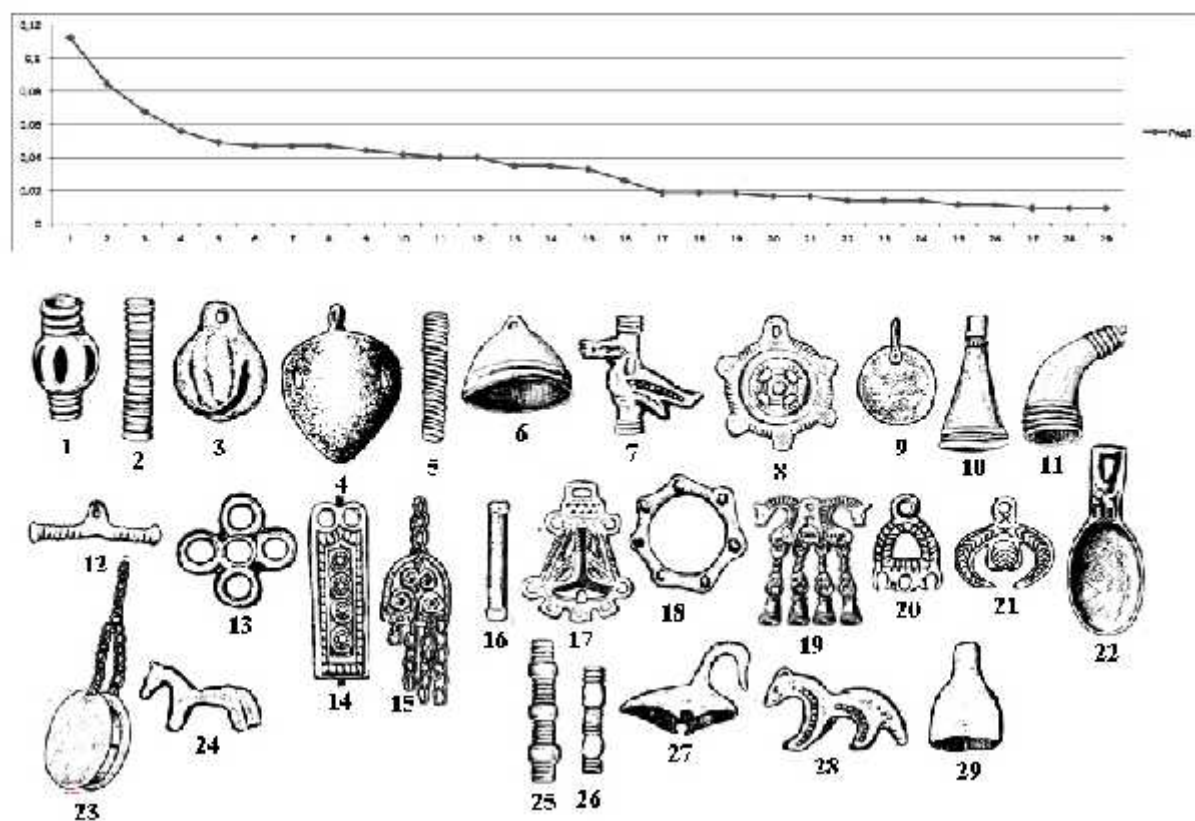

Рис. 6. График распространения прочих украшений в могильниках Предуралья. Чтение рисунка аналогично рис. 2

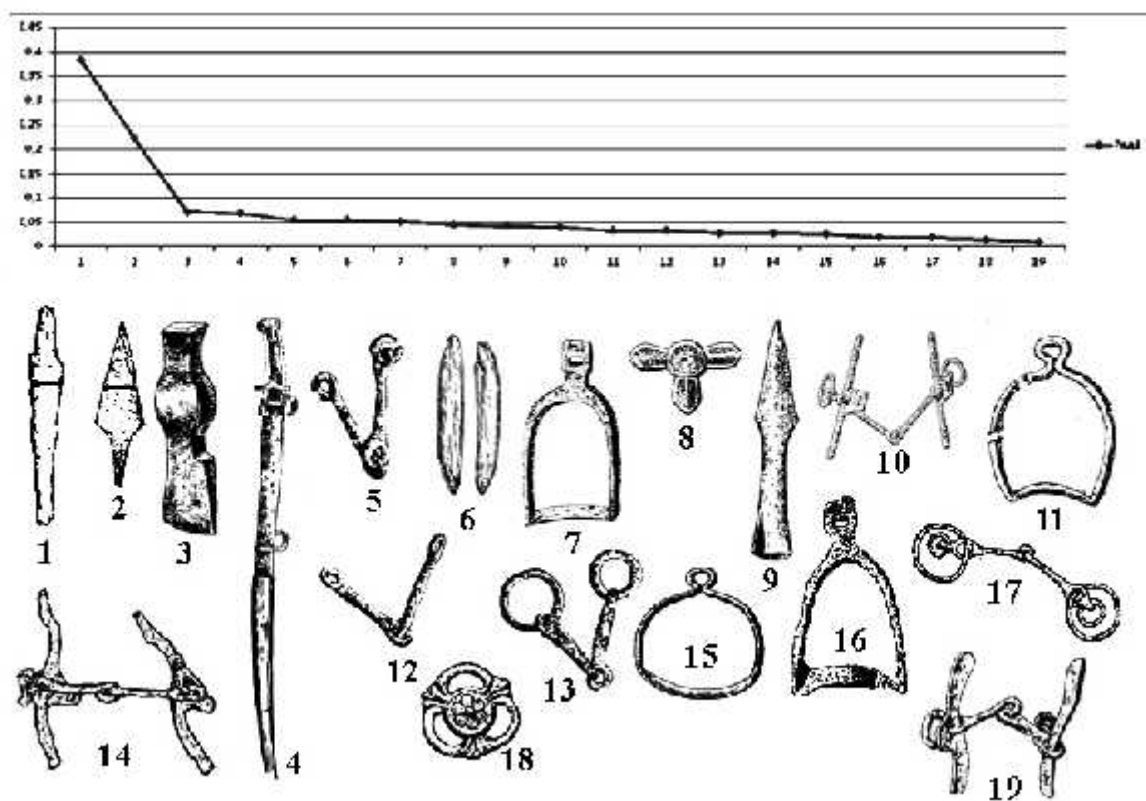

Рис. 7. График распространения вооружения и конской сбруи в могильниках Предуралья.
Чтение рисунка аналогично рис. 2

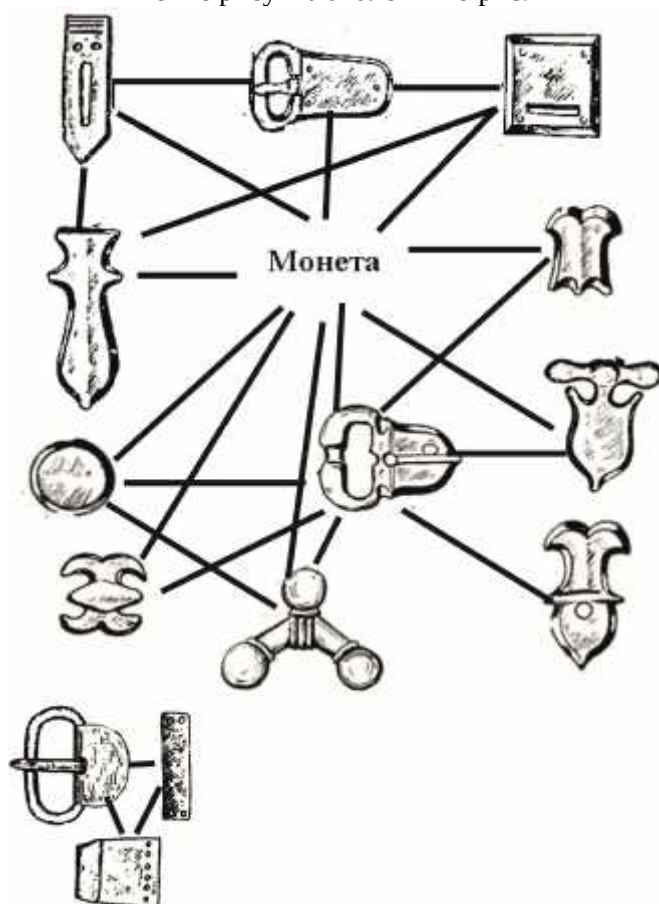

Рис. 8. Граф взаимовстречаемости поясной гарнитуры и украшений.

УДК 902

DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-61-76

Данич А.В.**ПОГРЕБЕНИЯ С ПОДВЕСКАМИ-ВСАДНИКАМИ ИЗ РАСКОПОК
БАЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА 2019 г.***

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

В статье вводятся в научный оборот два погребения с подвесками-всадниками Баяновского могильника из раскопок 2019 г. Данные подвески характерны для богатых мужских погребений с серебряными масками, саблями, принадлежностями конской сбруи. Возможно, они являлись маркером профессионального воина.

Ключевые слова: подвеска, всадник, всадник на змее, могильник, погребение, Пермское Предуралье

Danich A.V.**BURIALS WITH HORSEMAN PENDANTS FROM THE EXCAVATIONS OF THE
BOYANOVSKY BURIAL GROUND IN 2019.**

Perm State of Humanities Pedagogical University, Perm, Russia

The article introduces into scientific circulation two burials with pendants-riders of the Boyanovsky burial ground from the excavations of 2019. These pendants are characteristic of rich male burials with silver masks, sabers, horse harness accessories. Perhaps they were the marker of a professional warrior.

Keywords: suspension, rider, rider on a snake, burial ground, burial, Permian Urals

Баяновский могильник находится в 170 м к СЗ от д. Бояново Добрянского района Пермского края, в 600 м к ВСВ от железнодорожного переезда у с. Таборы, 1 км к С от здания, расположенного по адресу: п. Таборы, ул. 8 марта, д. 12, на правом берегу р. Исток, правого притока р. Вильвы, левого притока р. Косьвы, левого притока р. Камы, на гребне пологого холма.

В результате работ 1951, 1953, 2005-2021 гг. на площади 2975 м² было изучено 509 погребений, удалось проследить детали погребального обряда – формы и размеры могильных ям, устройство погребений, положение костяка, инвентаря и другие детали. Практически все черты обрядности находят полные аналогии в погребальных памятниках Пермского Предуралья.

По обряду погребения и по вещевому материалу Баяновский могильник датируется IX – первой половиной X вв.

Целью данной работы является введение в научный оборот по просьбам коллег двух серебряных подвесок с изображением всадника. Особый интерес вызвала новая находка из погребения №461, выделяющаяся среди других подобных изделий детализацией конской сбруи, одежды и вооружения всадника.

Подвески-всадники на исследуемом могильнике встречены не впервые. В целом, с учетом находок последних лет, они обнаружены в 15 погребениях, что составляет 3% от исследованных погребений Баяновского могильника. Все находки происходят из мужских захоронений. По имеющимся антропологическим определениям можно судить, что они принадлежали, в основном, взрослым мужчинам. Исключение составляет только погребение №468, принадлежавшее ребенку в возрасте 5–6 лет. Погребения, в которых присутствовали подвески-всадники, отличаются богатством инвентаря, наличием металлических украшений (главным образом, наборных поясов (9), височных украшений (14), браслетов (10) и перстней (7)) и предметов вооружения

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

(главным образом, топоров (9), сабель (7), наконечников стрел (7)). В 11 погребениях с подвесками-всадниками присутствовали серебряные маски (табл.1). Не исключено, что серебряные подвески-всадники являлись статусными украшениями, характерными для воинской элиты [Белавин, 2015]. Судя по наблюдениям, полученным при раскопках Баяновского могильника, эти подвески мужчинами носились на шее на шнурке, продетом сквозь отверстия между руками и туловищем всадника. Зачастую шнурок украшался по бокам от подвески бронзовыми спиральновитыми пронизками.

Таблица 1. Инвентарь погребений Баяновского могильника, в которых присутствовали серебряные подвески-всадники

Погребение №	Пол	Возраст	Маска	Височная подвеска	Наборный пояс	Поясная пряжка	Перстень	Браслет	Сумочка	Подвески из когтей	Монета	Нож	Кресало	Керамический сосуд	Наконечники стрел	Копье	Топор	Сабля	Удила
29				1															
37	м		1	2	1	1	1					1	1		1	1			
58	м	25-40		1	1		1	1				1				1	1	1	
59	м	25-40	1	2	1	2	1	1				1	1		5			1	
107	м	20-30	1	2	1	2						1	1				1	1	
128	м	40-60	1	2						1		1			5			1	1
137	м	кенотаф	1	1								1		1			1		
277	м		1	1	1	2		2	1			1	1		6		1	1	
278	м		1	1	1		1	1	1				1		3		1		
395	м		1	1	1	1		1				1			1				
417	м	взросл.	1	1	1	2	1	1				1	1		2		1		
436	м		1	1				1					1			1	1	1	1
461	м			1			1	1			1	1				1	1		
468	м	5-6	1	2			1	1		1		1					1		
503	м	взросл.			1			1				1				1		1	1
итого:	15 погр.		11	14	9	6	7	10	2	2	1	12	7	1	7	5	9	7	3

В 2019 г. подвески-всадники были найдены в погребениях № 461 и 468.

Погребение №461

Зафиксировано на квадратах Я-А'/24 в виде большого пятна неправильной прямоугольной формы, на материковом слое (рис. 1). Погребение ориентировано по линии ССВ-ЮЮЗ, зафиксировано на глубине -1,92-2,05 м от условного нуля раскопа. Его размеры 2,18 х 0,67 м, максимальная глубина -2,30 м от условного нуля раскопа. Дно ровное, стенки вертикальные.

Все находки располагаются в северной части погребения:

1. *серебряное височное кольцо* с кольцом овальной формы, завершающимся гроздевидной бипирамидальной привеской (гл.-2,27 м) (рис. 1/1). Кольцо цельнолитое, гроздь из крупных шаровидных выступов, над гроздью – подтреугольный выступ. На кольце – небольшие выступы-ограничители.

Височные кольца с гроздевидной привеской датируются концом VIII – XI вв. [Подосёнова, 2009а, с.15], а по материалам Рождественского могильника – первой половиной X в. [Крыласова, 2013, рис.1а/155].

В Пермском Предуралье они найдены в Огурдинском, Урьинском, Редикарском, Плёсинском, Важгортском, Баяновском, Каневском, Рождественском, Мало-Аниковском могильниках [Подосёнова, 2009, с.61-67].

Аналогичные височные подвески известны в Удмуртском Предуралье: в Варнинском, Поломском I, Поломском II, Омутницком, Тольёном, Мыдлань-Шай могильниках [Иванов, 1998, с.67, 122, рис.19/6–7; 47/4, 9, 11; Семёнов, 1985, с.97, рис.2/8; Семёнов, 1988, с.31, рис.1/6, 8, 10; 3/2, 6; Генинг, 1962, с.42, табл.I/13, 15; Руденко, 2011, с.47, илл.40]; в Ветлужско-Вятском междуречье: в Веселовском, Дубовском, Черемисском кладбище, Юмском могильниках [Никитина, 2002, рис.25/12; 56/15, 17; Архипов, 1973, с.19–20, рис.17/21, 23]; в Северном Предуралье: в Нерицком могильнике, на Хэйбиде-Пэдарском жертвенном месте [Мурыгин, 1997, с.535, 559, рис.5/18; 28]; на территории Волжской Булгарии: в Танкеевском, Больше-Тарханском могильниках [Казаков, 1971, с.94, 156, табл.XXI/35а, 38, 47, 51]; на территории Южного Урала: в Старо-Халиловских и Каранаевских курганах [Мажитов, 1981, рис.55/1; 56/4; 60/1; Мажитов, 1993, с.131, рис. 4/2а].

2. *серебряная подвеска со всадником* (гл.-2,29 м) (рис. 1/2).

3. *эмаль зубов* (гл.-2,28 м).

4. *серебряная монета Хосров II*, год под патиной и стёрт (гл.-2,29 м) (рис. 1/4).

5. *топор-кельт*. Имеет прямую втулку и лезвие расположенные на одной оси с ней. Данные топоры относятся к рабочим (гл.-2,15 – 2,27 м).

Топоры-кельты были широко распространены у финского населения правобережья Волги на протяжении всего I тыс. н.э. [Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005, с.74]. Находят широкие аналогии в материалах поломской культуры [Семёнов, 1980, табл.XVI/1–7], известны на ломоватовских памятниках, таких как Аверинский, Русиновский могильники [Голдина, 1985, с.58, табл.XXVIII/1–3; Голдина, Кананин, 1989, рис.58/1–2], городище Иднакар [Иванова, 1998, с.100, рис.3/2], на Варнинском могильнике [Семёнов, 1980, табл.XVI/1–7].

У данного экземпляра втулка и лезвие расположены на одной оси. В Пермском Предуралье аналогичные топоры известны в погребениях 37, 120 Рождественского могильника, на Болше-Висимском могильнике, Корнинском городище, погребении 9 Редикорского могильника, Загарском могильнике, погребениях 12, 83, 90, 150, 164 Баяновского могильника, Питер (Степаново Плотбище) могильнике.

Аналогичные топоры известны в Никитинском могильнике (Рязанская область) [Ахмедов, 2010, рис.6/7; 9/4].

6. *наконечник копья* с относительно широким пером удлинённо-треугольной формы и ромбическим сечением пера. Плечики ясно выражены, несколько приподняты. Втулка расширяется к низу (гл.-2,28-2,29 м) (рис. 1/6).

Копья удлинённо-треугольной формы, по-видимому, служили и охотничьим, и боевым оружием. Они имели широкое крупное лезвие и наносили большую и опасную рану. Датируются IX – нач. XI вв. В более позднее время наконечник удлиняется, а скошенность боковых частей выступает для облегчения наконечника при увеличении длины. Известны по всей территории Восточной Европы, Волжской Булгарии.

На территории Пермского Предуралья аналогичные наконечники найдены на могильнике Пыштайн, р. Юсьве, около пристани г. Чердынь [Данич, 2010, с.22].

7. *бронзовый неорнаментированный дротовый браслет* круглого сечения (гл.-2,28-2,29 м) (рис. 1/7).

Браслеты подобного типа широко встречаются на памятниках Пермского Предуралья, например, в Огурдинском могильнике [Белавин, Крыласова, 2012, рис.56/5-6], Питер (Степаново Плотбище) могильнике (раскопки А.В. Данича), Рождественском могильнике [Белавин, Крыласова, 2008, рис.184/1–4], селище Запоселье [Крыласова и др., 2014, рис.264/14].

Они хорошо известны на раннебулгарских памятниках IX–X вв. [Казаков, 1992, рис.22/16–17] и в более поздних булгарских материалах X–XI вв., например, в Биляре [Руденко, 2004, рис.2/24, 3/1], в курганах Южного Урала IX–X вв. [Мажитов, 1981, рис.21/2; 34/5–6, 31, 33, 35; 40/17; 41/6], в материалах Варнинского могильника IX–X вв. [Семёнов, 1980, табл.II/25], остаются массовыми и в более позднее время [Казаков, 1991, рис.41/1–9]. В материалах Рождественского могильника встречаются до конца X в. [Крыласова, 2013, с.107, рис.1/49].

8. *серебряный перстень – "колпачок"*, орнаментированный треугольниками зерни, со вставкой из зеленого стекла (гл.-2,29 м) (рис. 1/8).

Подобные "колпачки" в виде полусферы с зерно-сканым декором и вставкой, помещавшиеся на месте щитка перстня, довольно часто встречаются на памятниках Пермского Предуралья X–XI вв. Например, на Питер (Степаново Плотбище) (раскопки А.В. Данича), Огурдинском [Белавин, Крыласова, 2012, рис.55], Рождественском [Белавин, Крыласова, 2008, рис.182/9–10] могильниках, на городище Куль-Поз Косинского района КПАО (коллекция КПОКМ № 140). Известны аналогичные предметы в Приобье, на Вычегде [Истомина, 1999, рис.11/5].

Аналогичные перстни встречены в Удмуртии на Поломском II могильнике [Руденко, 2015, рис.43/2], в Вымской культуре [Голдина, 2013, рис.3/18].

На основе анализа материалов Рождественского могильника перстни с таким элементом датированы второй половиной X – XI вв. [Крыласова, 2013, с.109, рис.1/61]. Но по материалам Баяновского могильника можно предполагать более раннюю дату их появления.

9. *тлен бронзового наконечника ремня* в виде вытянутой бронзовой пластины с овальным передним краем (гл.-2,27 м) (рис. 1/9). Сохранился фрагмент ремня, на который крепился наконечник.

10. *тлен органики (шкура, дерево)* (гл.-2,28-2,30 м).

11. *хозяйственно-универсальный нож* с плавными переходами от черенка к лезвию (гл.-2,26 м) (рис. 1/11).

Находки находятся в слое тёмно-коричневого суглинка с вкраплениями угля. Центральная часть погребения до глубины 11 см заполнена серым суглинком.

На основе корреляции датировок элементов погребального инвентаря погребение можно отнести к концу IX – началу XI вв.

Погребение №468

Зафиксировано на квадрате Я-А'/23-24 в виде пятна неправильной овальной формы, на материковом слое (рис. 2). Погребение ориентировано по линии ССВ-ЮЮЗ, зафиксировано на глубине -1,97-2,07 м от условного нуля раскопа. Его размеры 2,08 x 0,64 м, максимальная глубина -2,24 м от условного нуля раскопа. Дно ровное, стенки вертикальные.

Все вещи расположены в центральной части погребения:

1. *бронзовая накладка* в виде двух соединенных окружностей (гл.-2,19 м) (рис. 2/1).

2. *серебряное височное кольцо с кольцом овальной формы, завершающимся гроздевидной бипирамидальной привеской* (гл.-2,20 м) (рис. 2/2). Кольцо цельнолитое, гроздь из крупных шаровидных выступов, над гроздью – подтреугольный выступ. На кольце – небольшие выступы-ограничители.

Височные кольца с гроздевидной привеской датируются концом VIII – XI вв. [Подосёнова, 2009а, с.15], а по материалам Рождественского могильника – первой половиной X в. [Крыласова, 2013, рис.1а/155].

В Пермском Предуралье они найдены в Огурдинском, Урьинском, Редикарском, Плёсинском, Важгортском, Баяновском, Каневском, Рождественском, Мало-Аниковском могильниках [Подосёнова, 2009, с.61–67].

Аналогичные височные подвески известны в Удмуртском Предуралье: в Варнинском, Поломском I, Поломском II, Омутницком, Тольёнском, Мыдлань-Шай могильниках [Иванов, 1998, с.67, 122, рис.19/6–7; 47/4, 9, 11; Семёнов, 1985, с.97, рис.2/8; Семёнов, 1988, с.31, рис.1/6, 8, 10; 3/2, 6; Генинг, 1962, с.42, табл.I/13, 15; Руденко, 2011, с.47, илл.40]; в Ветлужско-Вятском междуречье: в Веселовском, Дубовском, Черемисском кладбище, Юмском могильниках [Никитина, 2002, рис.25/12; 56/15, 17; Архипов, 1973, с.19–20, рис.17/21, 23]; в Северном Предуралье: в Нерицком могильнике, на Хэйбиде-Пэдарском жертвенном месте [Мурыгин, 1997, с.535, 559, рис.5/18; 28]; на территории Волжской Булгарии: в Танкеевском, Больше-Тарханском могильниках [Казаков, 1971, с.94, 156, табл.XXI/35а, 38, 47, 51]; на территории Южного Урала: в Старо-Халиловских и Каранаевских курганах [Мажитов, 1981, рис.55/1; 56/4; 60/1; Мажитов, 1993, с.131, рис. 4/2а].

3. *серебряное височное кольцо* с кольцом овальной формы аналогичное №2. Бипирамидальная привеска утеряна (гл.-2,20 м) (рис. 2/3).

4. *серебряная маска* в виде овальной пластины. Маска сильно фрагментирована. На ней вырезаны глаза, а также выдавлен нос. Точечным прорезным орнаментом вокруг глаз показаны ресницы (гл.-2,19 – 2,20 м) (рис. 2/4).

5. *серебряная подвеска со всадником* (гл.-2,20 м) (рис. 2/5).

6. *правые стороны обеих челюстей* (гл.-2,20 м).

7. *бронзовый прутковый браслет* с прямо срезанными концами, полностью орнаментированный кружковым орнаментом (гл.-2,20 м) (рис. 2/7).

Такие браслеты являются характерными для памятников Пермского Предуралья IX – начала XI вв., известны в поломских могильниках IX–X вв. [Генинг, 1962, с.42, табл.II/9; Иванов, 1998, рис.19/9; Семёнов, 1980, табл.II/33–34; Семёнов, 1985, рис.3/1–2; Семёнов, 1985а, рис.13/3], раннебулгарских могильниках IX–X вв. [Казаков, 1992, рис.22/18; 62/1–2; 73/43], в курганах Южного Урала IX–X вв. [Мажитов, 1981, рис.44/8; 56/5]. Браслеты, продолжающие традиционные раннебулгарские изделия ломоватовского происхождения, известны на булгарских памятниках X–XI вв. [Казаков, 1991, с.122; Хузин, 1999, рис.7/7–8], в могильниках Марийского Поволжья [Архипов, 1973, с.144, рис.31]. Во второй половине XI в. они выходят из употребления.

8. *топор-чекан* с узким, продолговатым, треугольным лезвием и молоточковидным обушком. Поперечное сечение обушка округлое (гл.-2,22 м) (рис. 3/8).

На территории Пермского Предуралья такие топоры обнаружены на могильнике Плёс, Агафоновском I могильнике, Баяновском могильнике, могильнике Канево, Загарском могильнике, могильнике Запоселье, Редикорском могильнике.

Аналогичные топоры встречены в Волжской Булгарии [Измайлов, 1993, с.102, рис.11/4].

9. *нож* с обоймочкой при переходе от черенка к клинку. Рукоять утеряна. Нож находился на подвесе, который украшала круглая бусина из прозрачного стекла с жёлтыми глазками и красными «ресничками» (гл.-2,22 м) (рис. 2/9).

10. *цельнолитой серебряный перстень со вставкой*, которая закреплялась четырьмя захватами. Вставка, к сожалению, утеряна (гл.-2,21 м) (рис. 2/10).

Данные перстни, т.н. «салтовского типа», вероятно, имеют южное происхождение и активно использовались в качестве импортируемого товара. В Пермском Предуралье такой перстень встречен на Рождественском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой). Подобные перстни массово встречаются на Большетиганском, Танкеевском, Тетюшском, Больше-Тарханском раннеболгарских могильниках [Казаков, 1992, рис.22/15; 61/15; 73/42; Генинг, Халиков, 1964, табл.XIV/13–14]. Множество аналогий таким изделиям имеется на памятниках Восточной Европы и Паннонии IX–X вв. [Казаков, 1992, с.205]. На соседних территориях они известны в курганах Южного

Урала IX–X вв. [Мажитов, 1981, рис.38/7; 44/12; 51/15], на полемско-чепецких памятниках [Иванова, 1998, с.139; рис.55/17–18; Иванов, 1998, рис.19/20; 48/2–3, 8–10].

11. подвеска из 12 дугообразных планок, вырезанных из передней стенки когтей медведя. В каждом когте просверлено по два отверстия, сквозь которые пропускались кожаные ремешки. Между когтями каждый ремешок был украшен бронзовой цельнолитой бусиной с неорнаментированным краем. Подвеска крепилась к поясу при помощи 2 шнурков, украшенных бронзовыми спиральновитыми пронизками. Снизу подвеска украшена двумя бронзовыми бубенчиками (гл.-2,18-2,22 м) (рис. 3/11). Эти украшения носили исключительно мужчины различных возрастных категорий (от 2 до 60 лет). Использование в составе привесок когтей медведя, очевидно, свидетельствует о том, что они могли выполнять функцию амулета.

В Пермском Предуралье аналогичные подвески встречены на Рождественском могильнике [Крыласова, Данич, 2021].

Кости принадлежат ребенку, умершему в возрасте 5 – 6 лет.

Погребение заполнено тёмно-коричневым суглинком.

На основе корреляции датировок элементов погребального инвентаря погребение можно отнести к IX–X вв.

Характеристика подвесок-всадников из раскопок 2019 г.

Всадник из погребения 461 (рис.4/1). Отливка плоская односторонняя шириной 9 см (от носа до изгиба хвоста коня) высотой 8 см (от набалдашника шлема всадника до основания). На подвеске изображён конь, движущийся в правую геральдическую сторону, и всадник в фас, сидящий боком. Качество подвески высокое, с детальной проработкой всех элементов.

На голове всадника показан *островерхий головной убор* (шлем-?) с шишковидным навершием и ободом в основании. По данным фольклора, угорские богатыри-предки отличались от простых людей не только физической силой и телесной мощью, а и соответствующим вооружением, в котором важнейшее место занимал шлем – знак принадлежности к профессиональным воинам. *На лице* обозначены нос, рот, глаза и небольшая борода. Одна рука лежит на шее коня, удерживая *поводья* и верхнюю часть *копья*, другая – на спине, удерживая нижний край копья. Ноги выделены рельефом, обуты в *сапоги* и, вероятно, находятся в *стременах*. Всадник одет в *длинную одежду* с открытым воротом, вероятно, длиною по колено. Поверх (?) данной длинной одежды одет *пластинчатый доспех*, закрывающий туловище по пояс, который также покрывал руки всадника по локоть. С левой стороны к поясу подвешен *колчан*, расширяющийся в верхней и нижней части. Всадник сидит в *седле* на коне. Конь изображен в профиль, движущимся по *основанию* с косыми насечками. У него массивная *голова* с четко выделенным ухом и большим глазом, две передние *ноги* и одна задняя, а также *волнистый хвост*, видимо, заплетенный или завязанный узлом. Из пасти коня к правой руке человека идет *повод*, на голове четко различимы *уздечные ремни*. Грива обозначена широкими полосами. На спине коня под седлом обозначен *чепрак*. Ремни конской сбруи покрыты насечками, очевидно, изображающими *набор металлических накладок*.

По отдельным признакам подвеска из погребения №461 соотносится с кругом подобных подвесок-всадников, иконография которых начала формироваться еще на рубеже раннего железного века и средневековья на обширных территориях от Западной Сибири до Среднего Предуралья, в пределах средневекового «угорского мира» [Белавин, Крыласова, 2010, с.87–88]. Их сближают оформление головы всадника с надетым на нее шлемом с округлым набалдашником, проработка лица, положение рук всадника и, наконец, наличие планки-основания, на котором стоит конь. С другой стороны, подвеска выделяется своими размерами – учитывая, что в среднем такие подвески имели размеры от 4 x 3 до 7,5 x 5,3 см, она почти в 2 раза крупнее. Всадник повернут в противоположную (чем на остальных подвесках) сторону, посадка на коня

традиционная, отличается иконография коня. Самое главное отличие заключается в детализации изображения. Если на прочих подвесках лишь иногда показана уздечка, то здесь представлено полное конское снаряжение. У всадника кроме обычного для таких изображений шлема показаны одежда и доспех, а также оружие – копье и колчан.

Отличия между всадниками Пермского Предуралья и всадником из погребения №461 наблюдаются не только в иконографии и размерах подвесок, но и в химико-технологических характеристиках. Подвеска изготовлена с помощью литья с восковым посредником. Отдельные элементы в костюме всадника, вооружении и фигуре коня дорабатывались уже после литья. Ю.А. Подосёновой, старшим научным сотрудником ПФИЦ УрО РАН, был сделан анализ химического состава металла, выполненный для лицевой и изнаночной сторон подвески, который показал практически одинаковые значения основных компонентов сплава: изделие выполнено из сплава с высоким содержанием серебра, легированного латунью (Ag-Cu-Pb-Zn) (табл. 2).

По манере изображения указанных деталей рассматриваемая подвеска находит много общего с подвесками-всадниками сrostкинской культуры второй половины VIII – первой половины XI вв. в пределах Лесостепного Алтая (рис.5). Сходство прослеживается в направлении движения (в правую геральдическую сторону), в иконографии изображения коня (мощные ноги, волнистый хвост, 3 ноги коня – две спереди и одна сзади, в то время как на подвесках Пермского Предуралья изображены все 4 ноги), в посадке всадника на коне (голова и верхняя часть тела развернуты в полупрофиль, а нижняя часть туловища и нога – в профиль), в наличии копья (на подвесках Пермского Предуралья его изображения никогда не было) и пластинчатого доспеха, в аналогичном способе литья. Однако вместо меча (сабли) на нашем экземпляре на левом боку всадника расположен колчан, отсутствует щит за спиной, у сrostкинских всадников отсутствует основание, по которому идет конь, они значительно меньше по размерам и изготовлены из медно-оловянно-свинцового сплава [Горбунов, Тишкин, 2019, с.183]

Любопытно, что сочетание «венгерского» и алтайского (сrostкинского) компонентов прослеживается в ряде могильников на территории Челябинской области (Уелги, Актюба), но, как отмечают исследователи, характер этого взаимодействия пока не ясен (см. статью С.Г. Боталова и др. в настоящем сборнике).

Определенные параллели можно провести между рассматриваемым всадником и изображениями на серебряных блюдах из гипотетического Урало-венгерского центра IX–X вв. (напр., рис.6). Они имеют схожие черты с торевтикой венгерских мастеров, но по сюжетам, композиции декора и художественным особенностям отличаются от «венгерской классики». Венгерские археологи отмечают сходство орнаментации деталей вооружения и конской сбруи с венгерскими изделиями [Федорова, 2003, с.16–17]. Здесь можно отметить не только подобное вооружение и конское снаряжение, но и посадку всадника, положение его рук. К числу подобных изделий можно отнести и медальон с изображением всадника, обнаруженный в погребении №249 Рождественского могильника, датируемом XI в. [Крыласова, 2014, рис.320], хотя это изображение не такое детализированное (рис.7).

Всадник из погребения 468. Отливка плоская односторонняя шириной 4,5 см (от носа до хвоста коня) высотой 3,2 см (от головы всадника до основания). На подвеске изображён конь, движущийся в левую геральдическую сторону, и всадник в фас, сидящий боком, перекинув ноги на одну сторону. Такой способ посадки считается женским, «амазонским», он крайне неудобен, особенно в бою. Сомнительно, что средневековые всадники-воины действительно так сидели на коне. Вероятно, подобная манера изображения всадника была вызвана необходимостью показать «целого» человека [Белавин, Крыласова, 2010, с.84]. Качество проработки подвески слабое – присутствует лишь незначительная штриховка, показывающая *гриву коня. Голова*

всадника округлая, не покрыта головным убором. На лице обозначены нос, рот, глаза. Одна рука лежит на шее коня, другая – на спине. Ноги выделены рельефом. Конь движется по неорнаментированному основанию.

Данная подвеска, в отличие от описанной выше, изготовлена с помощью литья по оттиску готового изделия в двучастной односторонней пластичной форме. Доработка поверхности изделия не производилась. Так же, как и в предыдущем изделии, анализ химического состава металла, выполненный для лицевой и изнаночной сторон подвески, показал практически одинаковые значения основных компонентов сплава: изделие выполнено из сплава с высоким содержанием серебра, возможно, легированного бронзой (Ag-Cu-Pb, табл. 2).

Таблица 2. Результаты исследования химического состава металла подвесок-всадников

Место пробы*	Cu (%)	Ag (%)	Pb (%)	Zn	Тип сплава	Остальные элементы (менее 1%)
Всадник из погребения 461						
Изнаночная сторона (голова коня)	5,26	89,7	2,99	1,23	Ag-Cu-Pb-Zn	Fe
Изнаночная сторона (круп коня)	4,9	90,2	3,07	1,11	Ag-Cu-Pb-Zn	Fe
Изнаночная сторона (бедро коня)	4,19	91	2,94	0,99	Ag-Cu-Pb-Zn	Fe
Лицевая сторона (голова коня)	6,95	88,7	2,25	1,18	Ag-Cu-Pb-Zn	Fe
Лицевая сторона (круп коня)	5,1	89,85	3,01	1,24	Ag-Cu-Pb-Zn	Fe
Всадник из погребения 468						
Лицевая сторона (голова коня)	3,98	94,9	1,12	-	Ag-Cu-Pb	-
Лицевая сторона (круп коня)	3,87	94	1,07	0,17	Ag-Cu-Pb	Fe, As
Лицевая сторона (бедро коня)	4,2	94,5	1,07	-	Ag-Cu-Pb	Fe, As
Изнаночная сторона (голова коня)	4	94,8	1,01	-	Ag-Cu-Pb	As
Изнаночная сторона (круп коня)	4,4	94,3	1,09	-	Ag-Cu-Pb	Fe, As
Исследование химического состава металла было проведено с помощью рентгено-флуоресцентного анализа (использовался портативный рентгено-флуоресцентный спектрометр Bruker S1 Sorter). В связи с тем, что изделия достаточно хрупкие, очищения не проводилось.						

По мнению Л.А. Голубевой, родиной таких подвесок являлось Прикамье [Голубева, 1979, с.41–42]. Действительно, подвески X–XI вв. с полностью сформированным канонизированным изображением получили наибольшее распространение на территории Среднего Предуралья: в Удмуртии и Пермском крае. В Пермском Предуралье подвески-всадники найдены на Баяновском могильнике (раскопки А.В. Данича), Рождественском могильнике [Белавин, Крыласова, 2008, рис.198/17], Вакинском селище, Загарском могильнике [Кулябина, 2013, с.136–137, № 247–249], Купросском городище, Кыласовом (Анюшкар) городище. В Удмуртском Предуралье – на городищах Дондыкар, Иднакар, Качкашурском, Варнинском могильниках [Иванов, 1998, рис.56/1–7]. Но исследования в Западной Сибири показали, что такие изделия широко представлены и в Приобье, причем, наиболее ранние их варианты. Известны подобные находки на территории Волжской Булгарии и в Поволжье. Третий район, отмеченный в работах ряда исследователей – Приладожье и Прионежье. Отдельные находки встречены на восточной окраине Ижорской возвышенности и в бассейне Северной Двины [Белавин, Крыласова, 2010, с.86;

Никитина, 2002; Рябинин, 1981, табл. XI/6; Угорское наследие, 1994, №73, 157; Карачаров, 1993, рис. 3/14; Голубева, 1979, с. 42; Казаков, 1992, рис. 95/36; Лещинская, 1995, рис. 21/27].

Среди исследователей существует мнение о том, что культ коня, а вместе с ним и культ всадника, сформировались в районах уральской лесостепи, где в ходе взаимодействия разноэтничного населения происходило становление угорского ядра воинов-коневонов, откуда группы мигрантов принесли его в лесные районы Предуралья и Зауралья [Викторова, 2008, с. 107]. Тот факт, что предметы с всадническим сюжетом выстраиваются в непрерывную эволюционную линию: литые фигурки – бляхи с «сокольников» – этнографические жертвенные покрывала обских угров, может свидетельствовать о том, что уже в эпоху средневековья началось становление культа Небесного всадника [Белавин, Крыласова, 2010, с. 87–88] – Мир-Сусне-Хума (хантыйский Эква-Пыргись (Кан-ики, Орт-ики), общеугорский Alwali (Alwa)) – народного заступника, посредника между людьми, богами и духами [Гемуев, 2003, с. 92]. Особое значение образ всадника приобрел в IX–XI вв., когда, как показывают материалы прикамских и западносибирских могильников, в угорском обществе возникла прослойка воинов, чьи погребения сопровождаются деталями конского снаряжения, саблями, копьями, боевыми топорами и иным вооружением. Особый статус погребенных подчеркивается наличием серебряных погребальных масок, наборных поясов, удил и иных знаковых предметов, среди которых были и нагрудные подвески-всадники [Белавин, Крыласова, 2010, с. 86].

Особого внимания, безусловно, заслуживает находка всадника из погребения №461, которая может использоваться как достоверный изобразительный источник для изучения средневекового вооружения и конского снаряжения.

Библиографический список:

1. *Архипов Г.А.* Марийцы IX–X вв. К вопросу о происхождении народа. – Йошкар-Ола: Мар. КН. изд-во, 1973 – 200 с.
2. *Ахмедов И.Р.* К выявлению индикаторов социальной стратификации в культуре рязано-окских финнов в эпоху великого переселения народов по материалам могильника у с. Никитино // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Ч. 1. – Тула, 2010. – С. 101–130
3. *Белавин А.М.* Погребения с воинскими знаками средневековых могильников Пермского Предуралья // IV Северный археологический конгресс. Материалы. – Екатеринбург-Ханты-Мансийск: УрФУ, 2015. – С. 160–163.
4. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. I. – Пермь: ПГПУ, 2008. – 603 с.
5. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Предметы с изображением сюжета «животное/всадник на основании» в культуре средневекового населения северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (42) – Новосибирск: Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, 2010. – С. 79–88.
6. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Огурдинский могильник / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. II. – Пермь: ПГПУ, 2012. – 259 с.
7. *Викторова В.Д.* Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). – Екатеринбург: «Квадрат», 2008. – 208 с.
8. *Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В.* Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг.: Труды отдела Охранных раскопок Института археологии РАН. Т. 3. – М.: ИА РАН, 2005. – 176 с.
9. *Гемуев И.Н.* Народ манси: воплощение мифа. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2003. – 94 с.
10. *Генинг В.Ф.* Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай. ВАУ. Вып. 3. – Свердловск: УрГУ, 1962. – С. 7–111

11. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние булгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). – М.: Наука, 1964. – 200 с.
12. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Иркутский университет, 1985. – 280 с.
13. Голдина Р.Д. О некоторых проблемах средневековой археологии пермян Приуралья // Культурные связи населения европейского северо-востока в древности и средневековье. Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 18. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2013. – С.106–119
14. Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск: УрГУ, 1989. – 215 с.
15. Головнёв А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 1995. – 608 с.
16. Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. – Вып. Е1-59, 1979. – 112 с.
17. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Металлические бляхи в виде воинов-всадников из памятника Сростки-I: история изучения, новые сведения и рентгенофлюоресцентный анализ // Теория и практика археологических исследований. Т. 26, № 2. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2019. – С. 179–187
18. Данич А.В. Наконечники копий на территории Пермского Приуралья // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. III. – Пермь, ПГПУ, 2010. – С. 20–43.
19. Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 308 с.
20. Иванова М.Г. Иднакар. Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. / М.Г. Иванова. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 294 с.
21. Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя Волжских Булгар X–XIII вв. (копья и боевые топоры) // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. – Казань, 1993. – С.77–106.
22. Истомина Т.В. Вотчинский могильник // Этнокультурные процессы в древности на европейском Северо-Востоке. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1999. – С.76–102
23. Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Северного Поволжья. – Казань, 1971. – С. 94–155
24. Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. – 176 с.
25. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. – М.: Наука, 1992. – 335 с.
26. Казаков Е.П. Волжские болгары и угорский мир Урало-Поволжья // XV Уральское археологическое совещание: тезисы докладов международной научной конференции. – Оренбург: ОГПУ, 2001. – С. 160.
27. Карачаров К.Г. Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа: УНЦ ИИЯЛ РАН, 1993. – С.110–118
28. Крыласова Н.Б. Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. История. – 2013. 1 (21). – С. 104–115
29. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2014 г. / Рукопись – Пермь: ПГГПУ, 2014. – 92 с., илл.
30. Крыласова Н.Б., Данич А.В. Сборные поясные привески с элементами из когтей медведя в средневековом мужском костюме Пермского Предуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. № 1(49). – С. 78–84
31. Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белагин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. III. – Пермь: ПГГПУ, 2014. – 565 с.
32. Кулябина Н.В. Наследие Камской чуди: Пермский звериный стиль: Из собрания Пермского краеведческого музея: Каталог. – Екатеринбург-Пермь, 2013. – 268 с.
33. Лещинская Н.А. Хронология и переодизация могильников бассейна р.Вятки (I – начало II тыс. н.э.). // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. – Ижевск: УдГУ, 1995. – С.88-128.
34. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. – М.: Наука, 1981. – 164 с.

35. Мажитов Н.А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа: УНЦ ИИЯЛ РАН, 1993. – С.119–140
36. Мурыгин А.М. Памятники позднего железного века лесной и тундровой полосы Печорского Приуралья // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. – М.: ДИК, 1997. – С. 478–560
37. Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. – 432 с.
38. Подосёнова Ю.А. Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья: дис. канд. ист. Наук / Рукопись. – Казань, 2009.
39. Подосёнова Ю.А. Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья: автореф. дис. канд. ист. наук: на правах рукописи. – Казань, 2009а. – 26 с.
40. Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С.66–79
41. Руденко К.А. О роли финно-угров в сложении культуры волжских булгар XI–XIV вв. // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2004. – С.148–159
42. Руденко К.А. Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Т. I. – Казань: Изд-во: «Заман», 2011. – 256 с.
43. Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. – Казань: Изд-во: «Заман», 2015. – 528 с.
44. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения древней Руси X–XIV вв. // Археология СССР. САИ. – Вып. Е1-60. – Л.: Наука, 1981. – 123 с.
45. Семёнов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. – Ижевск: НИИ при СовМинУдАССР, 1980. – С. 5–135
46. Семёнов В.А. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. – Устинов: НИИ при СовМинУАССР, 1985. – С.92–118
47. Семёнов В.А. Городище Весья-Кар // Материалы средневековых памятников Удмуртии. – Устинов: НИИ при СовМинУАССР, 1985а. – С.48–77
48. Семёнов В.А. Тольенский могильник IX – начала X в. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1988. – С.25–28
49. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 160 с.
50. Федорова Н.В. Сокровища Приобья в истории западно-сибирского средневековья // Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки. – Салехард-СПб: ИИиА УрО РАН, 2003. – С.9–18
51. Хузин Ф.Ш. Древняя Казань и проблемы её возникновения // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. – Казань, 1999. – С.196–226

Сведения об авторе:

Данич Андрей Васильевич, ведущий специалист лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь, Россия); adanich@yandex.ru

Danich Andrey V., leading specialist of the laboratory of archaeological tracology, anthropology and experimental archeology of Perm State Humanitarian-Pedagogical University (Perm, Russia); adanich@yandex.ru

Рис. 1. Баяновский могильник. План и вещевой материал погребения № 461

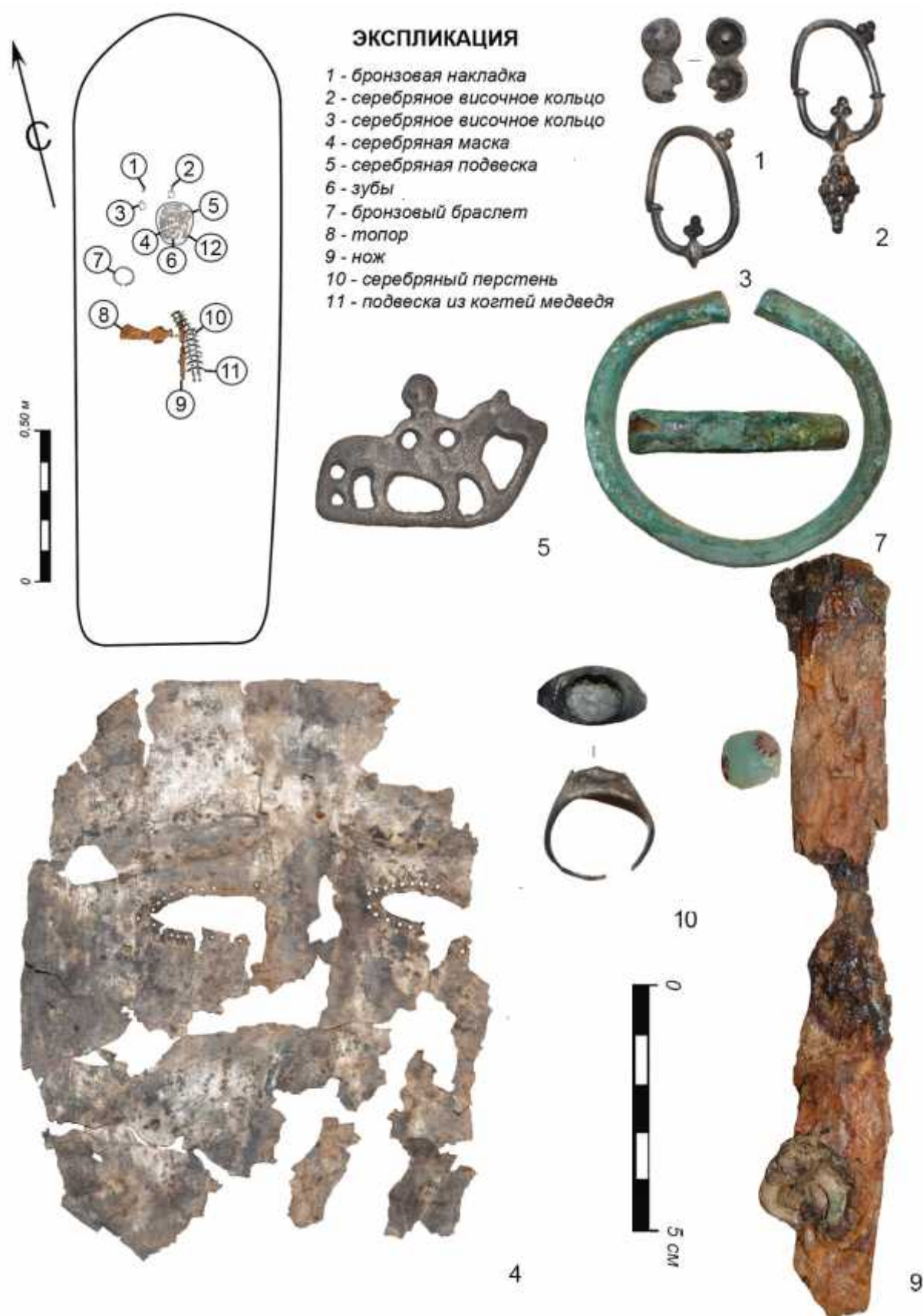

Рис. 2. Баяновский могильник. План и вещевой материал погребения № 468

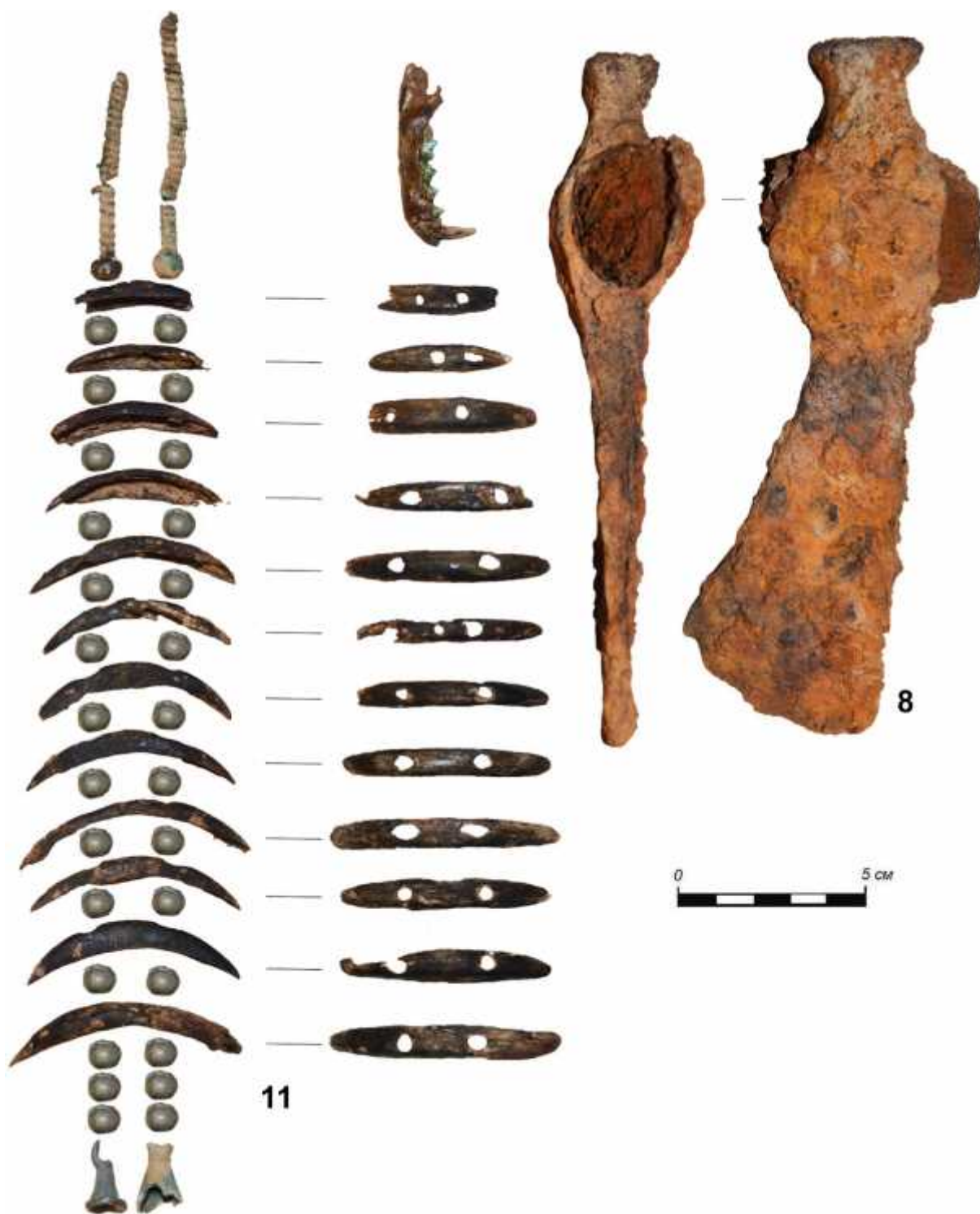

Рис. 3. Баяновский могильник. Вещевой материал погребения № 468 (продолжение)

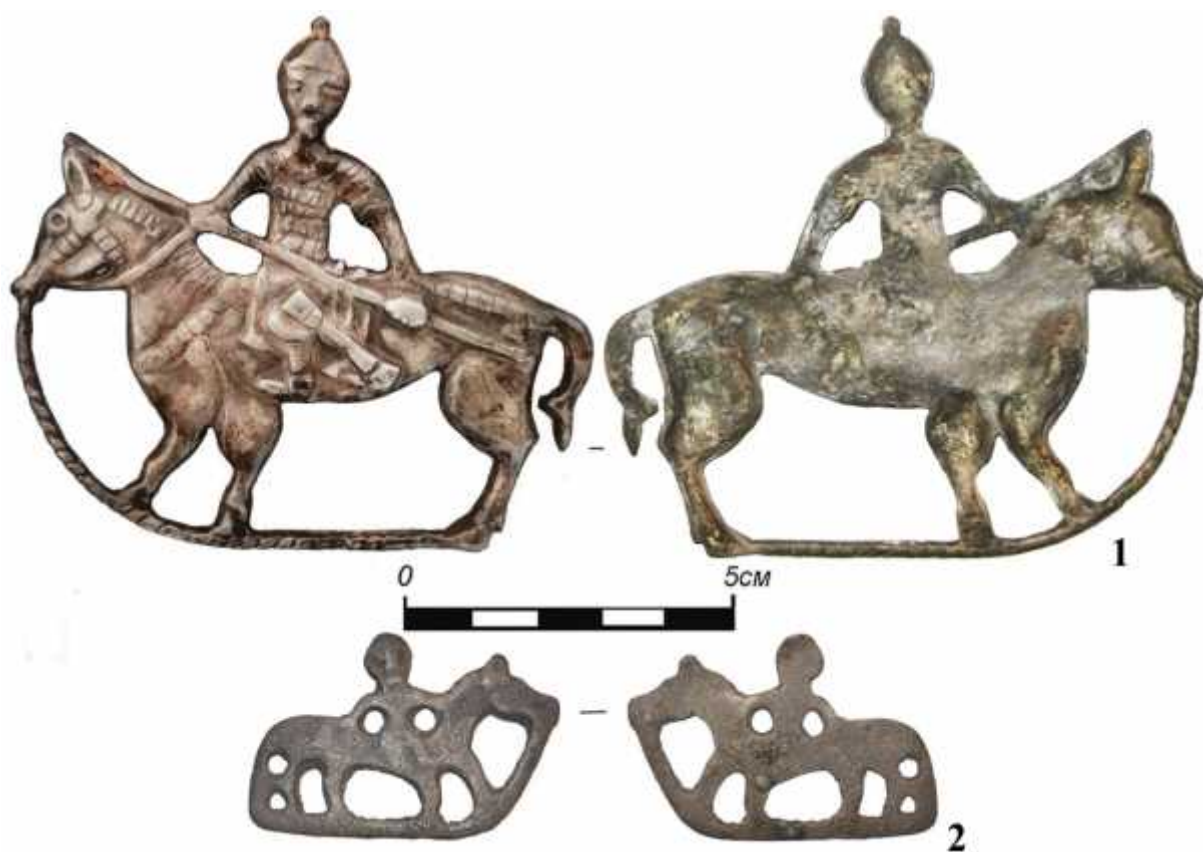

Рис.4. Подвески-всадники с Баяновского могильника:
1 – погребение №461, 2 – погребение №468

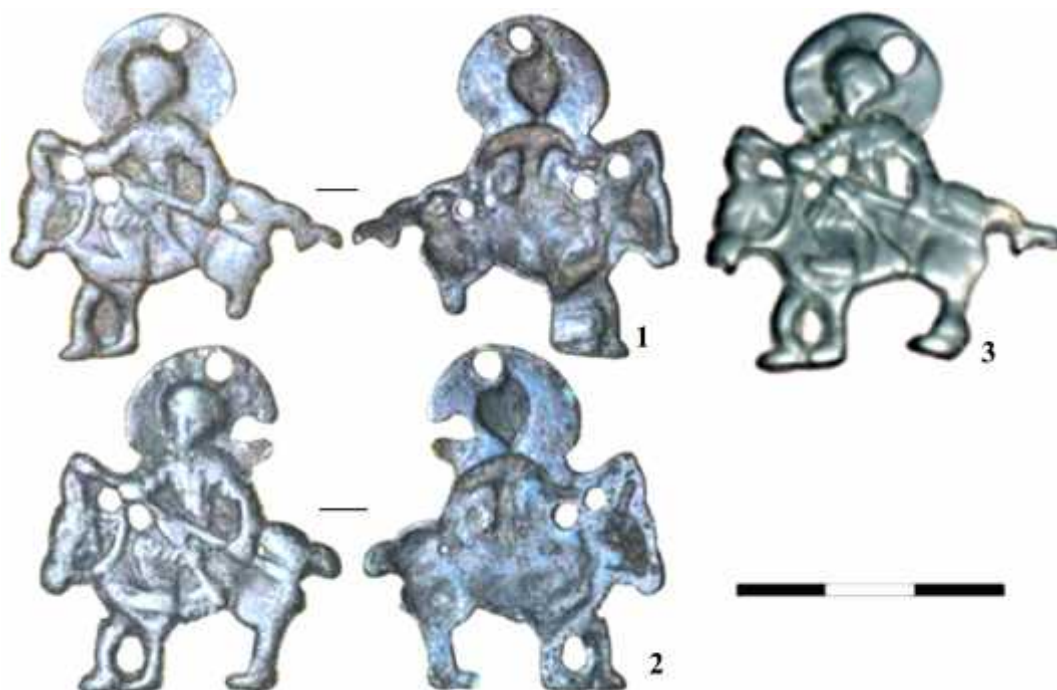

Рис.5. Подвески-всадники из материалов сrostкинской культуры:
1–2 – Сrostки-I, 3 – Колмаково (по В.В.Горбунову, А.А.Тишкину)

Рис.6. Всадники на блюдах урало-венгерского типа из Приобья, IX–X вв.: 1 – с.Мужи, 2 – могильник Хето-се на Ямале

Рис.7. Медальон со всадником, погребение №249 Рождественского могильника

УДК 902

DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-77-83

Белавин А.М.^{2,1}, Крыласова Н.Б.^{1,2}**НОВЫЕ НАХОДКИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ МАСОК НА
РОЖДЕСТВЕНСКОМ МОГИЛЬНИКЕ***¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, РФ²Пермский федеральный научно-исследовательский центр УрО РАН, г. Пермь, РФ

Рождественский могильник конца IX – XI вв., относящийся к ломоватовской археологической культуре, – один из 14 памятников Пермского Предуралья, где фиксируется такой элемент погребальной обрядности, как использование погребальных лицевых покрытий в виде матерчатого покрывала с нашитыми на него серебряными масками или кусочками серебряных пластин. При раскопках, продолжающихся в XXI в., погребальные маски и их фрагменты были обнаружены еще в 6 погребениях (в дополнение к 3 маскам, известным ранее). В целом использование погребальных лицевых покрытий зафиксировано в 2% погребений данного могильника. Маски в виде личины имеют овальную форму, сравнительно небольшие размеры, выпуклый нос, глаза и рот в виде прорезей. Они лишены дополнительного декора, достаточно лаконичны и изящны. Возможно, относительная миниатюрность масок является хронологическим признаком самой поздней их разновидности. А особенности оформления носа путем выколотки – почерк местных ювелиров, поскольку на других территориях одновременные маски отличаются большей геометричностью. Наличие масок, которые считаются одним из элементов угорского погребального обряда, свидетельствует о сохранении в Предуралье представителей угро-мадьярского населения до XI в.

Ключевые слова: эпоха средневековья, ломоватовская культура, погребальный обряд, погребальные лицевые покрытия, серебряные маски.

Btlavin A.M.^{2,1}, Krylasova N.B.^{1,2}**MORE FUNERARY MASKS UNEARTHED AT
THE ROZHDESTVENSKY BURIAL SITE**¹Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia²Perm State University of Humanities and Pedagogy, Perm, Russia

The Rozhdestvensky burial site dating back to the late 9th-11th centuries pertains to the Lomovatovo archaeological culture. It is one of 14 sites of the Perm Preduralye where funerary face covers have been registered. The covers were made of tissue, with silver masks or silver plate pieces sewn onto it. At diggings in the 21st century funerary masks and their fragments were unearthed at 6 other burial sites (in addition to the 3 masks already known).

In general the use of funerary face covers have been registered in 2% of the burials at the burial site. The masks look like whole face covers, are oval-shaped and relatively small-sized, with a protruding nose and apertures for the eyes and mouth. They are devoid of any decorations and are quite laconic and refined. Perhaps the comparatively miniaturistic nature of the masks indicates that the specimens are of the most recent variety. The peculiar feature of shaping the nose by tapping it is typical of local artisans because masks of the same period in other regions differ from them by more accurate geometry. The presence of masks, which are posited to be part of Ugrian burial rite, indicates that there was Ugrian-Magyar population in Preduralye until the 11th century.

Key words: the Middle Ages, Lomovatovo culture, burial rite, funerary face covers, silver masks

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Пермского края (соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.), в рамках проекта и при поддержке РФФИ и Пермского края 20-49-590001 р_а «Средневековое ювелирное наследие Пермского края: стилистические и химико-технологические особенности», а также в рамках темы госзадания «Урал – этнокультурный перекресток Евразии» № НИОКТР АААА-А-19-119032590066-2

Одним из важнейших этнических маркеров угорской традиционной культуры являются *погребальные маски*, использование которых связано с глубокими и сложными идеологическими представлениями. Как показывают исследования, погребальные лицевые покрытия с металлическими нашивками характерны для всех групп древних угров, включая мадьяр (в том числе, венгров арпадского периода), принесших эту традицию с Уральской прародины в Паннонию [Белавин и др., 2018; Fodor, 1982, илл.XI; Fodor, 2013]. Эта погребальная традиция сохранялась у обских угров вплоть до к. XIX – н. XX вв. [Карьялайнен, 1994, с.76–77].

Иногда специально изготовленные маски заменялись бытовыми металлическими предметами или их фрагментами. Так, на Пылаевском могильнике юдинской культуры металлические части лицевого покрытия представляли собой разрубленные на три части круглые бронзовые бляхи (зеркала?) [Кутаков, Старков, 1997, с.137, рис.17]. На могильнике Зеленый Яр VIII–IX вв. на лицевые «покрывала» трех погребений были нашиты большие медные пластины, вырезанные из стенок котлов [Зеленый яр, 2005, с.211–212]. В Прикамье известна находка погребальной серебряной маски, переделанной из лицевой платины сумочки-ташки [Белавин, Крыласова, 2008а; Белавин, Крыласова, 2008б]. В погребении №70 Арантурского могильника (Тюменская область) на лицо покойного, покрытое тканью, была уложена бронзовая чаша, играющая роль маски [Степанова, 2008].

Выявляемые в угорских погребениях лицевые покрытия (наглазники и наротники, маски и полумаски) объединяет то, что они состоят из матерчатого или мехового покрывала, на которое нашиваются специально изготовленные для этой цели маски из серебра (реже – золота), монеты, бляшки, куски серебряных и бронзовых пластин [Белавин, Крыласова, 2008а]. Качество серебряных масок различное – от рельефных, возможно, даже портретных масок из достаточно толстого прокованного серебряного листа, до тонких, изготовленных практически из серебряной фольги иногда в виде серебряной трухи.

На сегодняшний день на территории от Приуралья до Западной Сибири известно 28 памятников VI–XIV вв., где зафиксированы погребальные лицевые покрытия. Наибольшее их количество (14 памятников) выявлено на территории Пермского Предуралья. Общее количество находок масок в Пермском Предуралье составляет более 220 экз., учитывая и находки грабителей, демонстрируемые ими в Интернете. Наибольшее количество масок происходит с Баяновского могильника, где их найдено уже 186 экземпляров. Таким образом, погребальные маски в Прикамье – явление, характерное для угорского населения Урало-Камского региона в VI–XI вв., и каждая новая находка представляет особый интерес.

На Рождественском могильнике в XX веке было найдено 3 серебряные погребальные маски, использовавшиеся в качестве таких покрытий. Одна маска из коллекции Теплоуховых опубликована еще А.А.Спициным в 1902 г. [Спицин, 1902, табл.XX/10], а позднее – В.А. Обориным [Оборин, 1953, с.168, табл.1/17]. Две другие маски обнаружены в погребениях № 52 и 76 в период раскопок 1990-х гг. [Белавин, Крыласова, 2008, с.478–480].

После возобновления исследований могильника в 2008 г. по программе противоаварийных археологических работ в погребениях было найдено еще 6 масок и их остатков.

В 2011 г. в погребении № 2106 обнаружена серебряная погребальная маска (рис.1), которая лежала лицевой частью вниз, в выемке носа сохранился фрагмент дерева. Очевидно, маска была перемещена со своего первоначального местоположения. Маска подтрапециевидной формы размерами 11,8 х 7,1–7,8 см изготовлена из тонкой серебряной пластины, с помощью чеканки выполнен выпуклый подтреугольный нос с обозначенными ноздрями, глаза и рот изображены в виде прорезей, по углам маски прослеживаются отверстия для пришивания на тканевую основу. Вокруг маски

с северной и южной сторон обнаружено 4 экз. бронзовых гирьковидных привесок, датирующихся концом X – XI вв. [Крыласова, 2013, рис.1а/251]. Под маской выявлены остатки древесины, вероятно, от настила на дне могильной ямы, а также зерна. На дне могильной ямы под описанным скоплением находок наблюдалось темное пятно истлевшей органики подтрапецевидной формы.

В 2017 г. в *погребении № 325*, которое представляло собой кенотаф, обнаружена серебряная маска (рис.2). Погребение содержало набор вещей статусного характера: железную саблю (разломанную на три части) с серебряным навершием на рукояти, рукоять плети, боевой топорик и другие предметы вооружения, сломанную пополам серебряную трапецевидную подвеску, кресало с бронзовой рукоятью, богатый поясной набор, погребальную маску и прочие вещи. Погребение является кенотафом, на что указывает тот факт, что наиболее ценные вещи, включая погребальную маску, были завернуты в сверток, перевязанный поясным ремнем с набором серебряных поясных накладок, который располагался в центре обычной по размерам и конструкции могильной ямы. При этом наиболее ценные серебряные вещи – трапецевидная подвеска и затыльник рукояти сабли с тисненым орнаментом – были помещены внутри свернутой в трубочку маски. Все предметы погребального инвентаря были преднамеренно сломаны, в чем проявляется характерный для финно-угров обряд «умерщвления» вещей. Представленные в комплексе предметы из серебра стилистически схожи с венгерскими, но по технологическим характеристикам тяготеют к прикамской ювелирной школе. Возможно, они были изготовлены по венгерским образцам. Воинский комплекс «венгерского типа», характерный для богатых дружинных захоронений Пермского Предуралья, очевидно, принадлежал погибшему на стороне мужчине-воину, представителю социальной элиты. Данный комплекс, в том числе, маска подробно опубликованы [Крыласова и др., 2018]. Погребение датируется первой половиной XI века.

Фрагменты маски хорошо реконструируются. После реконструкции маска представляет собой овальную личину размерами 15×10,5 см с выпуклым носом, сформированным путем выколотки, и небольшими миндалевидными прорезями глаз и рта и со следами позолоты (рис.2). По краям маски пробиты круглые отверстия для пришивания к покрывалу из ткани. Такие маски характерны для периода конца IX – начала XI вв. [Белавин, Крыласова, 2008а].

В том же году еще одна маска найдена в *погребении №342* – это фрагментированная серебряная погребальная маска со следами позолоты размерами 8,3 x 12 см (рис.3/3) с выпуклым носом, сформированным путем выколотки, прорезанными глазами и ртом, по краям маски имеется три отверстия для пришивания. Под маской законсервировались фрагменты тонкой ткани из растительных волокон простого полотняного плетения репсовой структуры, на которую была нашта маска, и фрагменты нижней челюсти, под подбородком которой располагались две бронзовые пронизки и серебряная монета, а по бокам от челюсти – 2 серебряные калачевидные височные подвески (рис.3/1–2). Под челюстью сохранились фрагменты древесного тлена от настила на дне могильной ямы. Монета сильно потерта, по ряду особенностей рисунка монетного поля, по заключению нумизмата Р.Ф. Вильданова, относится к чекану халифов из династии Аббасидов [Крыласова, 2017, с.123]. Кроме указанных находок в погребении имела бронзовая поясная накладка с Ж-образным орнаментом и колесовидная подвеска. Погребение в целом может быть датировано XI веком.

Не исключено, что с погребальным лицевым покрытием (маской) связаны находки четырех серебряных пластин с отверстиями для крепления, которые, возможно, были нашиты на погребальное лицевое покрытие (рис.4). Они были обнаружены в северной части *погребения №352* – то есть «в изголовье», так как, судя по захоронениям с сохранившимися костяками и по особенностям расположения вещевого инвентаря, погребенные на могильнике были ориентированы головой на север или северо-запад.

Еще в двух погребениях найдены *следы серебряных масок*. В погребении № 198 в 2010 г. найден тлен от крупного фрагмента серебряной фольги. В погребении № 233 в 2014 г. в области головы обнаружено три фрагмента тлена от серебряной фольги, которые могут быть, как и в предыдущем случае, остатками тонкой погребальной маски (возможно, наглазников и наротника).

На настоящий момент на Рождественском языческом могильнике исследовано 413 погребений, маски и их остатки зафиксированы в 2% из них. В целом это соотносится с количеством масок, выявленных на других могильниках ломоватовской культуры. Исключение составляет только Баяновский могильник, где маски присутствуют примерно в 48% погребений. Маски Рождественского могильника, датируемые X–XI вв., имеют некоторые отличительные особенности, которые с одной стороны, вероятно, объясняются их принадлежностью к самому позднему периоду функционирования данного элемента погребальной обрядности в Пермском Предуралье, а с другой, – индивидуальным стилем местных ювелиров. Они отличаются сравнительной миниатюрностью и отсутствием дополнительной орнаментации, как, к примеру, маски из хронологически близких Плесинского и Огурдинского могильников. Но в отличие от этих масок, имеющих упрощенный «геометричный» облик, на масках с Рождественского могильника очень тщательно с помощью выколотки оформлен нос. Материалы Рождественского могильника свидетельствуют, что угро-мадьярский обычай сопровождать отдельные захоронения погребальными лицевыми покрытиями с нашитыми на них металлическими масками сохранялся на финальном этапе ломоватовской культуры вплоть до конца XI века.

Библиографический список:

1. Бела́вин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афу́ла: археологический комплекс у с. Рождественск / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. I. – Пермь: ПГПУ, 2008. – 603 с.
2. Бела́вин А.М., Крыласова Н.Б. Погребальные лицевые покрытия как угорский маркер // Между прошлым и будущим: ист. опыт нац. развития: Матер. Всерос. науч. конф., посвящ. 20-летию ИИиА УрО РАН. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2008а. – С.47–51
3. Бела́вин А.М., Крыласова Н.Б. Редкий предмет из грабительских раскопок // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст / Материалы тематической всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 16-18 декабря 2008 г. – СПб: СПбГУ, 2008б. – С.215–218
4. Бела́вин А.М., Крыласова Н.Б., Данич А.В. Венгерские (мадьярские) черты погребального обряда средневековых могильников Предуралья // Археология евразийских степей. – 2018. № 6. – С. 8–13
5. Зелёный Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / под ред. Н.В.Федоровой. – Екатеринбург-Салехард: ИИиА УрО РАН, 2005. – 368 с.
6. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов / Пер. с нем. Н.В.Лукиной. Т.1. – Томск: ТомГУ, 1994. – 152 с.
7. Крыласова Н.Б. Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2013. № 1 (21). – С. 104–115.
8. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2017 г. / Рукопись. – Пермь: ПГГПУ, 2017. – 102 с.
9. Крыласова Н.Б., Бела́вин А.М., Подосенова Ю.А. Новый «венгерский комплекс» из раскопок Рождественского могильника // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. – 2018, №4. – С. 91–99
10. Обо́рин В.А. Рождественское городище и могильник // Ученые записки Пермского государственного университета. Т.IX, вып.3. – Харьков, 1953. – С.161–179
11. Спи́цын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. Вып.26. – СПб., 1902. – 109 с., илл.

12. Степанова Г.А. Погребение с бронзовой чашей из могильника Арантур 27 Препринт. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 2008. – 23 с.
13. Fodor I. In Search of a New Homeland. The Prehistory of the Hungarian People and the Conquest. – Corvina Kiado, 1982. – 322 pp.
14. Fodor I. Ancient Burial Masks. Hungarian burial tradition of eastern origin. – Budapest: Hungarian National Museum, 2013. – 72 pp.

Сведения об авторах:

Белавин Андрей Михайлович, д.и.н., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (Пермь, РФ). E-mail: belavin@pspu.ru

Крыласова Наталья Борисовна, д.и.н., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь, РФ). E-mail: n.krylasova@mail.ru

Belavin Andrey M., Doctor of Historical Sciences, Perm State Humanitarian Pedagogical University; Perm Federal Research Centre of the Uralski branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia). E-mail: belavin@pspu.ru

Krylasova Natalia B., Doctor of Historical Sciences, Perm Federal Research Centre of the Uralski branch of the Russian Academy of Sciences; Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russia). E-mail: n.krylasova@mail.ru

Рис.1. Рождественский могильник. Погребение № 2106: 1 – погребальная маска серебряная; 2–5 – привески бронзовые гирьковидные.

Рис.2. Рождественский могильник. Погребение № 325: маска серебряная

Рис.3. Рождественский могильник. Погребение № 342: 1–2 – подвески височные серебряные, 3 – маска серебряная со следами позолоты, 4 – пронизки бронзовые, 5 – фр. ножа железного, 6 – браслет бронзовый, 7 – монета серебряная.

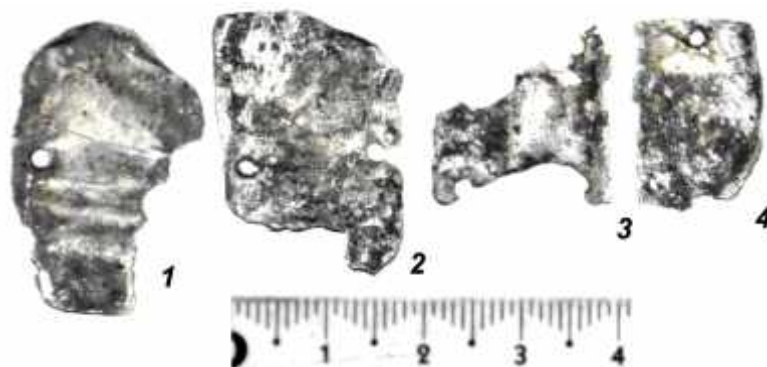

Рис.4. Рождественский могильник. Погребение № 352: серебряные пластины (детали лицевого погребального покрытия?)

УДК 902

DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-84-90

Боталов С.Г.¹, Таиров А.Д.¹, Грудочко И.В.¹, Газизова С.Р.¹, Парунин А.В.²
АКТЮБА – НОВЫЙ МАДЬЯРСКИЙ КОМПЛЕКС В ЮЖНОМ
ЗАУРАЛЬЕ*

¹ Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, РФ

² Общественный фонд «Южный Урал», Челябинск, РФ

В сообщении публикуются первые результаты археологических исследований нового памятника мадьярского времени, получившего название Актюба. В настоящее время площадка памятника распахана, однако в результате рекогносцировочных раскопок неожиданно удалось исследовать богатый комплекс начала X в. Это остатки погребения с седельным набором, включающим фрагмент седла, стремя и накладные бляшки различной формы. Судя по аналогиям данный предметный комплекс соответствует материальной культуре Карпатской котловины времен Обретения Родины самого конца IX – начала X в. И свидетельствует о тесных связях Зауральского и Карпатского населения в это время.

Ключевые слова: Южное Зауралье, могильник, средневековые, мадьяры, седло, накладные бляхи.

Botalov S.G.¹, Tairov A.D.¹, Grudochko I.V.¹, Gazizova S.R.¹, Parunin A.V.²
AKTJUBA – A NEW MAGYAR COMPLEX IN THE SOUTHERN TRANS-URALS

¹ South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

² Public Foundation «South Ural», Chelyabinsk, Russia

The report publishes the first results of archaeological research of a new monument of the Magyar period, called Aktjuba. Currently, the site of the monument has been plowed, but as a result of reconnaissance excavations, it was unexpectedly possible to explore the rich complex of the beginning of the X century. These are the remains of a burial with a saddle set, including a fragment of a saddle, a stirrup and patch plaques of various shapes. Judging by the analogies, this subject complex corresponds to the material culture of the Carpathian basin of the time of the Acquisition of the Motherland at the very end of the IX – beginning of the X century and it testifies to the close ties of the Trans-Ural and Carpathian populations at this time.

Keywords: Southern Trans-Urals, burial ground, Middle Ages, Magyars, saddle, plaques.

Осенью 2021 г. в Южном Зауралье были проведены рекогносцировочные раскопки, в результате которых открыт новый могильник с уникальным комплексом «мадьярского» времени. Данное место располагается на возвышенности, именуемое «Гора Совиная», в 0,8–0,9 км от озера Актюбинское, на границе Красноармейского и Кунашакского районов Челябинской области. Еще в 1970 г. школьный учитель и краевед В.К. Егоров зафиксировал здесь несколько курганных насыпей, однако в настоящее время площадка памятника распахивается, поэтому никаких наземных сооружений не сохранилось. В 2019 г. совместно с краеведами Красноармейского района В.В. Гирником и А.А. Пестриковым²⁰ был проведен осмотр и намечены планы на археологическое исследование данной площадки. А в конце сентября 2021 г. после неожиданных находок средневековых уздечных украшений на пашне, было принято решение провести локальные археологические раскопки. В настоящее время на

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-49-740011.

²⁰ Авторы выражают глубокую благодарность В.В. Гирнику и А.А. Пестрикову за сообщение и архивную информацию по истории открытия этого памятника.

вершине возведена насыпь с фундаментом будущей часовни и идет строительство овощехранилища (рис. 1)

Практически вся поверхность перед началом археологических работ была насыщена ярко-оранжевой обожженной почвой. Как показали раскопки, этот слой оказался довольно мощным – 0,1–0,2 м. Остатки погребения залегали почти в центре раскопа 1 на глубине 0,35 м. Обнаруженный комплект предметов был покрыт слоем дерева (остатки гроба?), после расчистки которого обнаружены *остатки седла и ремней*, украшенные накладными бляшками (рис. 2). Здесь же найден единственный фрагмент кости человека. Судя по всему, большая часть могильной камеры и фрагмент седла были разрушены в результате распахки, о чем свидетельствуют аналогичные находки в раскопе 2 (в 6 м к северу). Вероятнее всего, изначально седло вместе со сложенными ремнями было уложено в могильной камере в ногах погребенного. Мы можем предположить ориентировку погребенного по направлению волокон дерева и фрагмента длинной кости – СЗ–ЮВ, головой на СЗ.

Предметный комплекс включает бляшки различной формы, выполненные из сплавов благородного и цветного металлов, металлические пластины, декоративные гвоздики, стремя. В настоящее время большая часть предметов находится на реставрации, а материалы исследований еще на стадии обработки. Поэтому ниже приведем описание наиболее значимых предметов.

Наконечник ремня (1 экз.) (рис. 3/1) прямоугольной формы со скругленным носиком. В сечении имеет рельефную фигуру (подтрапецевидную) с толщиной стенок 0,5–0,8 мм. Бордюр оформлен звеньевым орнаментом в виде чередующихся овалов и кружков, в каждый овал вписано 4 жемчужины. В центре – полусферический выступ, обрамленный цепочкой из 13 жемчужин, от которых отходит три широких лепестка, из которых наиболее крупный – в сторону носика. В каждый лепесток вписан рисунок в виде симметричных завитков. Пространство лицевой поверхности между лепестками позолочено.

Округлые бляхи с петельчатым выступом (15 экз.) (рис. 3/2) имеют аналогичное стилистическое оформление, что и предыдущая находка, вплоть до количества жемчужин округлой цепочки в центре. В сечении имеет выпуклую фигуру с выраженными бортиками, с толщиной стенок около 0,8 мм. Поверхность между лепестками позолочена.

Распределитель ремня (2 экз.) (рис. 3/4) представляет собой цельнолитую композицию в виде округлой бляшки с сердцевидными выступами, соединенными дуговидными дужками. Центральная часть по своему оформлению и профилю полностью аналогична предыдущей бляшке (рис. 3/2). На обратной стороне прикреплена медная фиксирующая пластина, повторяющая абрис всей бляшки. К ремням, отходящие через дужки, были прикреплены вытянутые дуговидные бляшки (рис. 3/а, б) с рельефным орнаментом (стилизованные изображение рыб – ?).

Округлые бляхи (2 экз.) (рис. 3/3). В сечении имеют выпуклую форму с толщиной стенок 0,3–0,4 мм. Бордюр оформлен в виде чередующихся овалов и кружков. Полусферический выступ в центре окружен цепочкой из 12 жемчужин, от которых отходит 4 широких лепестка. На лицевой поверхности между лепестками видны следы позолоты. Первоначальные шпильки, расположенные около вершин лепестков, утрачены или спилены. По-видимому, бляшка подвергалась ремонту.

Округлая бляха (1 экз.) (рис. 3/5). В сечении представляет собой выпуклую фигуру с толщиной стенок 0,2–0,3 мм. Бордюр лицевой поверхности представлял собой звеньевой орнамент в виде чередующихся овалов и кружков. Центральный рисунок выполнен в виде полусферического выступа и 4 треугольных лепестков, образованных перевязанными друг с другом стеблями. Между лепестками у основания помещено по жемчужине. Элементы крепления утрачены.

Округлые бляшки (13 экз.) (рис. 3/7). Сечение изделия в виде выпуклой фигуры с толщиной стенок 0,2–0,3 мм. Край бляшки обрамлен цепочкой из овалов и завитков различного размера. Исполнение центральной композиции стилистически очень близко и почти аналогично крупной бляшке (рис. 3/5).

Наконечник ремня (1 экз.) (рис. 3/8) прямоугольной формы со скругленным носиком. Выполнен из тонкого листа, толщиной 0,2–0,3 мм, бортики слабо не выражены. Бордюр в виде чередующихся овалов и кружков. Центральный рисунок представляет собой симметричную композицию из переплетённых стеблей и бутонов, направленных к углам.

Щиток пряжки (1 экз.) (рис. 3/9) прямоугольной формы с основанием в виде фигурной скобки и выступами для шарнирного крепления рамки пряжки, которая была утрачена. Сечение трапецевидное со слегка выгнутой длинной стороной. Лицевая поверхность украшена рельефным растительным симметричным орнаментом в виде стеблей, лепестков и виноградин (?). На обратной стороне 5 шпеньков. Вероятно, данный предмет не относился к комплекту седельного набора.

Бляшка (6 экз.) (рис. 3/10) сердцевидной формы со сквозным округлым отверстием в основании. В сечении имеет слегка выгнутую форму с хорошо выраженными бортиками, толщина стенок 0,5–1 мм. Рельефный рисунок представляет собой растительный мотив в виде изогнутых стеблей и виноградин (?), по краю абриса проходит валик. На лицевой стороне остатки позолоты. На обратной стороне 3 шпенька с медными шайбами.

Бляшка (1 экз.) (рис. 3/11) порталной формы со сквозным сегментовидным отверстием в основании. Сечение образует трапецевидную фигуру со слегка выгнутой длинной стороной и выраженными бортиками. Поле лицевой поверхности занято рельефным растительным рисунком и валиком по краю.

Бляшка (1 экз.) (рис. 3/12) порталной формы. Стилистически очень близка предыдущей (рис. 3/11) при том, что здесь отсутствует отверстие. Центральный растительный рисунок имеет симметричную композицию в виде изогнутых стеблей, бутонов и виноградных гроздей (?).

Наконечник ремня (1 экз.) (рис. 3/6) прямоугольной формы со скругленным носиком и фигурным основанием. Бортики не выражены, поверхность гладкая. На обратной стороне 2 шпенька.

К седлу относились фрагмент передней (?) луки и стремя. Наиболее крупный сохранившийся фрагмент луки (рис. 4/1), где следы более светлых оттенков и отверстий позволяют предположить, что деревянная основа была обтянута кожей, обита металлическими пластинами и гвоздиками с полусферической шляпкой. *Стремя* восьмерковидное, сросткинского типа (рис. 4/2). Общая высота – 17 см, максимальная ширина 16,5 см.

Описанный комплекс включает две группы предметов. *Первую* составляют украшения в «венгерском» стиле (рис. 3/1–5, 7, 8), объединяющим признаком которых является звеньевой орнамент по бордюру лицевой поверхности. Особенно примечательны наконечник ремня и бляшки (рис. 3/1, 2, 4), имеющие разительное сходство с находками из Карпатской котловины начала X в. Нове Замки, Гадорош, Тёртеля [Комар, 2018, с. 412, 414, рис. 96/1, 13, 14, 16; 98/1–6, 10]. Тот же стиль прослеживается в находках из территориально близкого могильника Уелги [Грудочко, Боталов, 2013, с. 131, рис. 22/2, 7–10]. Бляшка с четырьмя лепестками (рис. 3/3) является подражанием первых трех, о чем свидетельствует более грубый вид и штампованная техника изготовления. Из этой же группы выделяются четырехлепестковые бляхи (рис. 3/5, 7), аналогией которым являются находки близ с. Шушваловка (Полтавская область, Украина), относящиеся к ареалу субботцевских памятников [Супруненко, 2007, с. 83, рис. 110].

Вторая группа включает предметы в сrostкинском (алтайском) стиле (рис. 3/9–12), для которых характерна растительная орнаментация лицевой поверхности в виде завитков стеблей, цветочных бутонов и виноградин, а также сердцевидные в форме накладки [Могильников, 2002, с. 345, 346, 349, 351, 352–354; Арсланова, 2013, с. 74–79, 83]. Следует отметить, что сочетание «венгерского» и алтайского компонентов прослеживается и в уже упомянутом могильнике Уелги. Однако характер этого взаимодействия пока не ясен.

В целом, приведенный комплекс показывает близость материальной культуры уже известных памятников IX–X вв. в Зауралье – Граултры, Синеглазово, Уелги. Обсуждая значение описанных находок следует заметить, что во вновь открытом памятнике Актюба впервые был археологически зафиксирован «венгерский» комплекс предметов, имеющий аналогии в карпатских материалах. А.В. Комар, анализируя отдельные находки из могильника Уелги, констатировал наличие «прямого канала связей» между Венгрией и Зауральем [Комар, 2018, с. 196]. Можно предполагать и возвращение отдельной группы (или групп) западного населения уже после «Обретения Родины», в начале X века. По крайней мере, это наиболее логично объясняет археологический контекст вновь появившихся материалов, поскольку в Зауралье отсутствуют более ранние вещи данной стилистической линии (рис. 3/1, 2, 4). Таким образом, предпочтительной датой комплекса Актюба, вероятно, следует считать первую половину X века.

Библиографический список:

1. Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Материалы и исследования по археологии Казахстана. – Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. – Том 3. – 405 с.
2. Грудочко И.В., Боталов С.Г. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье в VIII – XI веках (в свете новых данных исследований погребального комплекса Уелги) // II-й Международный Мадьярский симпозиум: сборник научных трудов / Отв. ред.: Боталов С.Г., Иванова Н.О. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 110–138
3. Комар А.В. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции (A korai magyarok vándorlásának történeti és régészeti emlékei) / Ред.: Türk, A. Budai, D. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 11. Magyar Őstörténeti Támacsoport Kiadványok 5. – Budapest: Martin Opitz, 2018. – 427 с.
4. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX – XI веках. – М.: Наука, 2002. – 362 с.
5. Супруненко О.Б. Курган з угорским некрополем у пониззі Псла: Наукове видання / О.Б. Супруненко, І.М. Кулатова, С.В. Маєвська, В.В. Шерстюк. – Київ-Полтава: Видво ПП «Друкарня «Гротеск», ВЦ «Археологія», 2007. – 108 с.

Сведения об авторах:

Боталов Сергей Геннадьевич, д. и. н., ведущий научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (г. Челябинск). E-mail: grig@csc.ac.ru

Таиров Александр Дмитриевич, д. и. н., Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: tairov55@mail.ru

Грудочко Иван Валерьевич, к. и. н., научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (г. Челябинск). E-mail: grudochkoivan@mail.ru

Газизова Суфия Ринатовна, лаборант, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (г. Челябинск). E-mail: sufiy-g@yandex.ru

Парунин Алексей Владимирович, научный сотрудник, «Общественный фонд «Южный Урал» (г. Челябинск). E-mail: therion12399@gmail.com

Botalov Sergey G., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk). E-mail: grig@csc.ac.ru

Tairov Alexander D., Doctor of Historical Sciences, South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk). E-mail: tairov55@mail.ru

Grudochko Ivan V., Candidate of Historical Sciences, Researcher, South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk). E-mail: grudochkoivan@mail.ru

Gazizova Sufiya R., Laboratory assistant, South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk). E-mail: sufiy-g@yandex.ru

Parunin Alexey V., Researcher, "South Ural Public Foundation" (Chelyabinsk). E-mail: therion12399@gmail.com

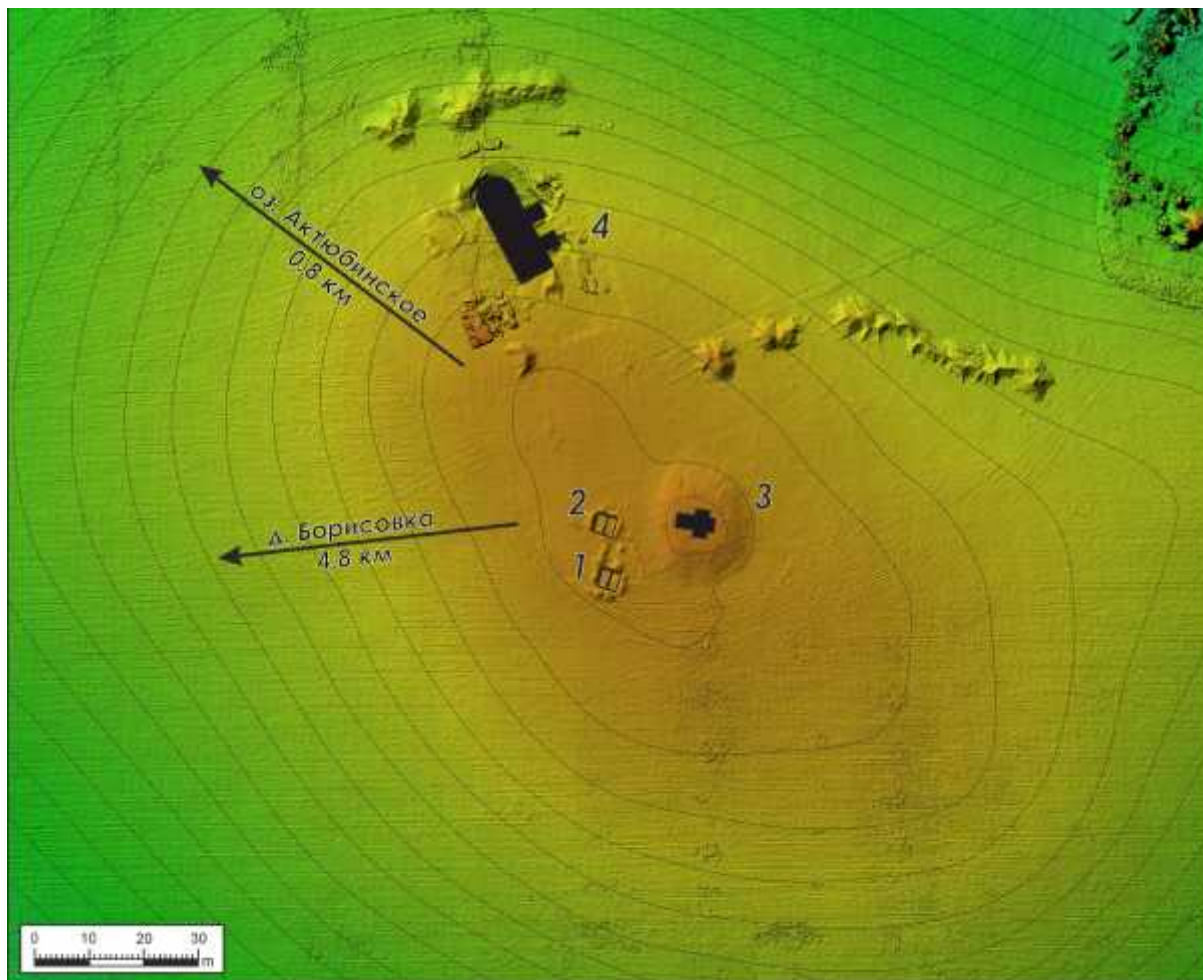

Рис. 1. План вершины могильника Актюба.

- 1 – раскоп 1; 2 – раскоп 2; 3 – искусственная насыпь с фундаментом часовни;
4 – строящееся овощехранилище

Рис. 2. Общий вид остатков седла in situ из раскопа 1

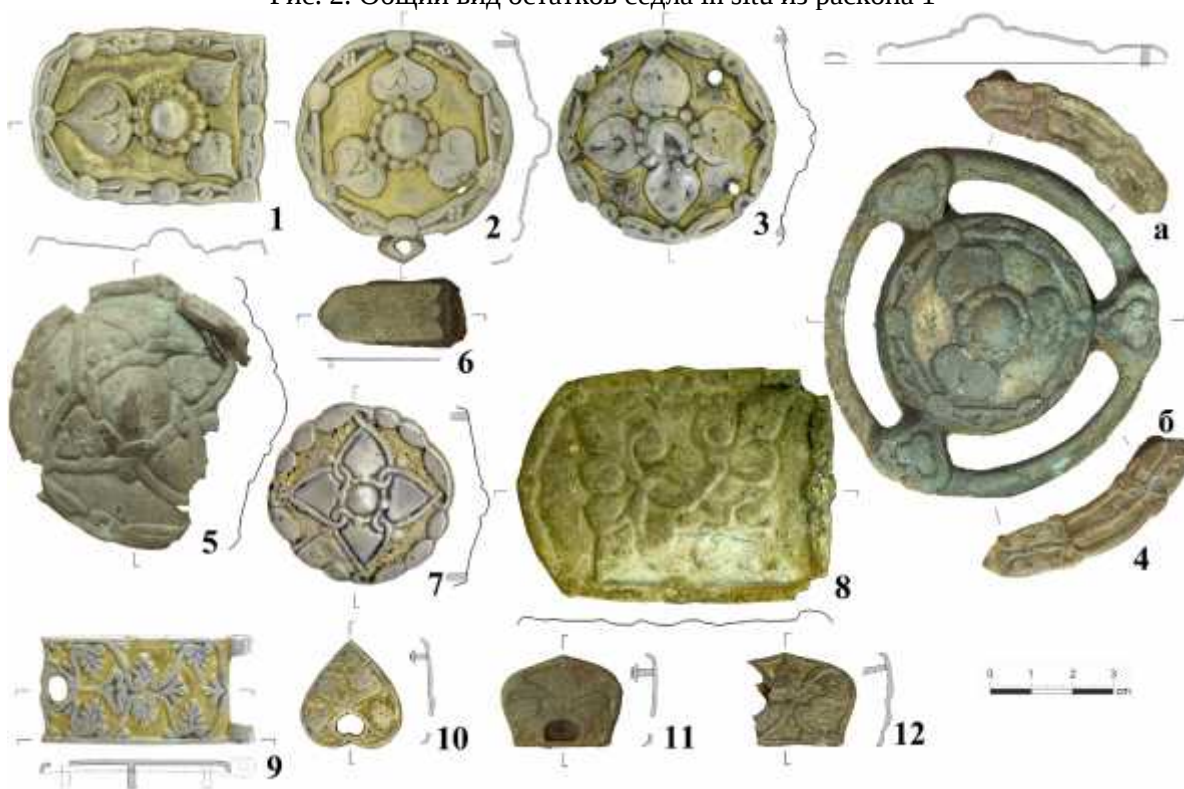

Рис. 3. Предметы ременной гарнитуры из раскопа 1.

1, 6, 8 – наконечники ремней; 4 – распределитель ремня; 9 – щиток пряжки;
2, 3, 5, 7, 10–12 – накладные бляхи

Рис. 4. Принадлежности седельного снаряжения из раскопа 1.
1 – лука седла; 2 – стремя

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-КАМЬЯ

УДК 902

DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-92-102

Смертин А.Р.**ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПЕРМСКОГО
ПРЕДУРАЛЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ***

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, РФ

В работе представлена классификация деревообрабатывающих инструментов со средневековых памятников Пермского Предуралья. Полученные результаты позволяют реконструировать особенности деревообработки и эволюции инструментов по облику и применению. В работе рассмотрено 606 инструментов разных групп по функциональности, происходящих с 58 археологических памятников и местонахождений. Инструментам найдены аналогии с широкого круга соседних территорий и установлена их ориентировочная датировка. Полученные результаты позволяют выделить рубеж перехода деревообработки от производства к ремеслу в XI в. с появлением института мастеров, узкоспециализированных инструментов и их новых типов.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, средневековье, деревообработка, инструменты, хозяйство, топор, тесло, долото, резец, стамеска, наструг, нож, резец, сверло, черта.

Smertin A.R.**WOODWORKING TOOLS OF THE PERM PRE-URALS IN THE MEDIEVAL
PERIOD**

Perm State National Research University, Perm, Russia

The classification of woodworking tools from medieval sites of the Perm Pre-Urals is presented in the work. The results of the work allow us to reconstruct the features of woodworking and the evolution, application of tools. The paper considers a total of 606 tools of different groups in terms of functionality, originating from 58 archaeological sites and locations. The artifacts were matched with analogies from a wide range of neighboring territories and their approximate dating was established. The results obtained allow us to distinguish the transition of woodworking from primitive production to professional craft around the XI century. At this time, the institute of craftsmen, highly specialized tools and their new types are distinguished.

Keywords: Perm Pre-Urals, medieval period, woodworking, tools, household, axe, adze, chisel, blade, plane, drill bit, scribe.

Расположение Пермского Предуралья в лесной полосе во многом определяло местное хозяйство. Дерево произрастало повсеместно и было доступным сырьем. В культурных слоях Пермского Предуралья дерево практически не сохраняется, поэтому основным источником изучения деревообработки является инструментарий.

Все деревообрабатывающие инструменты можно поделить на отделы: рубящие, режущие, вспомогательные [Сингх, 2009а, с.57].

Для классификации была разработана простая структура, так как узкие отличия инструментов не всегда отражают различия в применении. Таксоны классификации делятся на 5 уровней: отдел–группа–подгруппа–тип–подтип. Отделы делят инструменты по операциям, группы по назначению, подгруппы определяют способ насада и способ работы, типы характеризуют функциональные и морфологические особенности, а подтипы более глубокую дифференциацию в рамках типа. В основу классификации заложен принцип функциональности предмета. В исследование вошли 606 инструментов, они подразделяется на 13 групп. В производственный арсенал входили и другие приспособления: деревянные клинья, чекмари, железные крепежи.

* Настоящее исследование было выполнено в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете в рамках подготовки ВКР

Отдел А – рубящие инструменты**Группа I – ТОПОРЫ (223 экз.)**

Топор – основной инструмент деревообработки. Топор универсален не только по применению в бою или производствах, но и в деревообработке. Полифункциональность топора позволяет зачастую обходиться без других инструментов.

Большинство топоров можно назвать универсальными, так как в вынужденных ситуациях любой топор мог применяться как в бою, так и в производствах.

Исключительно боевыми топорами можно назвать чеканы, узколезвийные топоры без щековиц, бородовидные топоры с оттянутой верхней гранью, клевцы, боевые секиры, двусторонние топоры, которые неэффективны в рубке дерева и не вошли в работу (типы ЖПІ1, ЖПІ3, ЖПІІ1, ЖПІІІ1, ЖПІІІ2 и ЖВІІ1 по А.В. Даничу) [Данич, 2015, с.71].

Нет смысла переписывать уже проведенное исследование, поэтому мы отсылаем читателя на работу А.В. Данича [Данич, 2015, с.71–124], которым произведена систематизация средневековых топоров региона. Здесь же для полноты картины будет приведена несколько переработанная классификационная схема без описаний и аналогий.

Подгруппа 1 – проушные (186 экз.)

Тип 1 – узколезвийные с щековицами (93 экз.) (рис.1/1).

Тип 2 – широколезвийные секиры (29 экз.)

Подтип 1 – Секиры с широким симметрично расходящимся лезвием и небольшим обухом (15 экз.) (рис.1/2).

Подтип 2 – Секиры с широким симметрично расходящимся лезвием и массивным обухом (14 экз.) (рис.1/3).

Тип 3 – бородовидные (64 экз.) (рис.1/8).

Подгруппа 2 – втульчатые (37 экз.)

Тип 1 – кельты (37 экз.) (рис.1/9).

Группа II – ТЕСЛА (39 экз.)

Тесло – разновидность топора с развернутым лезвием. Теслом выполнять долбление объёмов и выемов в дереве было более эффективно.

Выделение тесла, как инструмента деревообработки, весьма неоднозначно. Некоторые исследователи относят тесла к оружию [Илюшин, 2017, с.146–147]. Также тесло сложно отличать от мотыг. На основе анализа погребальных комплексов, А.Н. Сарапулов относит такие орудия к сельскохозяйственным [Сарапулов, 2015, с. 49]. На использовании мотыг в плотничестве настаивает Г.Н. Белорыбкин [Белорыбкин, 2003, с.47]. По нашему мнению, так как обработка земли производилась в летний период, а обработка древесины чаще в зимний, то назначение одного орудия могло меняться по сезону. Летом для вспашки заточка была не нужна, а перед зимой тесло могло быть заточено и применяться в деревообработке.

Отделение тёсел и мотыг может производиться и на основании длины лезвия: для обработки земли важно погружать мотыгу на определенную глубину, когда при деревообработке это не требуется. Разделение инструментов по степени наклона предлагает В.К. Сингх, по мнению которого острый угол наклона лезвия к рукоятке присущи тёслам, а прямой угол – мотыгам [Сингх, 2009а, с.62]. Поэтому орудия с длинными лезвиями с большей вероятностью могут быть мотыгами, а небольшие орудия с короткими и дугообразными лезвиями – тёслами. Нами не исключается универсальность данного орудия, поэтому в исследование попали все известные нам изделия.

Подгруппа 1 – проушные (6 экз.)

Тип 1 – тёсла с перпендикулярным лезвием (5 экз.) (рис.1/10). Такие тёсла достигали 19 см в длину и применялись для тески брёвен и выдалбливания больших кусков дерева. Найдены на Рождественском, Устин II городище, на верхней Каме.

Подобные тёсла найдены в слоях XII–XIV вв. в Древней Руси [Сингх, 2009а, с.62–63; Колчин, 1985, табл.98/3–4,10], в Волжской Булгарии [Культура Биляра, 1985, табл.17/7; Семькин, 1996, рис.49/36; Казаков, 1996, рис.31/1–2], на вымской земле XII–XIV вв. [Савельева, 2014, рис. 32/3].

Тип 2 – тёсла с прямым лезвием (1 экз.) (рис.1/12). Тесло имеет осевую изогнутость и длину 8 см, найдено на Рождественское городище. Возможно, оно было изогнуто «под руку» мастера для фронтальных ударов.

Подгруппа 2 – втульчатые (31 экз.)

Тип 1 – небольшие тёсла с втоком (1 экз.) (рис.1/45). Тесло длиной 9 см найдено на Троицком городище и предназначалось для мелкой работы.

Тип 2 – тёсла фигурные (6 экз.) (рис.1/5). Такие тесла имеют изогнутую основу и дугообразное лезвие. Они крепились на коленообразной рукояти. Такими тёслами делались пазы и проходы в древесине [Сингх, 2009а, с.63]. Найдены на Рождественском (п.249, 257), Плёсинском (п.16), Огурдинском (п.152) могильнике, Абрамовском, Чашкинском II селище.

Подобные тёсла найдены в слоях X–XV вв. в Новгороде [Сингх, 2009а, с.63–64]; в Волжской Булгарии в слоях VIII–XIII вв. [Культура Биляра, 1985, табл.17/1–5; Семькин, 1996, рис.49/42; Казаков, 1996, рис.24/4; Белорыбкин, 2001, рис.20/1–2, рис.53/1–4, 6–8], на вымской земле XII–XIV вв. [Савельева и др., 1996, рис.12/1].

Тип 3 – тёсла с прямым лезвием (20 экз.) (рис.1/7, 11). Такие тёсла имеют прямые трубицу и рабочую часть. Они насаживались на прямую рукоять, и ими можно было выполнять как рубку и долбление, так и строгание [Сингх, 2009а, с.64]. Такие тёсла могли быть мотыгами. Найдены на Плёсинском (п.5, 19), Рождественском (п.1796, 242, 259, м/п), Редикорском (п.11), Степаново Плотбище (п/м), Аверинском I (п.121), Агафоновском II (п.12, 264), Верх-Саинском (м/п) могильнике, Рождественском, Саламатово I, Лобач городище, Телячий Брод, Бартымском I селище.

Подобные тёсла найдены в слоях XI, XIV–XV вв. в Новгороде [Сингх, 2009а, с.64]; в Волжской Булгарии в слоях VIII–XIII вв. [Белорыбкин, 2001, рис.20/1–2, рис.53/5, 9–10; Культура Биляра, 1985, табл.18/1–4; Казаков, 1996, рис.24/1–3, 7, 9–10]; в Удмуртии IX–XIII вв. [Иванова, 1998, рис.36/2–4; Иванова, 1982, рис.8/4; Иванова, 1987, рис.3/2]; на вымской земле XII–XIV вв. [Савельева, 2016, рис.4/2, рис.4/5; Савельева, 1973, табл.13/7, табл.29/2]; в Западной Сибири IX–XII вв. [Зыков, 2012, рис.69/2; Зыков, 2008, рис.12–15].

Подгруппа 3 – черешковые (2 экз.)

Тип 1 – тёсла с перпендикулярным лезвием (1 экз.) (рис.1/4). Тесло представляет собой небольшую основу, вставлявшуюся в рукоять и развёрнутое лопастное лезвие, найдено на Деменковском могильнике (п.65).

Подобные тёсла найдены на вымской земле XII–XIV вв. [Савельева и др., 1997, рис. 16/2].

Тип 2 – тёсла с прямым лезвием (1 экз.) (рис.1/6). Черешок такого тесла вставлялся в рукоять до небольшого упора в средней части инструмента. Найдено на Запоселье селище (жил.3).

Группа III – ДОЛОТА (27 экз.)

Долото – стержневидный инструмент с ударной площадкой для долбления выемов и пазов в древесине. По долоту могли ударять обухом топора, молотом, чекмарём [Сингх, 2009а, с.65].

Долото можно принять за зубило, однако первое имеет большую длину и меньший угол заточки. В качестве долот применялись и универсальные шилья.

Тип 1 – плоские (18 экз.) (рис.1/24–25, 27). Плоские долота имеют размеры 3,5–23 см. Они представлены округлым стержнем с бойком и уплощенной острой рабочей частью. Такие долота применялись для грубой работы, выдалбливания больших объёмов древесины из углублений и с краев изделия. Найдены на Верх-Саинском I,

Лобач, Саламатово I, Корнинском, Рождественском городище, Запосельском селище, Запосельском (п.1), Деменковском (п.158а), Огурдинском (м/п), Плёсинском (п.12, 33), Плотниковском (п.128), Рождественском (п.193, м/п), Степаново Плотбище (п/м), Агафоновском II (п.265), Антыбарском (п.124а) могильнике.

Аналогичные долота найдены в слоях X–XV вв. в Древней Руси [Сингх, 2009а, с.65; Колчин, 1959, с.34; Колчин, 1985, табл.99/23]; в слоях XI–XII вв. на Золотарёвском поселении [Белорыбкин, 2001, рис.54/3-9]; на вымской земле XII–XIV в. [Савельева, 2010, рис.149/5; Савельева и др., 1997, рис. 12/10]; в Удмуртии IX–XIII вв. [Иванова, 1998, рис.36/10].

Тип 2 – шиповые (9 экз.) (рис.1/28). Долота такого типа составляют длину 9–15 см, имеют зазубренную форму. Они использовались для долбления углублений. Найдены на Рождественском городище, Рождественском (п.139, 202, м/п), Агафоновском II (п.226) могильнике.

Отдел В – режущие инструменты

Группа IV – НОЖИ ДЛЯ ДЕРЕВООБРАБОТКИ (61 экз.)

Деревообрабатывающий нож – специализированный инструмент для мелкой резьбовой работы. Длины ножей распределяются в диапазоне 6,5–22 см.

Тип 1 – ножи изогнутые (дугообразные) (42 экз.) (рис.1/13–14). Ножи имеют сильный наклон лезвия, конец которого находится ниже продольной оси черешка. Найдены на Чашкинском II, Запоселье, Телячий Брод селище, Шудьякар, Рождественском, Городищенском, Саламатово I, Петуховском, Роданово, Анюшкар городище, Степаново Плотбище (п/м), Рождественском (п.212), Верх-Саинском (п.52/2, к.52/2), Огурдинском (п/м), Антыбарском (п.33-34), Плотниковском (п.13, 57, 74, 76, 77, м/п, 92, 110, 126) могильнике.

Подобные ножи встречены в Волжской Болгарии в слоях X–XIV вв. [Культура Биляра, 1985, табл.24; Савченкова, 1996, рис.10/9–13; Казаков, 1996, рис.30/32–34], в Удмуртии X–XII вв. [Иванова, 1987, рис.6/3]; на вымской земле XII–XIV вв. [Савельева, 2010, с.215,241; Савельева, 2014, с.104,109]; в Древней Руси [Колчин, 1985, рис.37/А]; в Западной Сибири XI–XVI вв. [Зыков, 2008, с.91].

Тип 2 – с резким переходом от черешка к лезвию (19 экз.) (рис.1/15). Такие ножи имеют высоко расположенное от черешка лезвие с резким переходом. Найдены на Саламатово I, Искор, Анюшкар городище, Телячий Брод селище, Антыбарском (п.126), Плотниковском (п.35, 70, 140) могильнике.

Аналогичные ножи найдены на вымской земле XII–XIV вв. [Савельева, 2014, с.105–106].

Группа V – Инструменты для строгания (Наструги) (104 экз.)

Наструг – это составное орудие, представляющее собой скобу с лезвием. Наструг закреплялся в деревянной колодке клином, благодаря чему можно было регулировать нажим.

В Пермском Предуралье не найдено родственных для наструга инструментов – более массивных скобелей и стругов. Их функционал мог распределяться между топором, теслом и настругом.

Тип 1 – наструги П-образной формы (104 экз.) (рис.1/46). Размер настругов 4–9 см. Найдены на Анюшкар, Искор, Роданово, Рождественском, Шудьякар, Саламатово I городище, Чашкинском II селище, Огурдинском (м/п, п.101), Плёсинском (п.5, 16, 19, 33), Редикорском (п.9), Аверинском I (п.65, 111, 120, 157, 171, 202, 218, 300, 319, 332, 346, 379, 385, 436), Щукинском (п.47, 70), Агафоновском II (п.2-3, 9, 12, 22, 25, 56, 78, 81, 85-86, 157, 204, 235, 255, 265, 270, 279, 293, 295, 309, 376, 379, 389, 390, 395), Деменковском (п. 65), Каневском (п.35), Степаново-Плотбище (п/м), Рождественском (п. 234а, 242, 249, 250, 257, 259, 264б, 326, 355, 404, м/п), Плотниковском (п.23, 29, 37, 71, 73, 76, 102, 118, 129, 154, м/п) могильнике.

Наструги широко распространены в Древней Руси в слоях XIII в. [Колчин, 1985, с.257]; в Волжской Булгарии XIV в. [Семыкин, 1996, рис.50]; на вымской земле XII–XIV вв. [Савельева, 2014, с.12; Савельева, 2010, с.77; Савельева и др., 1997, рис.16/9; Савельева, 2016, рис.4/2, рис.9/10]; в Удмуртии X–XIII вв. [Иванова, 1982, рис.8/5; Иванова, 1987, рис.3/6; Иванова, 1998, рис.35/8]; в Западной Сибири в слоях VI–XVI вв. [Зыков, рис.8/1015,1296].

Группа VI – РУБАНКИ (1 экз.)

На территории Пермского Предуралья не встречены традиционные рубанки, но найден рубанок для стрел.

Тип 1 – оцилиндровочный рубанок (1 экз.) (рис.1/26). Инструмент изготовлен из рога, представлен прямоугольной пластиной длиной 5 см, полукруглой в сечении со сквозным поперечным пазом. В выемку складывалось древко, а в паз вставлялся нож. Найден на Рождественском городище.

Подобные рубанки найдены в Западной Сибири в слоях XII–XVIII вв. [Батуева и др., 2017, с.97].

Группа VII – РЕЗЦЫ (84 экз.)

Резцы – режущие инструменты, предназначенные для обработки деталей различных форм, применялись при строгальных, токарных работах.

Подгруппа 1 – ручные (78 экз.)

Тип 1 – ложкарные (61 экз.) (рис.1/16–17). Инструмент представлен стержнем длиной 7-15 см с закругленным лезвием, заточенным на одну или обе стороны, предназначен для выборки внутренних объемов изделий. Найдены на Анюшкар, Рождественском, Кудымкар, Рачёво, Верх-Саинском I городище, Усть-Туйском костище, Бурдаковском II (п/м), Огурдинском (м/п), Плёсинском (п.5, 12, 16, 19, 33), Редикорском (п.9), Степаново Плотбище (п/м), Мало-Аниковском, Аверинском I (п.65, 121, 222г, 301, 319, 346, 367, 385, 403, 414, 425), Аверинском II (п.66), Агафоновском II (п.3, 9, 22, 27, 50, 73, 78, 139, 150, 181, 235, 309, 376), Шукинском (п.42), Рождественском (п.120, 128, 216, 264б, 280, 322), Плотниковском (п.15) могильнике.

Аналогичные резцы найдены в слоях X–XV вв. в Древней Руси [Сингх, 2009а, с.71; Колчин, 1985, табл.100/10]; в слоях XI–XII в. на Золоторёвском поселении [Белорыбкин, 2001, рис.20/4]; на вымской земле XII–XIV вв. [Савельева, 2014, рис.27/5; Савельева, 2010, с.77; Савельева, 1997, рис.3/7]; в Удмуртии IX–XIII вв. [Иванова, 2003, с.48]; в Примокшанье [Белорыбкин, 2003, с.48]; в Западной Сибири XIV–XVI вв. [Зыков, 2008, с.79].

Тип 2 – клюкарзы (5 экз.) (рис.1/21, 42). Такие резцы составляют 6-12 см в длину, имеют изогнутое полотно с короткой режущей частью на конце. Они применялись для резьбы и выемки древесины в труднодоступных местах. Найдены на Плотниковском (м/п), Рождественском (п.397) могильнике.

Аналогичные клюкарзы найдены в слоях XI–XII в. в Новгороде [Сингх, 2009а, с.72].

Тип 3 – пазники (4 экз.) (рис.1/20). Они имеют длину 6–11 см, представляют собой вытянутые треугольные пластины с коленчатым и П-образным изгибом на разных сторонах. Этот инструмент мог применяться для выемки пазов [Крыласова и др., 2015, с.18-19]. Найдены на Рождественском могильнике (п.234а), Рождественском городище.

Аналогии пазников прослеживаются в период позднее XVI в.

Тип 4 – фигурные (8 экз.) (рис.1/22–23). Данную категорию составляют резцы с разнообразной формой лезвия. Найдены на Анюшкар, Рождественском, Корнинском, Верх-Саинском I городище.

Подгруппа 2 – токарные (6 экз.)

Тип 1 – резцы с небольшим лезвием и особой формой черешка (6 экз.) (рис.1/18–19, 36, 41). Резцы имеют расплюснутую, подквадратную с крючком или уступом

черешковую часть длиной 4–9 см. Доподлинно неизвестно, какого типа токарные станки были распространены в Пермском Предуралье, однако резцы могли закрепляться как в рукояти (если заготовка закреплена в станке), так и в ходовой части станка (для продвижения заготовки надвигающийся резец). Найдены на Лобач, Рождественском, Гаевском городище.

Подробно токарный станок описал В.А. Оборин, и определил его появление на памятниках Пермского Предуралья позднее XII в. [Оборин, 1957, с.335–337]. По Б.А. Колчину, в качестве токарных резцов выступали резцы-ложкари больших размеров (тип 1) [Колчин, 1959, с.39].

Группа VIII – СТАМЕСКИ (30 экз.)

Стамеска – ручной режущий инструмент, используемый для выборки небольших углублений в древесине, зачистки пазов, снятия фасок [Сингх, 2009а, с.72].

Тип 1 – прямые с расходящимся лезвием (23 экз. Рис. 23) (рис.1/29–30, 37). Представляют собой расходящиеся к лезвию пластины длиной 4–10 см и предназначены для тонкого среза древесины. Найдены на Анюшкар, Рождественском, Роданово, Саламатово I, Троицком, Редикорском, Лобач городище, Плёсинском (п.5), Лёкмартово (п/м), Агафоновском II (п.309) могильнике, Калино селище.

Подобные стамески найдены в Новгороде XII в. [Сингх, 2009а, с.72], на вымской земле XII–XIV вв. [Савельева, 2014, с.13; Савельева, 2010, с.77; Савельева и др., 1997, с.23], в Волжской Булгарии X–XV вв. [Савченкова, 1996, с.23; Казаков, 1996, рис.15/11; Культура Биляра, 1985, табл.20/6–7].

Тип 2 – с выемчатым лезвием (7 экз.) (рис.1/31, 38–39). Представляют собой стержневидные орудия с резким переходом в уплощенную выемку. Общая длина изделий 4–11 см. Они предназначены для фигурной резьбы. Подобные стамески легко перепутать со свёрлами 1 и 2 типа, однако они не имеют острого жала и ложки. Найдены на Анюшкар, Рождественском, Саламатово I городище, Степаново Плотбище (п/м), Рождественском (м/п) могильнике.

Группа IX – СВЕРЛА (28 экз.)

Сверло – стержневидное орудие для проделывания округлых отверстий в разных материалах [Сингх, 2009а, с.81]. Проделывание сквозных отверстий могло производиться и раскалёнными прутками (шильями) [Колчин, 1985, с.260].

Каждое сверло состоит из стержня, хвостовика и рабочей части. Длина стержня определяет глубину сверления, рабочая часть предназначена для срезания древесины по окружности [Сингх, 2009, с.81].

Подгруппа 1 – ручные (24 экз.)

Тип 1 – винтовые (спиральные) (1 экз.) (рис.1/40). Сверло найдено на Лобач городище, имеет длину 5,5 см и выглядит как шестигранный стержень с правой спиралью [Голдина и др., 2012, с.37–38].

Похожие спиральные свёрла из Новгорода относятся к X–XV вв. и имеют более крупный шаг витков [Сингх, 2009а, с.257].

Тип 2 – перовидные (13 экз.) (рис.1/34). Такие свёрла наиболее распространены. Общая длина изделий составляет 6–13 см, рабочая часть уплощена и имеет острое жало и слегка загнутые края. Такие сверла имели Т-образную рукоять для удобного вращения. Найдены на Лобач, Анюшкар, Рождественском, Саламатово I, Петуховском городище, Калино, Абрамовском селище, Бурдаковском II, Огурдинском (м/п), Плотниковском (п.23) могильнике.

Аналогичные сверла представлены в материалах Древней Руси X–XV вв. [Колчин, 1985, табл.99/12–16]; в Волжской Булгарии в X–XIV вв. [Казаков, 1996, рис.15/11]; на вымской земле XII–XIV вв. [Савельева, 2014, с.12]; на Иднакаре в слоях IX–XIII вв. [Иванова, 1998, с.109]; в Западной Сибири в X–XV вв. [Зыков, 2008, с.80].

Тип 3 – ложковидные (10 экз.) (рис.1/32–33). Такие свёрла происходят от перовидных. Общая длина изделий составляет 8–15 см. Рабочая часть такого сверла

имеет ложковидную выемку, края заострены, но отсутствует жало, из-за чего сверло не центруется. Такое сверло не приспособлено к выбрасыванию стружки и его приходится периодически вынимать. Найдены на Верх-Саинском I, Анюшкар, Рождественском, Кудымкар, Саламатово I, Гаевском, Корнинском городище, Плотниковском могильнике (п.29).

Аналогии им найдены в Новгороде [Колчин, 1985, табл.99/11]; на вымской земле XII–XIV вв. [Савельева, 2014, с.12; Савельева и др., 1997, рис.12/16], в Западной Сибири IX–XVI вв. [Зыков, 2008, с.79–80].

Подгруппа 2 – с приводом (4 экз.)

Тип 1 – лучковые (4 экз.) (рис.1/35). Общая длина изделий составляет 4–12 см. Такие свёрла использовались для отверстий малого диаметра и ускорения сверления; они отличаются узкой рабочей частью и уплощенным щитком в средней части для закрепления струны лучкового привода. Найдены на Бартымском I селище, Рождественском городище.

Подобные свёрла распространены в Древней Руси в XI–XV вв., но наибольшая часть концентрируется в слоях XII–XIII вв. [Сингх, 2009а, с.83–84]; в Волжской Булгарии X–XIII вв. [Казаков, 1996, рис.15/11].

Группа X – ПИЛЫ (4 экз.)

Пила – инструмент в виде металлического полотна с зубьями для разрезания древесины. Редкие находки представлены небольшими универсальными пилами.

При пилении волокна древесины раскрываются, и изделие быстрее гниет, поэтому пилы не были популярны. В основном разделение древесного массива происходило чистой рубкой топором.

Тип 1 – небольшие универсальные пилы (4 экз.) (рис.1/48). Пилы имели длину 7–17 см и представлены несколькими подтипами: прямые с одной и двумя ручками, дугообразные. Найдены на Рождественском, Анюшкар городище.

По Б.А. Колчину, подобные пилки с одной ручкой из Новгорода относятся к деревообрабатывающим [Колчин, 1985, табл.99/1–4].

Отдел С – вспомогательные инструменты

Группа XI – РАЗМЕТКИ (3 экз.)

Разметка (черта) – инструмент для прочерчивания на поверхности древесины строительной разметки.

Тип 1 – циркульные (каракули) (2 экз.) (рис.1/43). Данные разметки найдены на Рождественском и Троицком городище. Они имеют длину 8,5 и 17,5 см, по форме напоминают циркуль и предназначены для нанесения окружной и продольной разметки бревна и доски при подгонке. Размер регулировался при помощи клина.

Тип 2 – прямые (2 экз.) (рис.1/44). Инструменты достигают 8 см в длину и представляют собой стержень, расходящийся надвое к плоской рабочей части. Чертой отмечали границы на бревне для выборки продольного паза для подгонки. Найдены на Плотниковском могильнике (п. 76, м/п).

Подобные разметки найдены в Новгороде в слоях XI–XV вв., где также распространены разметки с одинарной рабочей частью [Сингх, 2009а, с.73–74].

Группа XII – МОЛОТКИ (1 экз.)

Молоток – ударный инструмент, применяемый для забивания крепёжных элементов. Функцию молотка выполняли чекмари и обух любого топора.

Тип 1 – молоток-гвоздодёр (1 экз.) (рис.1/47). Он состоит из головки длиной 10 см с подпрямоугольным бойком и плоским гвоздодёром на разных концах и из цельнометаллической рукояти длиной 18,5 см. Таким молотком было удобно производить ударные операции и поддевать засевший в древесине крепёж. Найден на Кудымкарском городище.

Подобные молотки были распространены в Новгороде в XIII–XV вв. [Сингх, 2009b, табл.51–53], реже в Болгаре и окрестностях в XIV–XV вв. [Савченкова, 1996,

рис.6/13]. Вероятно, экземпляр с Кудымкарского городища является предметом древнерусского импорта, либо вещью, принесённой в период колонизации.

Заклучим: узкоспециализированные инструменты в средневековые распространяются в VIII в., наибольшее разнообразие инструментов приходится на IX–X вв., что может быть связано с началом выделения отдельных групп мастеров-деревообработчиков, а наиболее полное выделение деревообработки в ремесло могло произойти после XI–XII вв., когда появляется токарный станок и новые группы орудий (рис. 2).

Библиографический список:

1. *Археология Республики Коми* / Э. А. Савельева, В. С. Стоколос, П. Ю. Павлов и др.; Отв. ред. Э. А. Савельева; РАН, УрО, КНЦ, Ин-т яз., лит. и истории, Отд. археологии. – М.: ДиК, 1997. – 756 с.
2. *Белорыбкин Г.Н.* Западное Поволжье в средние века. – Пенза: ПГПУ, 2003. – 199 с.
3. *Белорыбкин Г.Н.* Золотарёвское поселение. – СПб.- Пенза: ПГПУ. 2001. – 198 с.
4. *Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В., Перевозицков С.Е.* Городище Лобач и его окрестности в эпоху средневековья: Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.23. – Ижевск: УдГУ, 2012. – 264 с.
5. *Данич А.В.* Классификация средневековых топоров Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. X. – Пермь: ПГГПУ, 2015. – С. 71–124
6. *Зыков А.П.* Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековые и новое время. – Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2012. – 232 с.
7. *Зыков А.П.* Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири во II–XVII веках / Дис. ... канд. ист. наук / ИИА УрО РАН – ИА РАН. – М., 2008. – Архив Кабинета археологии УрГУ. – Ф. III. Д. 407. – 336 с.
8. *Иванова М.Г.* Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 294 с.
9. *Иванова М.Г.* Маловенижский могильник // Средневековые памятники бассейна реки Чепцы. – Ижевск: НИИ при Сов. Мин. УдАССР, 1982 – С.52–76
10. *Иванова М.Г.* Новые исследования на Солдырском могильнике Чемшай // Погребальные памятники Прикамья. – Ижевск, 1987. – С. 4–25
11. *Илюшин А.М.* Комплекс вооружения кочевников Восточного дашт-и-кипчак (по материалам раскопок курганной группы Мусохраново-3) // Археология евразийских степей. – 2017. №5. – С.144–151
12. *Казаков Е.П.* Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1996. – 176 с.
13. *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. №65. – М., 1959. – С.7–120.
14. *Колчин Б.А.* Ремесло // Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. – М.: Наука, 1985. – С. 243–297
15. *Крыласова Н.Б., Белавин А.М.* Комплексы орудий в мужских захоронениях ломоватовской культуры как отражение основных хозяйственных и производственных занятий населения // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2015. №6 (361). – С. 16–27
16. *Культура Биляра.* Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. – М.: Наука, 1985. – 216 с.
17. *Оборин В.А.* Коми пермяки в IX–XIV вв. (родановская культура): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – М., 1957. – 404 с.
18. *Ремесло и домашние производства средневекового Предуралья: [Электронный ресурс]: учеб. пособие* / Батуева Н.С., Белавин А.М., Бубнова Р.В., ВострокнUTOва Г.И., Крыласова Н.Б., Ленц Г.Т., Подосёнова Ю.А., Юркова Е.В.; ПГГПУ. – Пермь, 2017. – 138 с.
19. *Савельева Э.А.* Жигановский могильник. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2010. – 454 с.
20. *Савельева Э.А.* Кичилькосьский могильник // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 5: Археологические исследования в бассейне Печоры.– Сыктывкар: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1973. – С. 63–98

21. Савельева Э.А. Погребения с монетами Кичилькосьского I могильника // Известия КНЦ УрО РАН. – 2016. №2 (26). – С. 59–74
22. Савельева Э.А. Бджыдъёльский могильник. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2014. – 120 с.
23. Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1996. – С.6–89
24. Сарапулов А.Н. Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным. – Пермь: ПГГПУ, 2015. – 170 с.
25. Семькин Ю.А. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1996. – С.88–153
26. Сингх В.К. Железный инструментарий средневекового Новгорода. Т.1.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009. – 191 с.
27. Сингх В.К. Железный инструментарий средневекового Новгорода. Т.2.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009. – 196 с.

Сведения об авторе:

Смертин Андрей Романович. Магистрант Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ). E-mail: Arsmertin@mail.ru.

Smertin Andrey Romanovich. Master of Perm State National Research University (PSNRU). E-mail: Arsmertin@mail.ru.

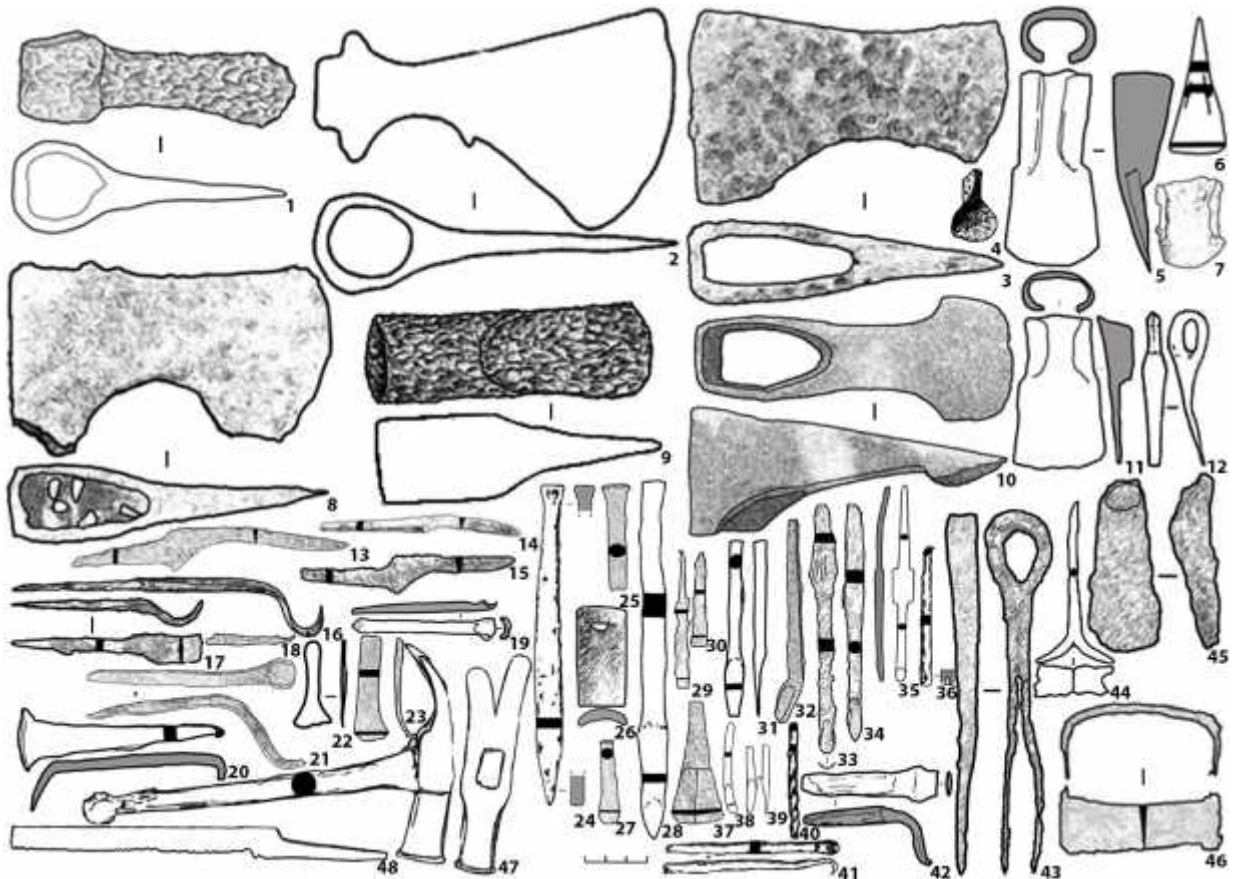

Рис. 1 – Деревообрабатывающий инструментарий Пермского Предуралья:

1-3, 8-9 топоры; 4-7, 10-12, 45 – тёсла; 13-15 – ножи; 16-23, 36, 41-42 – резцы;
24-25, 27-28 – долота; 26 – рубанок для стрел; 29-31, 37-39 – стамески; 32-35, 40 – свёрла; 43-44
– разметки; 46 – наструг; 47 – молоток; 48 – пила.

1 – Степаново Плотбище мог. (п.447); 2, 12, 19, 22, 26, 31, 35 – Рождественское гор.;
3, 13 – Антыбарский мог. (п.130, 34); 4 – Демёнковский мог. (п.65); 5, 11, 20, 28, 42 –
Рождественский мог. (п.257, 259, 234а, п/м, п.397); 6 – Запосельское сел. (жил. 3); 7, 27, 29-30,
34, 38-39 – Саламатовское I гор.; 8, 21, 33, 44 – Плотниковский мог. (п.154, м/п, п.29,76);
9 – Баяновский мог. (п.461); 10 – Верхняя Кама (коллекция Зеликмана); 14-15 – Петуховское
гор.; 16 – Бурдаковский II мог.; 17, 46, 48 – Анюшкар (Кыласово) гор.; 18 – Гаевское гор.; 23,
25, 32 – Корнинское гор.; 24, 36, 40, 41 – Лобач гор.; 37 – Редикорское гор.; 43, 45 – Троицкое
гор.; 47 – Кудымкарское гор.

1-2, 9 – прорисовки А.В. Данича; 4, 24, 36, 40-41 – Р.Д. Голдиной; 5-6, 11-12, 19-20, 22, 26, 28,
31, 35, 42, 44, 47-48 – Н.Б. Крыласовой; 21, 33 – Н.Г. Брюховой; 38-39 – С.И. Абдуловой; 3, 7-8,
10, 13-18, 23, 25, 27, 29-30, 32, 34, 37, 43, 45-46 – автора.

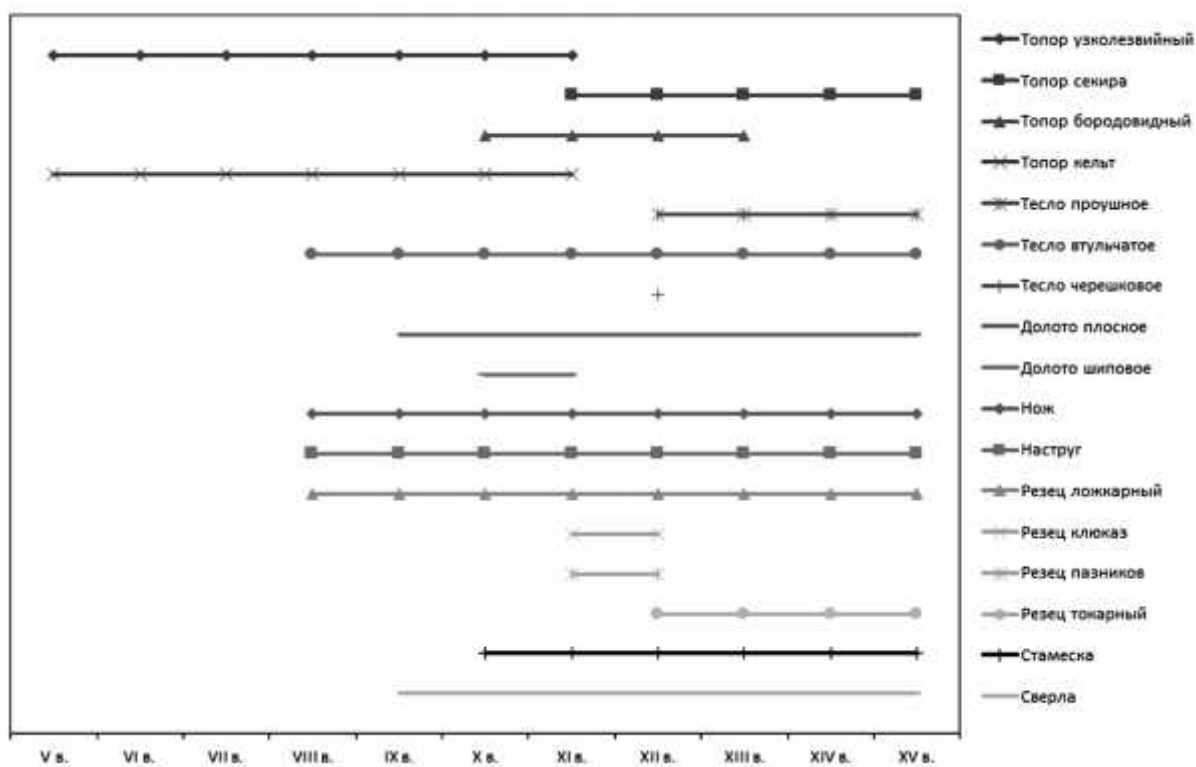

Рис. 2 – Лента времени распространения основных типов деревообрабатывающих инструментов в эпоху средневековья

УДК 902

DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-103-111

Шмырина М.Е.^{1,2}**КОСТЯНЫЕ ОРУДИЯ ТРУДА ДЛЯ ДОМАШНИХ ПРОИЗВОДСТВ И
ПРЕДМЕТЫ БЫТА ИЗ МАТЕРИАЛОВ СРЕДНЕВЕКОВЫХ
ПОСЕЛЕНИЙ БАСЕЙНА Р. ИНЬВА***¹Пермский государственный национально-исследовательский университет, Пермь, РФ²Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

Костяные изделия составляют значимую часть от общей доли всех находок поселенческих памятников Пермского Предуралья. Значительная часть предметов относится к орудиям труда для домашних производств и предметам быта. В данную категорию предметов включаются предметы для обработки кожи, прядения и ткачества, универсальные орудия, а также предметы быта.

Ключевые слова: средневековье, Пермское Предуралье, костяные предметы, орудия труда, предметы быта, домашнее производство.

Shmyrina M.E.^{1,2}**BONE TOOLS FOR DOMESTIC PRODUCTION AND HOUSEHOLD ITEMS
FROM MATERIALS OF MEDIEVAL SETTLEMENTS OF THE INVA RIVER
BASIN**

Perm State National Research University, Perm, Russian Federation

Bone products make up a significant part of the total share of all finds of settlement monuments of the Perm Cis-Urals. A significant part of the items refers to tools for domestic production and household items. This category of items includes items for leather processing, spinning and weaving, universal tools, as well as household items.

Keywords: Middle Ages, Perm Cis-Urals, bone objects, tools, household items, home production.

Иньвенская группа памятников расположена в бассейне реки Иньва (левый приток Камы). В исследовании рассмотрены коллекции следующих памятников: городище Анюшкар, Роданово городище, Калининское селище, городище Купрос, Вакинское селище, Гырчиковское городище, городище Полюты. Поселенческие памятники, относящиеся к позднему этапу функционирования ломоватовской археологической культуры (IX – XI вв.), родановской археологической культуры (кон. XI – XV вв.), в большинстве своем функционируют с X по XIII вв. Исключение составляют наиболее крупные городища, которые прекращают существовать в начале XIV – XV вв.

Костяные изделия иньвенской группы памятников достаточно многочисленны и применяются в различных областях жизнедеятельности средневекового человека. За годы раскопок было встречено 1 020 изделий из кости, а также костяных и роговых заготовок. В общую разработанную классификацию костяных изделий иньвенской группы поселенческих памятников включаются следующие группы:

Группа I – орудия труда для домашних производств и предметы быта.

Группа II – предметы охоты и вооружения.

Группа III – предметы гигиены.

Группа IV – украшения и детали костюма.

Группа V – предметы досуга.

* Настоящее исследование было выполнено в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете в рамках подготовки ВКР

Группа VI – предметы неопределенного назначения, заготовки и отходы производства.

Значительную долю среди костяных изделий составляют орудия труда для домашних производств и предметы быта. За годы исследований поселенческих памятников бассейна р. Иньва было встречено 462 изделия из кости и рога, относимых к орудиям труда для домашних производств и предметам быта, что составляет 45% от общего числа изделий. В данной работе предлагается классификация орудий труда для домашних производств и предметов быта, изготовленных из кости.

Группа I – орудия для домашних производств и предметы быта. В данную категорию изделий были включены предметы, используемые средневековым человеком в рамках его повседневной жизнедеятельности, связанной с бытовой деятельностью, а также изготовлением необходимых в быту вещей.

Подгруппа I – орудия труда для обработки кожи.

Отдел I – разбивальники (173 экз., рис.1/1–5). Наиболее обширную часть орудий труда для обработки кожи составляют разбивальники. Разбивальники были необходимы для разминания широких ремней. Чаще всего данная категория предметов выполнена из метаподий лошади или лося [Ленц, 2002, с. 227]. Срединная часть предмета в большинстве случаев сломана, что свидетельствует об активном использовании предмета в кожевенном производстве.

Широкая распространенность разбивальников в материалах Анюшкар (109 экз.) и Роданова (47 экз.) городищ связана с лучшей изученностью данных памятников и существованием рассматриваемых поселений в качестве крупных торговых и ремесленных центров. Разбивальники являются достаточно распространенной категорией изделий для Пермского Предуралья. Подобные предметы встречаются на большинстве памятников, в том числе на достаточно хорошо изученном Рождественском городище, где в основном они были изготовлены также из метаподий лошади [Белавин, Крыласова, 2008, с. 276], а также на селище Запоселье I [Крыласова и др., 2014, с. 320]. За пределами территории Пермского Предуралья разбивальники также находят широкое распространение. Например, в ходе раскопок средневековой крепости Саркел–Белая Вежа на Нижнем Дону были встречены кости с «нарезками», которые были интерпретированы, как разбивальники [Флёрова, 1996, с. 285]. Также «предметы для обработки кож с нарезками» найдены на территории Билярского и Болгарского городищ [Пальцева, Шакиров, Худяков, 2012, с. 211].

Отдел II – проколки (52 экз., рис.6–10). В качестве проколов использовались заостренные грифельные кости коровы, лося или лошади. Среди исследователей существует мнение об использовании проколов для работы с берестой, войлоком и кожей, ввиду мягкости и податливости материала и хрупкости кости [Ленц, 2002, с. 227].

Для проколов городища Анюшкар характерно наличие изделия, выполненного из рога, отросток которого был заточен. Стоит отметить, что проколка имеет значительный диаметр острия, что делает возможным изготовление исключительно крупных отверстий.

Костяные проколки распространены в материалах памятников Пермского Предуралья и сопредельных территорий. В том числе, подобные пермским проколками встречаются в материалах городищ бассейна реки Вятки ананьинского времени [Ашихина, Черных, Шаталов, 2006, с.45]. Также массово они встречены в материалах городища Иднакар (648 экз.) [Иванова, 1998, с. 155].

Отдел III – лоцила (рис.1/11–12). К категории предметов для обработки кожи можно отнести лоцила или лопатки-гладилки, с помощью которых заглаживались швы на изделиях из кожи [Ленц, 2002, с. 227]. Изделия выполнены из ребер крупных животных. Лоцила были встречены в двух экземплярах в материалах Роданова городища, и в одном экземпляре в материалах Калинского селища.

Отдел IV – скобели по коже. Два экземпляра скобеля были встречены на Родановом городище в ходе раскопок М.В. Талицкого. Скобели выполнены из трубчатых костей. Рабочий конец срезан наискось и заострен. Для предметов характерны ярко выраженные следы сработанности. Подобные скобели могли быть использованы, например, для очистки шкур или кожи от остатков мягких тканей. Аналогичные скобели по коже были встречены в материалах Буйского городища, расположенного в бассейне р. Вятки [Ашихина, Черных, Шаталов, 2006, с. 46].

Отдел V – шилья (рис.1/13). В ходе изучения Роданова городища был обнаружен единичный экземпляр костяного шила, имеющего фрагментально сохранившуюся Т-образную рукоять. Указанное изделие может также иметь непосредственное отношение к процессу обработки кожи или войлока, так как выполненное из кости шило подходит исключительно для работы с мягкими материалами.

Подгруппа II – орудия труда для прядения и ткачества.

Отдел I – кочедыки (134 экз., рис.1/14–26). Кочедыки использовали для изготовления предметов из лыка, бересты, луба, кожи и прутьев. При помощи кочедыков изготавливались корзины, сети, сумки и другие предметы. Кочедыки различны по своей длине и степени заостренности. Зачастую кочедыки изготавливались из ребер или расколотых трубчатых костей животных [Ленц, 2002, с. 226]. Большая часть изделий встречена на городище Анюшкар (72 экз.), Родановом городище (26 экз.), Калинском селище (16 экз.), городище Купрос (18 экз.). Кочедыки найдены на городище Полюты (1 экз.) и Вакинском селище (1 экз.). Отметим, что для Пермского Предуралья, в том числе для Иньвенской группы памятников, характерно значительное количество кочедыков, в том время как на близлежащих территориях подобные находки более редки. В том числе, в материалах городища Иднакар было встречено 447 экземпляров кочедыков [Иванова, 1998, с. 155], в материалах памятников Волжской Булгарии – всего 11 экземпляров [Пальцева, 2020, с. 48].

Тип I – неорнаментированные кочедыки.

Подтип I – неорнаментированные кочедыки без отверстий для привешивания (81 экз.). Изделия данного типа имеют форму естественного сырья. Исключение составляет рабочий конец, которому придана заостренная форма. Распространенность кочедыков с незначительными следами обработки обусловлена утилитарностью рассматриваемых изделий. Ряд предметов имеет следы залощенности, что также свидетельствует об их активном использовании.

Подтип II – неорнаментированные кочедыки с отверстиями для привешивания (35 экз.). Данная категория изделий достаточно распространена ввиду удобства использования предметов с отверстиями. Через отверстие для привешивания продевался шнур из естественных волокон или кожи, который привязывался к предметам одежды, вероятно к поясу, для удобства ношения и использования.

Тип II – орнаментированные кочедыки.

Подтип I – орнаментированные кочедыки без отверстий для привешивания (10 экз.).

Зачастую орнамент на кочедыках Иньвенской группы памятников представлен геометрическими формами: точечный орнамент, в виде косой решетки или ёлочки. На трех изделиях имеется тамга – знак собственности, принадлежности [Валеев, Валеева-Сулейманова, 1987, с. 57]. Тамги приставлены, как в виде геометрических рисунков, так и солярными символами. Стоит отметить, что для изделий городища Анюшкар характерно наличие тамг, которые возможно рассматривать как знаки ручья или растений, в том числе ольхи и ели, что подтверждается этнографическими источниками [Шмырина, 2020, с. 353].

Подтип I – орнаментированные кочедыки с отверстиями для привешивания немногочисленны (8 экз.). Вероятно, меньшая распространенность находок орнаментированных кочедыков с отверстиями для привешивания может быть связана

с большей ценностью и прочностью рассматриваемых изделий. Также стоит учитывать утилитарное назначение кочедыков, которое способствует быстрому износу инструмента.

Отдел II – разделители нитей (2 экз.). Изделия имеют характерные частые поперечные полосы – следы протертости нитями [Белавин, Оборин, Сарапулов, 2012, с. 33]. Разделители нитей могли использоваться при работе на ткацком станке. Разделитель нитей из материалов городища Купрос выполнен из округлой в сечении кости. Конец изделия имеет фигурное зооморфное оформление, представленное голой животного, предположительно лося [Белавин, Оборин, Сарапулов, 2012, с. 33]. Рассматриваемый предмет был встречен совместно с комплексом спиц для вязания, что может свидетельствовать об использовании изделия и в процессе вязания [Белавин, Оборин, Сарапулов, 2012, с. 33].

Отдел III – иглы для шитья и игольники (12 экз., рис.1/35–36). Костяные иглы имеют сравнительно небольшой размер 30–80 мм и выполнены, как правило, из лучевых костей осетровых рыб. Иглы, имеющие сравнительно большой размер, в сравнении с железными, могли использоваться для плетения [Белавин, Крыласова, 2008, с. 276].

Совместно с иглами встречаются игольники (3 экз., рис.1/33–34). Игольники выполнены из бедренных костей куницы.

Аналогичные изделия встречаются на ряде городищ Пермского Предуралья, в том числе на Рождественском городище, где костяные иглы имеют в большинстве крупный размер (65 – 95 мм) [Белавин, Крыласова, 2008, с. 276] и Саламатовском городище, где присутствуют иглы схожего размера [Абдулова, 2016, с. 18].

Отдел IV – спицы для вязания (рис.1/64–68) являются уникальной находкой для Пермского Предуралья. 5 костяных игл длиной 20–23,5 см и один фрагмент были встречены в материалах городища Купрос. Н.Б. Крыласовой высказано предположение об интерпретации данных изделий, как спиц для вязания. По мнению исследователя, представленный набор из 5 изделий соответствует необходимому комплекту для вязания вкруговую [Крыласова, 2010, с. 10].

Подобные изделия были встречены в материалах городища Иднакар [Иванова, 1998, с. 176], а также в материалах Болгарского городища. Стоит отметить, что в материалах городов Северо-западной Руси, в том числе Белоозера, были встречены фрагменты вязаных изделий, что может свидетельствовать о наличии там орудий для вязания [Голубева, 1973, с. 97].

Н.Б. Крыласовой высказывается мнение, о том, что изначально вязание появляется среди финно-угорского населения, проживавшего на территории Пермского Предуралья, впоследствии распространяясь на территорию Руси. Данный факт подтверждается ранними финно-угорскими находками вязаных изделий [Крыласова, 2010, с. 10].

Отдел V – составные части горизонтального ткацкого станка (рис.1/59–63).

Тип I – держатели ремизок ткацкого станка (2 экз.) в виде кольца на подпрямоугольном держателе с отверстием для крепления применялись для удержания ремизок в вертикальном положении [Белавин, Крыласова, 2008, с. 278]. Ремизка – это подвижное приспособление, раздвигающее нити основы и позволяющее ткачихе перебрасывать челнок с нитью утка в зев, образуемый двумя рядами нитей основы [Батуева, Белавин, Бубнова и др., 2017, с. 109].

Тип II – блоки в виде «коромыслища» (5 экз.). Блоки были необходимы для передачи нитям возвратно-поступательных движений [Белавин, Крыласова, 2008, с. 279]. Аналогичные детали горизонтального ткацкого станка встречаются на территории поселенческих памятников Пермского Предуралья, в том числе в коллекции Рождественского городища [Белавин, Крыласова, 2008, с. 278] и Саламатовского городища [Абдулова, 2016, с. 16].

Горизонтальный ткацкий станок впервые появляется в Азии еще в IV тыс. до нашей эры. На территории Западной Европы горизонтальные ткацкие станки появляются в конце XII века, с XIII века начинается их активное распространение на дальнейшие территории [Рыбаков, 1985, с. 286], в том числе, по-видимому, и в Пермское Предуралье. Существуют аналогичные находки на близлежащих археологических памятниках, в том числе городище Иднакар [Иванова, 1998, с. 182]. Стоит отметить, что в зависимости от территории может изменяться конструкция горизонтального ткацкого станка, и как следствие, его детали.

Отдел VI – пряслице (1 экз., рис.1/53). Для изготовления пряслиц использовалась естественная форма сырья – изделия выполнены из срезанных эпифизов бедренных костей скота. Прядение является неотъемлемым процессом средневекового домашнего производства. Основным инструментом прядения было веретено [Батуева, Белавин, Бубнова и др., 2017, с. 105]. В данном случае пряслице надевается на веретено в нижней или средней части, что придавало веретену более быстрое вращательное движение, необходимое при скручивании ниток. Костяные пряслица применялись для получения более плотной и толстой пряжи [Батуева, Белавин, Бубнова и др., 2017, с. 106].

В большинстве своем пряслица изготовлены из глины или камня. Костяные пряслица встречаются редко. Аналогии рассматриваемому пряслицу имеются в коллекции костяных изделий с соседних территорий – городища Иднакар [Иванова, 1998, с. 151], Билярского городища [Пальцева, Шакиров, Худяков, 2012, с. 211], так и на более отдаленных территориях, например, в коллекциях античных городов Северного Причерноморья [Петерс, 1986, с. 58].

Подгруппа III – универсальные орудия (рис.1/28–58).

Отдел I – рукояти ножей.

Тип I – цельные рукояти (14 экз.) представлены цилиндрическими или овальными в сечении изделиями с высверленной серединой для укрепления черешка железного ножа.

Подтип I – рукояти, выполненные с сохранением естественной формы сырья (9 экз.). Рукояти представляют слабо обработанную кость, единственным изменением природной формы сырья является просверленное отверстие. Для изготовления рукоятей использовалась трубчатая кость, которая наиболее удобна ввиду особенностей строения сырья. Одно из изделий Калинского селища представлено достаточно крупным предметом, который вероятно мог являться рукоятью большого орудия, например, шила.

Подтип II – искусно выполненные рукояти (6 экз.). Рукояти представляют отполированный стержень овальный в сечении. Аналогичные цельные рукояти встречены на ряде памятников Пермского Предуралья, в том числе Рождественском городище [Белавин, Крыласова, 2008, с. 275], Саламатовском городище [Абдулова, 2016, с.20]. Наиболее качественную обработку имеют рукояти городища Анюшкар, художественное оформление которых соотносится с оформлением рукоятей Билярского городища [Пальцева, Шакиров, Худяков, 2012, с. 213]. Данный факт может свидетельствовать, как о заимствовании технологии изготовления и оформления предметов, культурных и торговых связях, так и о перемещении населения по Волго-Камскому региону.

Тип II – составные рукояти.

Подтип I – центральные части (4 экз.). Центральные части составных рукоятей представляют полые цилиндры с отверстиями на входе и выходе для закрепления орудия. Зачастую центральная часть может быть фигурно оформлена. Интерес представляет фрагмент рукояти из коллекции костяных изделий Роданова городища. Данное изделие имеет качественную обработку. С помощью различных резцов у «быка» прорезаны рога и лицевая часть. Сбоку нанесен геометрический линейный

орнамент, который мог иметь свое продолжение на обратной стороне изделия. Фрагментарность рукояти не дает возможности судить о способе ее изготовления, возможно для обработки оборотной стороны применялся токарный станок. Стоит отметить, что подобные фактурные изображения животных являются редкими для территории Пермского Предуралья, что может говорить об импортном происхождении изделия. В настоящий момент не удастся определить территорию, откуда могла попасть рукоять в Пермское Предуралье, т.к. подобные виды пластики на близлежащих территориях не были встречены [Шмырина, 2020, с. 216].

Подтип II – навершия рукоятей (7 экз.) представлены цилиндрическими изделиями, несколько расширяющимися к верхней части. Навершия наиболее многочисленны среди находок костяных составных рукоятей. Ввиду линзовидной формы окончания навершия, вероятно его назначение возможно связывать с удобством использования режущих и колющих орудий. Благодаря указанной линзовидной форме давление, оказываемое на руку человека, использующего предмет, минимизируется, что делает использование более комфортным. Также навершия необходимо для фиксации составных частей рукояти в цельном положении. Подобные навершия были известны в материалах Рождественского городища [Белавин, Крыласова, 2008, с. 274].

Подтип III – муфта (1 экз.). Муфты располагались на стыке самой рукояти и лезвия для предохранения рукояти от раскалывания. Муфта имеет каплевидную форму с широким срединным отверстием. Подобные изделия широко распространены в материалах памятников Волжской Булгарии, в том числе Биляра и Болгара [Пальцева, Шакиров, Худяков, 2012, с. 211].

Отдел II – рукояти шильев в коллекциях костяных изделий Иньвенской группы памятников представлены Т-образными рукоятями (10 экз.). Подобные рукояти шильев широко распространены на ряде памятников Волжской Булгарии [Пальцева, Шакиров, Худяков, 2012, с. 210], а также в коллекции городища Иднакар [Иванова, 1998, с. 161]. Вне зависимости от широкого распространения Т-образных рукоятей исследователи связывают происхождение данного типа изделий с Прикамьем, ввиду распространенности подобного вида изделий [Белавин, Крыласова, 2008, с. 276].

Тип I – Т-образные рукояти, форма которых близка к треугольнику (9 экз.). Спинка изделия прямая, длина спинки почти равна высоте самой рукояти. Для удобства использования имеются отверстия для привешивания. Исследователями высказывается мнение о наличии футляров для шильев, которые соединялись с рукоятью при помощи ремешков, продетых в отверстия рукоятей. На ряде изделий отсутствуют отверстия для привешивания, но в тоже время присутствует орнамент из прочерченных линий, имитирующих нити, с помощью которых возможно привязывание шила. Вероятно, прочерченные полосы способствовали наиболее плотному креплению нити.

Тип II – рукоять вытянутой Т-образной формы с округлой спинкой (1 экз.). Ширина и длина изделия равны. Рукоять покрыта геометрическим орнаментом. Рукоять также имеет выступы для привешивания. Рукояти данного типа могут быть датированы XII – XIV вв. [Белавин, Крыласова, 2010, с. 100].

Подгруппа IV – бытовые предметы.

Отдел I – писала (4 экз., рис.1/55–58) – пишущие инструменты, необходимые для письма. Писала представляют заостренный на рабочем конце костяной стержень. Два изделия имеют геометрический орнамент в виде прочерченных полос, косых решеток. Аналогичные изделия были встречены в материалах Рождественского городища, где они именуются булавками [Белавин, Крыласова, 2008, с. 354]. Подобные находки встречаются на территории Волжской Булгарии, в том числе, в коллекциях Биляра и Джукетау [Пальцева, 2020, с. 56]. Изделия, именуемые писалами, находят место в археологических коллекциях Новгорода [Овчинникова, 2000, с. 45].

Необходимо отметить, что для территории Пермского Предуралья исследуемого периода не известно фактов, свидетельствующих о существовании письменности.

Данное положение ставит под сомнение интерпретацию костяных стержней, как писал, и делает более вероятно их интерпретацию, как булавок или заколок. В то же время факт использования данных изделий для письменности нельзя исключать, особенно на территории Пермского Предуралья, как территории обладающей значительным торговым потенциалом.

Отдел II – лопатка-ложка (рис.1/54) была встречена в единственном экземпляре в материалах Калинского селища. Ложка имеет укороченную рукоять и овально-подпрямоугольный черпак. Лопатка не имеет оформления, что может свидетельствовать о ее исключительно утилитарном использовании. Аналогичные изделия, изготовленные из дерева, до недавнего времени дополняли атрибутику мансийских святилищ, а также зачастую использовались для приготовления пищи [Крыласова, 2007, с.70]. На Руси костяные ложки появляются в IX веке и широко бытуют до середины XIII века. Схожие ложки, имеющие исключительно утилитарную форму, распространены в материалах Новгорода [Рыбаков, 1997, с. 41].

Костяные орудия труда для домашних производств и предметы быта с поселенческих памятников Иньвенской группы являются весьма объемной группой предметов (45% от общего числа костяных изделий). В представленном исследовании была разработана классификация костяных орудий труда для домашних производств и предметов быта. Все предметы были разделены на четыре подгруппы, связанные со специфическим функциональным назначением: орудия труда для обработки кожи, орудия труда для прядения и ткачества, универсальные орудия и бытовые предметы. Значительная часть изделий имеет аналогии в материалах памятников Пермского Предуралья, а также сопредельных территорий. Безусловно, данный факт стоит связывать, как с универсальностью формы орудий, так и с бытованием общих технологий домашних производств на широкой территории и этнокультурными связями.

Библиографический список:

1. Абдулова С.И. Противоаварийные исследования Саламатовского городища // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XI. – Пермь: ПГГПУ, 2016. – С.10–35
2. Археология СССР. Древняя Русь. Быт и культура / под общ. ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1997. – 368 с.
3. Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село / под общ. ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1985. – 431 с.
4. Ашихина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н.э.). – Ижевск: Звезда, 2006. – 218 с.
5. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. I. – Пермь: ПГГПУ, 2008. – 603 с.
6. Белавин А.М., Оборин А.В., Сарапулов А.Н. Городище Купрос: итоги полевых исследований / Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. – Пермь: ПГГПУ, 2012. – С. 4–83
7. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Рукояти шильев в угорских древностях // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. – М.: «Ломоносовъ», 2010. – С. 97–102
8. Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарии. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1987. – 166 с.
9. Голубева Л.А. Веси и славяне на Белом озере. X–XIII вв. – М.: Наука, 1973. – 97 с.
10. Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1988. – С.244–253
11. Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 294 с.
12. Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. – Пермь: ПГПУ, 2007. – 352 с.

13. Крыласова Н.Б. О первой находке фрагмента вязаного изделия в Пермском Предуралье (к вопросу о происхождении вязания на спицах на территории России) // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. III. – Пермь: ПГПУ, 2010. – С. 7–12
14. Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. III. – Пермь: ПГГПУ, 2014. – 565 с.
15. Ленц Г.Т. Косторезное производство в Верхнем Прикамье // Очерки археологии Пермского Предуралья: Учебное пособие для студентов и аспирантов. – Пермь: ПГПУ, 2002. – С. 213–239
16. Овчинникова Б.Б. Писала-стилосы Древнего Новгорода X–XV вв. // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. – С. 45–105
17. Пальцева Д.У. Костяные изделия городов Волжской Булгарии и Болгарского Улуса Золотой Орды X–XIV вв.: дис. кан. ист. наук. Казань, 2020. – 208 с.
18. Пальцева Д.У., Шакиров З.Г., Худяков А.В. Костяные предметы быта средневекового населения Биляра // Филология и культура. – Казань: КФУ, 2012. – С. 208–215
19. Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1986. – 192 с.
20. Ремесло и домашние производства средневекового Предуралья: учеб. пособие / Н.С. Батуева, А.М. Белавин, Р.В. Бубнова и др. – Пермь: ПГГПУ, 2017. – 109 с.
21. Флёрова В.Е. Домашние промыслы в Саркеле–Белой Веже (по материалам коллекции костяных изделий) // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. – Самара: Сам. обл. историко-краев. музей им. П.В.Алабина, 1996. – 138 с.
22. Шмырина М.Е. Проблема импорта костяных изделий в эпоху средневековья на территории Пермского Предуралья (на примере Инвеньской группы памятников) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XVII. – Пермь: ПГГПУ, 2020. – С. 122–130
23. Шмырина М.Е. Тамги на костяных изделиях городища Анюшкар // Актуальная археология 5. Материалы Международной научной конференции молодых ученых. – СПб: ИИМК РАН, 2020. – С. 351–354.

Сведения об авторе:

Шмырина Мария Евгеньевна, магистрант Пермского государственного национально-исследовательского университета, зав. методическим кабинетом исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета mashah98@mail.ru.

Shmirina Maria, Master's student of Perm State National Research University, Head. methodological office of the Faculty of History of Perm State University of Humanities and Pedagogy, mashah98@mail.ru.

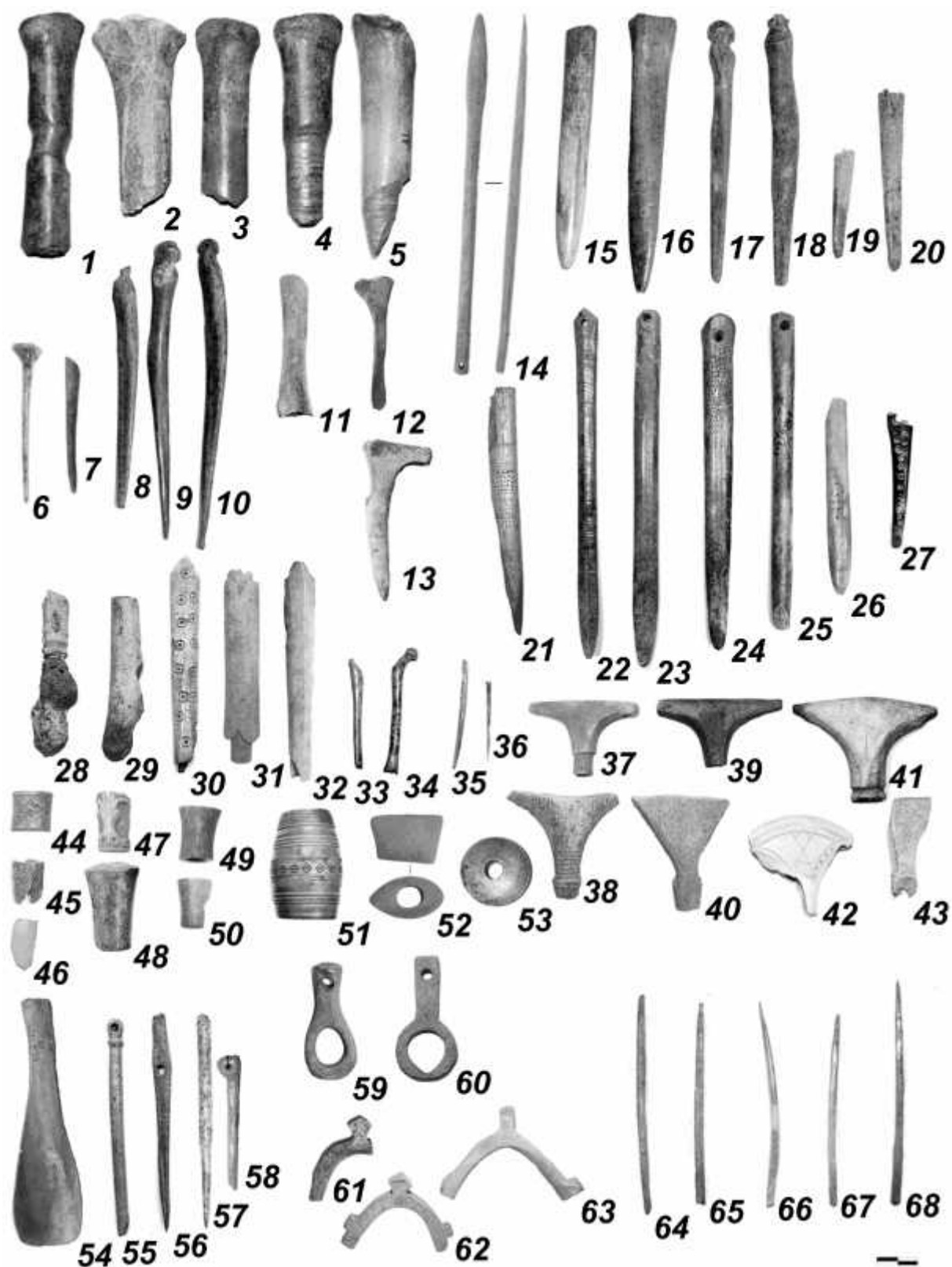

Рис.1. Орудия труда для домашних производств и предметы быта.

1–5, 22–27, 30–36, 38, 40, 41, 46, 48, 51, 53, 55–57, 62–63 – городище Анюшкар,
 6–13, 15–20, 28, 29, 37, 42–44, 47, 49–50, 58–61 – Роданово городище, 14, 52 – городище
 Полюты, 21 – Вакинское селище, 39, 45, 54 – Калинское селище, 64–68 – городище Купрос

УДК 902

DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-12-118

Коновалова К.Н.^{1,2}, Шмырина М.Е.¹**КОСТЯНЫЕ УКРАШЕНИЯ И ДЕТАЛИ КОСТЮМА ИЗ МАТЕРИАЛОВ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАСЕЙНА
Р.ИНЬВА**¹ Пермский государственный национально-исследовательский университет, г.Пермь, РФ² Институт экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург, РФ

Исследование затрагивает такую группу костяных изделий, как украшения и детали костюма. Рассмотрены и включены в классификацию амулеты, детали костюма и различные украшения, изготовленные из кости. Проведены археозоологические определения амулето-натураллий. Определен круг животных, части скелета, которых использовались в качестве амулетов.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, костяные предметы, амулет, деталь костюма, археозоология.

Konovalova K.N.^{1,2}, Shmyrina M.E.¹**BONE ORNAMENTS AND COSTUME DETAILS FROM MATERIALS OF
MEDIÉVAL SETTLEMENT MONUMENTS OF THE INVA RIVER BASIN**¹Perm State National Research University, Perm, Russia²Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

The study concerns such a group of bone products as jewelry and costume details. Amulets, costume details and various ornaments made of bone are considered and included in the classification. Archaeozoological definitions of natural amulets have been carried out. The circle of animals, parts of the skeleton, which were used as amulets, was determined.

Keywords: Perm Cis-Urals, bone objects, amulet, costume detail, archaeozoology.

Костяные изделия составляют значительную долю от общего числа находок, встреченных в материалах, как средневековых археологических памятников Пермского Предуралья, так и Иньвенской группы памятников в частности. В состав Иньвенской группы памятников были включены средневековые поселения, расположенные в бассейне реки Иньва (левый приток Камы). Наиболее крупными и хорошо изученными из них являются городище Анюшкар и Роданово городище. Также в исследование были включены материалы Калинского селища, городища Купрос, Вакинского селища, Гырчиковского городища, городища Полюты. Рассматриваемые поселенческие памятники принадлежат к позднему этапу функционирования ломоватовской археологической культуры (IX – XI вв.), родановской археологической культуры (кон. XI – XV вв.), в большинстве своем функционируют с X по XIII вв.

За годы исследований было собрано 1020 изделий из кости, а также костяных и роговых заготовок. Все костяные предметы были разделены на группы в зависимости от их функционального назначения. Классификация включает шесть групп: Группа I – орудия труда для домашних производств и предметы быта; Группа II – предметы гигиены. Группа III – предметы охоты и вооружения; Группа IV – украшения и детали костюма; Группа V – предметы досуга; Группа VI – предметы неопределенного назначения, заготовки и отходы производства. В данном исследовании рассмотрена группа IV – украшения и детали костюма.

Группа IV – украшения и детали костюма.

Костюм средневекового населения средневекового Пермского Предуралья является одним из наиболее интересных аспектов изучения этносов, проживавших на рассматриваемой территории. Изучая костяные изделия в контексте украшений

и деталей костюма возможно рассмотрение таких категорий изделий, как амулеты-натуралии, амулеты-ложки, пуговицы и подвески.

Подгруппа I – амулеты.

Отдел I – амулеты-натуралии – одна из наиболее распространенных категорий деталей костюма в материалах памятников Пермского Предуралья. К амулетам-натуралиям принято относить натуральные природные объекты, не подверженные дополнительной обработке, за исключением создания приспособления для ношения. В средневековые амулетами могли являться различные части скелета млекопитающего (челюсти, зубы, фаланги, губчатые кости), птицы (когти, кости), рыбы (позвонки), раковины моллюсков и окаменелости [Крыласова, Косинцев, 2021, с.82].

Тип I – просверленные позвонки костных рыб (рис.1/11–19). Наиболее часто встречаемыми амулетами-натуралиями на территории Иньвенской группы поселенческих памятников являются просверленные позвонки костных рыб (всего их встречено 108 экз.). Наиболее обширная коллекция собрана на городище Анюшкар (79 экз.). Более малочисленные коллекции амулетов из позвонков рыб происходят с Роданова городища (13 экз.), Калинского селища (5 экз.), городища Купрос (9 экз.), городища Полюты (1 экз.), Гырчиковского городища (1 экз.). По результатам остеологических исследований, на городище Анюшкар и Калинском селище доля остатков рыбы минимальна [Андреева, Петренко, 1976, с. 137–189; Косинцев, Бачура, Сарапулов, 2017, с.194].

Для изготовления амулетов из костей костно-хрящевых рыб с позвонков срезались острые отростки, а на месте спинномозгового канала просверливалось отверстие, через которое впоследствии продевался шнур [Крыласова, Косинцев, 2021, с. 82]. В значительной части при изготовлении амулетов и позвонков костных рыб использовались кости щуки. Единичны находки обработанных позвонков рыб из семейства лососёвые. Данный факт может свидетельствовать как о широкой распространенности рыболовства на данный вид рыб на территории Прикамья в эпоху средневековья, так и о сакральном значении этого вида рыбы.

Тип II – амулеты из частей скелета млекопитающих (31 экз.: Роданово городище – 13 экз., городище Анюшкар – 4 экз., Гырчиковское городище – 6 экз., городище Купрос – 6 экз., Калинское селище – 2 экз.).

Подтип I – зубы животных (Роданово городище – 8 экз., городище Купрос – 6 экз., Калинское селище – 2 экз., Гырчиковское городище – 2 экз.) (рис.1/1–9). Преобладают амулеты из резцов крупного рогатого скота. Был также обнаружен амулет, изготовленный из клыка лошади (жеребца). Остатки этих домашних копытных наиболее многочисленны в остеологических материалах данной группы памятников [Андреева, Петренко, 1976, с. 137–189; Косинцев, Бачура, Сарапулов, 2017, с.194]. Единично представлены амулеты из клыков медведя, лисицы, кабана или свиньи. В целом, амулеты, изготовленные из зубов животных, имеют функцию защиты. В традиционной культуре коми амулеты, изготовленные из зубов животных, особенно хищников, могли использоваться как в качестве элемента костюма, так и являться домашним оберегом, располагаясь над окнами и дверями. Амулеты были призваны защитить от болезней, колдовства, несчастья и т.д. [Сидоров, 1928, с. 196].

Подтип II – таранные кости бобра (Роданово городище – 3 экз., Гырчиковское городище – 2 экз., городище Анюшкар – 1 экз.) (рис. 1/20–22). Таранные кости имеют отверстия для привешивания. Ввиду расположения поселенческих памятников вблизи водных артерий, использование костей бобра в качестве амулетов достаточно распространено. Таранные кости бобра зачастую связывают с финно-угорскими древностями [Голубева, 1997, с. 157]. Древнерусские материалы свидетельствуют о ношении амулетов из костей бобра промысловиками-бобровниками [Тянина, 2011, с.167].

Подтип III – кость птицы (Гырчиковское городище – 1 экз.). Амулеты, изготовленные из костей птиц, являются уникальной находкой для территории Пермского Предуралья. Аналогичные амулеты известны в материалах Саркела–Белой Вежи [Флёрова, 2001, с. 111].

Подтип IV – коготь медведя (городище Анюшкар – 1 экз.). Амулеты, изготовленные из частей скелета медведя, имели в традиционной культуре коми широкое распространение среди охотников. Считалось, что амулет из костей этого животного способствует сохранению здоровья [Сидоров, 1928, с. 197]. Использование когтей медведя отмечается в погребальной обрядности балтов [Тянина, 2011, с. 164].

Подтип V – просверленные челюсти куницы и лисицы (городище Анюшкар – 2 экз.). Такие амулеты наиболее распространены на Саламатовском городище [Абдулова, 2016, с. 31]. Стоит отметить, что такие амулеты считаются характерными для финно-угров Урала и Западной Сибири [Крыласова, Косинцев, 2021, с. 83].

Схожие изделия из костей животных известны на большинстве памятников Пермского Предуралья, в том числе, на Рождественском городище [Крыласова, Косинцев, 2021, с. 82], селище Запоселье I [Крыласова и др., 2014, с. 337]. Амулеты-натуралии встречаются и за Пермского Предуралья, к примеру, в материалах Саркела–Белой Вежи и городища Иднакар [Иванова, 1998, с. 52]. Также амулеты-натуралии находят широкое распространение в археологических древностях Севера, в том числе, в материалах Надымского городка [Лобова, Кардаш, Косинцев, 2018, с. 407].

Исследователи отмечают, что наибольшее распространение амулеты-натуралии находят в X–XIII вв., и их присутствие в жизни средневекового человека по большей части связано не с религиозными верованиями, а с суевериями [Крыласова, Косинцев, 2021, с. 91]. Значительная часть амулетов, в особенности, амулеты, изготовленные из зубов животных, бытовали на территории Пермского Предуралья и в более позднее время, сохраняя свою роль вплоть до XX века.

Отдел II – подвески-ложечки.

Тип I – уплощенная ложка встречена в единственном экземпляре в материалах Роданова городища (рис.2/1). Ложка имеет овально-подтреугольный черпак с точечным орнаментом. Ручка не сохранилась. Аналогичные ложки имеют широкий диапазон бытования. Схожие изделия известны в период раннего железного века на городище – жертвенном месте Усть-Полуй I в. до н.э. [Крыласова, 2007, с. 69]. Уплощенные ложки могли использоваться как скребки для мягких материалов, сочетая в себе утилитарную функцию и функцию украшения-амулета.

Тип II – ложки с овальными неглубокими черпаками и длинными рукоятями наиболее распространены в материалах Иньвенской группы памятников. Ряд изделий сохранились фрагментарно, что зачастую не дает возможности судить о форме черпака. Сохранившиеся в целостности изделия имеют орнаментированные ручки: на большинстве изделий представлен орнамент «ёлочка» или «плетёнка». Всего было встречено 12 изделий данного типа (Роданово городище – 6 экз., городище Анюшкар – 6 экз.) (рис. 2/3-9). Исследователи датируют ложки данного типа концом XI – XIII вв. [Крыласова, 2007, с. 74].

Амулеты-ложки могли быть символом сытости и благосостояния. Древнерусские материалы свидетельствуют о ношении ложек на поясе [Голубева, 1997, с. 156].

Подгруппа II – детали костюма представлена в материалах Иньвенской группы поселенческих памятников пуговицами, подвесками, а также бусинами.

Отдел I – костыльковые подвески (13 экз.: Роданово городище – 1 экз., Калинское селище – 2 экз., Гырчиковское городище – 1 экз., городище Анюшкар – 8 экз.) (рис. 1/23–33). Подобные подвески, в первую очередь, имели утилитарное назначение: за концы могли привешиваться наконечники при креплении подвески в волосах, или ножны и прочие предметы при креплении к поясу [Белагин, Крыласова, 2008, с. 389]. Подвески в виде дугообразной планки в центре имеют подтреугольный

или подквадратный уступ с отверстием для привешивания. Аналогичные изделия представлены на Рождественском городище [Белавин, Крыласова, 2008, с. 389] и городище Инднакар, где они интерпретируются как застёжки для конской упряжи [Иванова, 1998, с. 128]. В исследованиях, посвященных костяному инвентарю Болгара, подобные изделия именуются застёжками недоуздка [Закирова, 1988, с. 226].

Отдел II – пуговицы.

Тип I – костыльковые пуговицы имеют продолговатую форму с отверстием или перемычкой в центре для крепления.

Подтип I – костыльковые пуговицы из необработанных сесамовидных (челночных) костей лошади (13 экз.: Роданово городище – 1 экз., Калининское селище – 1 экз., городище Купрос – 9 экз., городище Анюшкар – 3 экз.). Находки пуговиц из необработанных, за исключением отверстия для привешивания, костей являются достаточно частыми на территории Пермского Предуралья. Схожие изделия были встречены в материалах Рождественского городища, селища Телячий Брод, Саламатовского городища [Белавин, Крыласова, 2008, с. 353].

Подтип II – костыльковая веретенообразная пуговица была встречена в единственном экземпляре в материалах городища Анюшкар (рис. 1/34). Пуговица имеет продолговатую, вытянутую, веретенообразную форму с перемычкой в центре. С помощью перемычки пуговица крепилась к одежде. Схожие пуговицы встречены в материалах Рождественского городища, а также Белоозера в слоях X – начала XI вв. [Голубева, 1973, с. 173].

Тип II – круглая плоская пуговица с двумя отверстиями, не имеющая орнамента, была встречена в материалах городища Анюшкар в единственном экземпляре (рис. 1/35). На территории Пермского Предуралья подобные пуговицы фиксируются в материалах Рождественского городища [Белавин, Крыласова, 2008, с. 353]. Особое распространение плоские пуговицы находят на болгарских памятниках: Болгарское городище, Танкеевский могильник. Стоит отметить, что в погребениях Танкеевского могильника подобные пуговицы были обнаружены попарно и интерпретированы как наконечники [Закирова, 1988, с. 230].

Отдел III – бусины. За время исследования памятников Иньвенской группы было встречено две костяные бусины (Роданово городище – 1 экз., городище Анюшкар – 1 экз.) (рис. 1/36–37). Бусина, происходящая с Роданова городища, имеет сферическую форму и вероятно выполнена на токарном станке, о чем свидетельствует правильная форма, а также продольные линии на изделии. Бусина городища Анюшкар имеет продолговатую форму и орнаментацию в виде прочерченных по окружности линий. Вероятно, бусина, также выполнена на токарном станке.

В материалах памятников Пермского Предуралья костяные бусы единичны. В то же время в материалах болгарских памятников, Болгара в том числе, подобные изделия именуются бусинами четок. Зачастую бусины были окрашены в коричневый или зеленый цвет [Закирова, 1988, с. 230].

Костяные амулеты и украшения, встреченные в материалах Иньвенской группы памятников, составляют значительную часть от общего числа находок костяных предметов (186 экз. или 18%). Среди амулетов большую часть составляют амулеты-натуралии. Наибольшая часть амулетов изготовлена из позвонков костных рыб, также распространены амулеты из зубов животных. Кости рыб занимают ничтожную долю остеологических коллекций, но при этом амулеты именно из позвонков рыб составляют большую часть рассматриваемых изделий. Основные виды животных, из частей скелета которых изготавливались амулеты, известны также и по этнографическим данным. В зависимости от вида животного, а также части скелета, изменялось семантическое и магическое значение предмета. Широкое использование остатков лошади и крупного рогатого скота в качестве материалов для изготовления изделий, может свидетельствовать о значимости этих видов в хозяйственной деятельности

древнего населения, что подтверждается высокой долей костей этих животных в остеологических коллекциях рассматриваемых памятников. Среди деталей костюма наиболее распространенными категориями выступают костыльковые подвески и пуговицы из необработанных челночных костей лошади. Вероятно, наибольшая их распространенность связана с универсальностью застежек в составе костюма.

Библиографический список:

1. Абдулова С.И. Противоаварийные исследования Саламатовского городища // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XI. – Пермь: ПГГПУ, 2016. – С. 10–35
2. Андреева Е.Г., Петренко А.Г. Древние млекопитающие по археозоологическим материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья // Из археологии Волго-Камья. – Казань: АН СССР, 1976. – С. 137–189.
3. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. I. – Пермь: ПГГПУ, 2008. – 603 с.
4. Голубева Л.А. Амулеты // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. – М.: Наука, 1997. – С. 153–165
5. Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. – М.: Наука, 1973. – 213 с.
6. Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1988. – С. 218–242
7. Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 294 с.
8. Косинцев П.А., Бачура О.П., Саранулов А.Н. Фауна млекопитающих из местонахождения позднего голоцена Калинское (Пермское Предуралье) // Фауна Урала и Сибири. – 2017. № 2. – С. 192–199
9. Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. – Пермь: ПГПУ, 2007. – 352 с.
10. Крыласова Н.Б., Косинцев П.А. Амулеты-натуралии из костей млекопитающих в средневековом Пермском Предуралье // Вестник Пермского университета. История. – 2021. № 1 (52). – С. 81–93
11. Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. III. – Пермь: ПГГПУ, 2014. – 565 с.
12. Лобанова Т.В., Кардаш О.В., Косинцев П.А. Надымский городок: амулеты и талисманы из костей животных XIII–XVIII веков // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: Сб. матер. Всерос. науч. конф. (г. Сургут, 1–5 октября 2018 г.): в 2 ч. / отв. ред. В.А. Лапшин. – Сургут-Нефтеюганск-Екатеринбург: Б.и., 2019. Ч. 2. – С. 407–435
13. Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. – Л.: Алетейя, 1928. – 270 с.
14. Тянина Е.А. Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных // Археологические вести. – СПб: ИИМК РАН, 2011. – С. 159–168
15. Флёрова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX – XII веков: Искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. – СПб: Алетейя, 2001. – 256 с.

Сведения об авторах:

Коновалова Ксения Юрьевна, магистрант Пермского государственного национально-исследовательского университета; старший лаборант-исследователь лаборатории палеоэкологии ИЭРиЖ УрО РАН. E-mail: kсениакон@icloud.com

Шмырина Мария Евгеньевна, магистрант Пермского государственного национально-исследовательского университета. E-mail: mashah98@mail.ru.

Kononova Ksenia, master student of Perm State University; senior laboratory assistant researcher, Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, e-mail: kсениакон@icloud.com.

Shmirina Maria, master student of Perm State University, e-mail: mashah98@mail.ru.

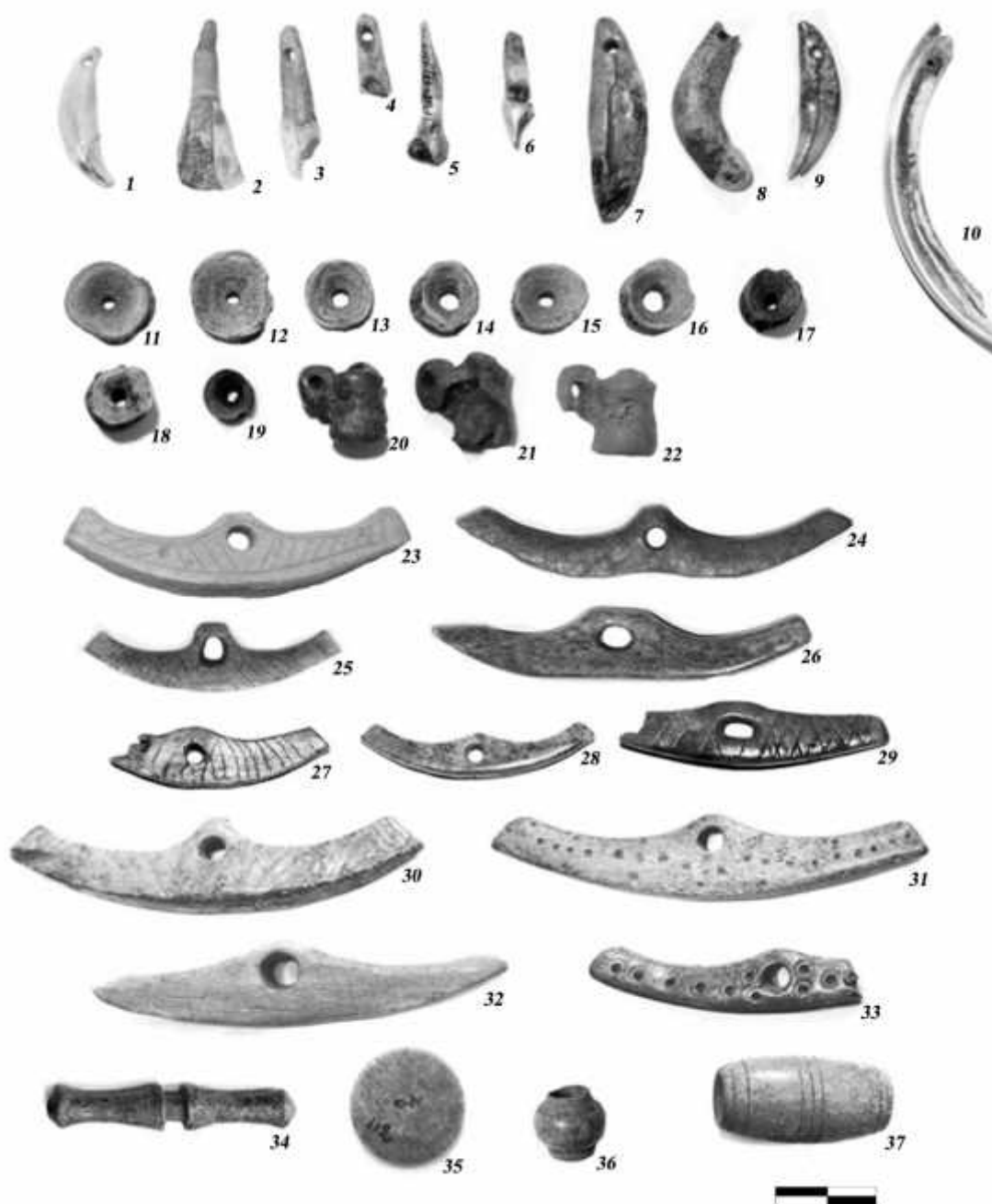

Рис.1. Костяные украшения и детали костюма.
 1–23,36 – Роданово городище, 27–35, 37 – городище Анюшкар, 24–26 – Калининское селище

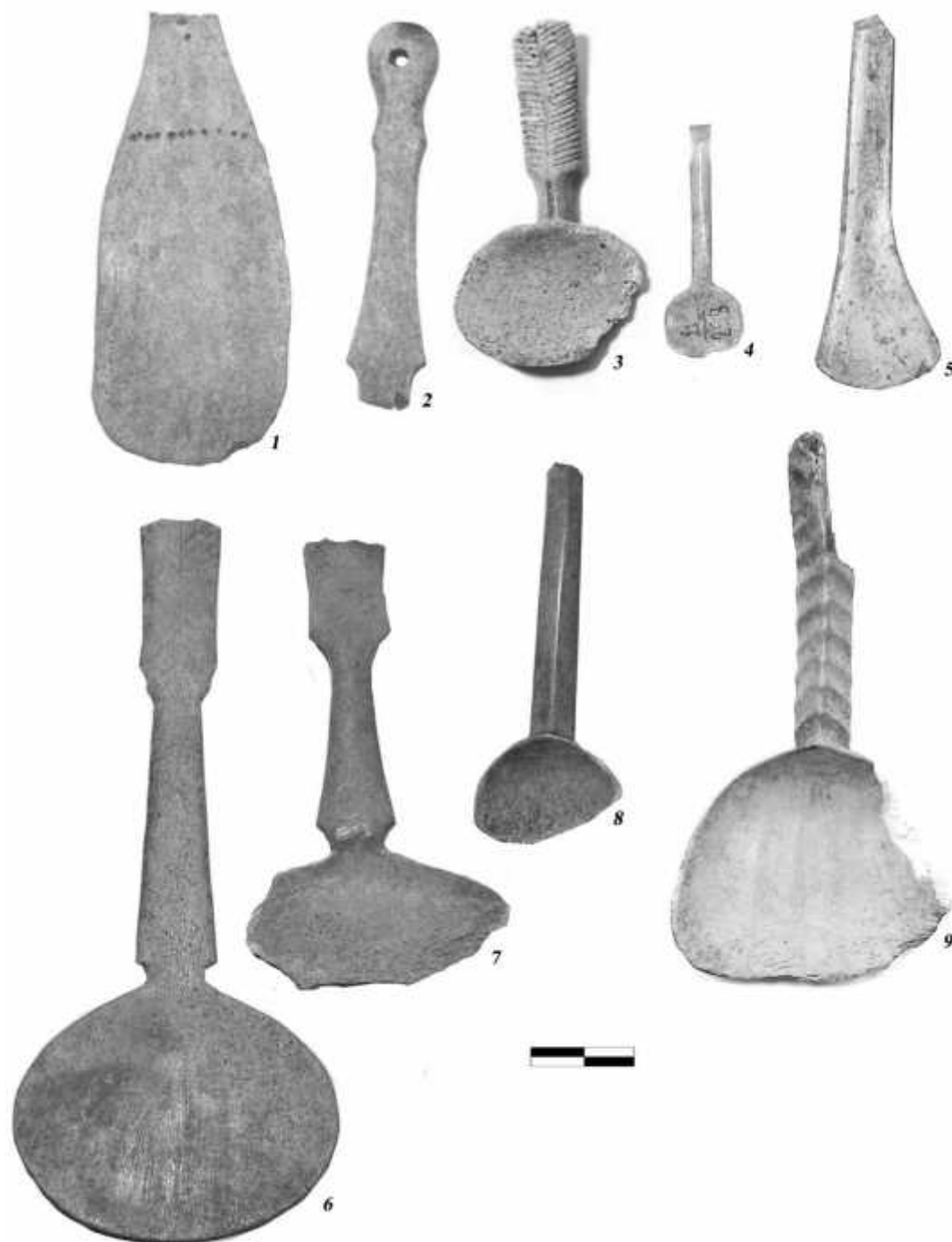

Рис.2. Костяные подвески-ложечки.
1–3 – Роданово городище, 4–9 – городище Анюшкар

УДК 902.01

DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-119-126

Подосёнова Ю.А.^{1,2}, Сарапулов А.Н.²**ЮВЕЛИРНАЯ ПОДВЕСКА С ЗЕРНО-ФИЛИГРАННЫМ ДЕКОРОМ ИЗ ЮВЕЛИРНОЙ И ЛИТЕЙНОЙ МАСТЕРСКОЙ РОДАНОВА ГОРОДИЩА***¹Пермский федеральный научно-исследовательский центр УрО РАН, г. Пермь, РФ²Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, РФ

При исследовании ювелирной и бронзолитейной мастерской, выявленной на городище Роданово в последние годы, обнаружена уникальная круглая подвеска, которая принадлежит к кругу серебряных изделий с зерно-филигранным декором. Такие изделия единично представлены в материалах Пермского Предуралья. При их выполнении использовались разные трудоёмкие техники изготовления и декорирования – зернение, филигрань, инкрустация, золочение и т.д. На основе технологического и стилистического изучения, химического анализа, а также контекста нахождения подвески, было выяснено, что изделие может быть датировано XI–XII вв. и является недоработанным украшением, изготовленным в пределах ювелирной мастерской Роданова городища. Это прямое свидетельство изготовления ювелирных изделий с зерно-филигранным декором на территории Пермского Предуралья.

Ключевые слова: эпоха средневековья, Пермское Предуралье, Роданово городище, ювелирная мастерская, украшение, подвеска, серебро, техника изготовления, орнамент, зернь, филигрань.

Podosenova Y.A.^{1,2}, Sarapulov A.N.²**A GRANULATED AND FILIGREED PENDANT FROM A JEWELLERY AND CASTING WORKSHOP OF RODANOV GORODISHCHE**¹Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia²Perm State University of Humanities and Pedagogy, Perm, Russia

During the study of a jewellery and bronze-casting workshop discovered at Rodanovo Gorodishche in recent years, a unique round pendant was found. The pendant belongs to the group of granulated and filigreed silver jewellery. Such items are singly presented in the materials of Perm region. When making the item, various laborious manufacturing and decoration techniques were used – granulation, filigree, inlay, gilding, etc. Technological and stylistic studies, chemical analysis, as well as the context of the pendant's location showed that the item can be dated to the 11-12th c. and is an unfinished piece of jewellery made within the workshop of Rodanovo Gorodishche. This is direct evidence of making granulated and filigreed jewellery in Perm region.

Keywords: Mediaeval epoch, Perm region, Rodanovo Gorodishche, jewellery workshop, ornament, pendant, silver, manufacturing technique, decoration, granulation, filigree.

Введение

Роданово (Полютово) городище, расположенное на высоком берегу Камского водохранилища, в д. Городище Юсьвинского района Пермского края, известно с XVIII в. Отдельные находки на нем представлены в коллекции А.Е. и Ф.А. Теплоуховых. В советское время памятник исследовался экспедицией ГАИМК под руководством А.В. Шмидта (1932 г.), А.В. Прокошева (1935 г.), М.В. Талицкого (1936–1937 гг.). Материалы легли в основу статьи М.В. Талицкого, посвященной Верхнему Прикамью в X–XIV вв. [Талицкий, 1951]. По имени городища названа родановская археологическая культура. Городище сильно разрушено Камским

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Пермского края (соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.), в рамках проекта и при поддержке РФФИ и Пермского края 20-49-590001 р_а «Средневековое ювелирное наследие Пермского края: стилистические и химико-технологические особенности», а также в рамках темы госзадания «Урал – этнокультурный перекресток Евразии» № НИОКТР АААА-А-19-119032590066-2

водохранилищем. С 2016 г. археологические работы на памятнике проводятся под руководством А.Н. Сарапулова. В целом на 2021 год исследованная площадь составила более 1000 кв. м. (с учетом раскопок 1932 г., 1935-1937 гг.).

За время раскопок, проводимых в последние годы, в предвальной части городища была выявлена мастерская, где отливали украшения из цветных металлов (привески, пронизки, детали поясного набора) [Крыласова, Подосенова, Сарапулов, 2019] и изготавливали ювелирные изделия (височные украшения, подвески).

Мастерская включала комплекс сооружений разного назначения. В 2017 г. в ее пределах была изучена прямоугольная яма размерами 3,0 x 2,05 м, глубиной 1,32 м от поверхности. В ней был выявлен разрушенный горн в виде скопления камней, шлака и глиняной обмазки. Горн располагался на глинобитной подушке и имел каменное устье, сложенное из крупных и мелких галек. На основе радиоуглеродного анализа яма датирована первой половиной XI в. Рядом с горном в расстоянии через 1 м располагались в ряд 6 квадратных ям размерами 0,8–1 x 1–1,2 м, глубиной 0,2–0,4 м. Над ними находились очаги на глинобитных подушках. Одна из ям, заполненная углем, интерпретирована как углежогная.

В 2018 г. были изучены еще две ямы, связанные с мастерской. Над квадратной ямой №1 размерами 2,75 x 2,75 м, глубиной 1,2 м от фиксации был сооружен дощатый настил, на нем – очаг на глинобитной подушке. Рядом находилась яма №2 в виде квадратного котлована размерами 2,0 x 2,0 м, глубиной 1,28 м от поверхности, в ней были выявлены следы берестяного короба, содержавшего более 200 фрагментов цилиндрических тиглей и множество медных пластин. Здесь же и в подквадратном углублении, примыкающем к яме, найдено скопление полуфабрикатов поясных накладок.

Находки – шлаки, фрагменты тиглей, медные пластины, проволока, предметы неопределенного назначения (лом), выплески металла и обрубленные литники, бракованные изделия и полуфабрикаты, железные зубила, бородки, шилья, точильный круг, точильные камни с пазами, оселки, фрагменты форм-изложниц, слитки металла и пр. – позволили интерпретировать указанный комплекс как литейную мастерскую, функционировавшую в XI – начале XII вв..

В слое одного из объектов мастерской была обнаружена *круглая серебряная подвеска с зерно-филигранным декором и кастом для вставки*, речь о которой пойдет в данной публикации (рис. 1).

Описание, техника изготовления изделия и его отдельные особенности.

Подвеска имеет круглую форму.

Лицевая сторона изделия декорирована крупной и мелкой зернью, филигранью в виде торсированной проволочки, а также кастом для вставки, фон покрыт позолотой (рис.1/А).

По краю подвески проложено *три ряда торсированной проволочки*, расположенных так, что направление витков по отношению друг к другу направлено в противоположные стороны, создавая эффект «косички». С небольшим отступом от этих рядов по средней части окружности подвески выложены ещё два ряда, примыкающих друг к другу: первый (от края украшения) – уложен из *торсированной проволочки*, второй – из *небольших треугольников мелкой зерни* (по 3 шарика).

В центре украшения – *квадратный каст*. Вставка в касте отсутствует. По периметру каста в его основании располагается в ряд *зернь небольшого размера*, а по углам каста – *крупная зернь на подложках из торсированной проволочки*.

На фон изделия, свободный от каста и зерно-филигранного декора, нанесена *позолота*.

Изнаночная сторона изделия не декорирована (рис.1/Б).

Четкую последовательность операций, производимых при изготовлении подвески, как и сам процесс операции пайки, восстановить трудно. Но можно выделить отдельные этапы:

- Основа изделия была *вырезана из листа металла*.

- На лицевую часть подвески припаян *каст квадратной формы*. Каст сложен из вырезанной тонкой металлической пластины прямоугольной формы, концы которой спаяны на одной из сторон внахлест (рис. 2/А-Б).

- На лицевую часть изделия припаян *зерновой и филигранный декор*. Филигрань в виде торсированных проволочек изготовлена путем кручения вокруг своей оси квадратной или прямоугольной в сечении проволочки (рис.3/А-Б). Между филигранными рядами, декорирующими край изделия и уложенными «косичкой», и зерно-филигранным рядом, декорирующим внутреннюю часть изделия, проложена *пластинка*, вырезанная из тонкого листа металла, повторяющая форму изделия (рис.3/В-Д).

- *Позолота* нанесена с помощью *амальгамирования* – нанесения на поверхность раствора золота с ртутью с последующим нагревом.

Серия рентгено-флюоресцентных анализов *состава металла* изделия показала, что его основа и зерно-филигранные элементы изготовлены из сплава с высоким содержанием серебра (Ag-Cu-Pb, Ag-Cu, где Ag более 90%, табл.1). На поверхности изделия, свободной от зерно-филигранных декоративных элементов, зафиксированы следы золота, что свидетельствует о наличии позолоты на анализируемых участках (табл.1).

Обращают внимание интересные и важные *особенности*, зафиксированные при исследовании изделия:

- *края каста* не имеют следов, образующихся в результате крепления вставки, – отсутствуют разрезы на углах, следы сгибания и заваливания его краев (рис. 2/А). А обычно на ювелирных изделиях XI–XIII вв. из Пермского Предуралья вставка помещалась в глухой каст из полосы металла, согнутой по форме вставки и припаянной на металлическую основу изделия, и закреплялись в касте путем заваливания его краев (рис. 2/В).

- металлическая поверхность внутри каста не имеет следов *веществ, дополнительно подклеивающих вставку (смолы)*, при том как обычно исследование изделий с утерянной вставкой показывает, что она дополнительно подклеивалась на основу изделия веществом, напоминающим смолу.

- на изнаночной стороне *отсутствуют следы крепления к изделию элемента для подвешивания* (рис. 1/Б), а обычно на изделиях с утерянной петлей фиксируются следы от её припоя и/или следы шлифовки места для петли (рис.4/А-Г).

- *отсутствует вставка* в касте изделия. Необходимо отметить, что вставка, предположительно, подготовленная для данного ювелирного изделия, была обнаружена в пределах ювелирной мастерской в скоплении отбракованного прибалтийского янтаря-сырца. Она представлена поврежденным обработанным фрагментом янтаря правильной формы в виде параллелепипеда. Вероятнее всего, из-за скола, полученного при обработке этого поделочного материала, она была отложена мастером вместе с другим отбракованным янтарем (рис.2/Г) [Сарапулов и др., 2021, с.157].

Контекст нахождения и особенности подвески позволяют однозначно сказать о том, что данное изделие является явно недоработанным до конца и выполнено мастером в пределах мастерской, где оно и было обнаружено.

Аналогии и датировка изделия.

Разнообразные металлические подвески часто выступали основным элементом в составе шейно-нагрудных украшений прикамского костюма практически на

протяжении всей эпохи средневековья. Для отдельных периодов были характерны определенная форма и стиль изделий.

Прямые аналогии рассматриваемому изделию отсутствуют. Но в круг близких по форме, декору и техническому исполнению могут быть включены изделия из Майкарского городища (X–XIV вв.), Рождественского могильника (конец IX–XI вв.) [Белавин, 2000, рис.41/21, 24; Белавин, Крыласова, 2008, рис. 188/10] и Вильгортского клада, датированного XII в. [Талицкий, 1941, с. 50, рис. 7/15; Чагин, 2013, с. 58]. Вне территории Пермского Предуралья похожие изделия обнаружены в материалах Чештыгского могильника конца XI–XII вв. вымской археологической культуры (2 экз.) [Истомина, 1992, с.127–136; Савельева, Королев, 2011, рис.3/3, 5].

Такие приемы изготовления и декорирования, как вырезка основы изделия по шаблону, золочение свободного от декоративных элементов фона изделия способом амальгамирования, декорирование изделий треугольниками, выложенными из зерни, были характерны для большинства ювелирных изделий, распространенных на территории Пермского Предуралья в период IX–XIII вв.

Однако декорирование изделий филигранными рядами в виде торсированной проволоки, уложенными «косичкой», расположение крупной зерни на филигранных «подложках», фиксируется только с XI века [Подосёнова, 2021, с. 89–90]. До настоящего времени прием прокладывания между филигранными рядами тонкой позолоченной полоски металла (на основании находок зерно-филигранных подвесок разных форм из Вильгортского клада, зерно-филигранной подвески ромбической формы из Рождественского могильника) датировался XII–XIII вв. [Подосёнова, 2021, с.91].

В пределах мастерской в одной из ям был выявлен берестяной короб, содержащий инструментарий и металлический лом, а также скопление полуфабрикатов поясных накладок. На основе корреляции дат отдельных типов накладок яма была датирована XI веком (преимущественно, первой половиной XI века) [Крыласова и др., 2019, с. 71]. Аналогичная дата – XI век – была получена и в результате радиоуглеродного анализа проб из других ям, обнаруженных также в пределах мастерской.

Заключение.

Таким образом, изделия данного круга можно датировать XI–XII вв. (вероятнее всего, концом XI века в нижней границе). Малое количество подобных изделий может свидетельствовать о коротком периоде их распространения, который вряд ли заходит в XIII век.

В период XII–XIII вв.²¹ на территории Пермского Предуралья распространились новые формы шейно-нагрудных подвесок, выполненные в едином зерно-филигранном стиле и с применением аналогичных приемов изготовления и декорирования. Это *замкнутые подвески-лунницы* (они достаточно полно описаны в публикациях А.М. Белавина, А.В. ВострокнUTOва, Н.Б. Крыласовой и других исследователей [Белавин, 2000, с. 85–87, рис. 36/8, 17, 22; Крыласова, Подосёнова, 2018, с. 31–35, рис.1], подвески ромбической формы [Крыласова, Подосёнова, 2019, с.86–93], четырёхлопастные зерно-филигранные подвески с инкрустацией [Чагин, 2013, с.59]. Описанные технические приемы изготовления и декорирования ювелирных изделий также применяются при выполнении других категорий изделий – зерно-филигранных калачевидных височных украшений с инкрустацией и без неё [Подосёнова, 2021, рис. 111/4,6], пластинчатых браслетов с округло-расширенными концами [Белавин, 2000, рис. 42] и т.д.

²¹ Период распространения данных изделий в связи с новыми данными уточняется. Под сомнением верхняя дата распространения изделий.

Однако уникальность и важность этой находке придает не только редкость встречаемости подобного рода украшений, но и то, что изделие является незавершенным и обнаружено в пределах ювелирной мастерской. А это может служить достоверным и прямым свидетельством изготовления ювелирных изделий с зерно-филигранным декором на территории Пермского Предуралья.

Библиографический список

1. *Белавин А.М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: ПГПУ, 2000. – 200 с.
2. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. I. – Пермь: ПГГПУ, 2008. – 603 с.
3. *Истомина Т.В.* Комплекс погребения 37 Чежтыягского могильника // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1992. – С. 127–135.
4. *Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А.* Лунница из Рождественского городища // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. VIII. – 2018. – С. 31–35
5. *Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А.* Ромбическая ювелирная подвеска из Рождественского городища // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. IX. – 2019. – С. 86–93.
6. *Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А., Саранулов А.Н.* Производство элементов поясной гарнитуры в эпоху средневековья (по материалам раскопок Роданова городища 2018 г.) // Вестник Пермского университета. История. – 2019, № 1 (44). – С. 56–72
7. *Подосёнова Ю.А.* Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья. – Пермь: ПГГПУ, 2021. – 210 с.
8. *Подосёнова Ю.А.* Основные особенности средневековых ювелирных изделий из Пермского Предуралья // Вестник ПФИЦ УрО РАН. – 2021, №2. – С. 84–93
9. *Савельева Э.А., Королев К.С.* Торгово-экономические связи Перми Вычегодской с Волжской Булгарией // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2011, № 3 (37). – С. 89–97
10. *Саранулов А.Н., Мокрушин И.Г., Красновских М.П., Иванов П.А., Каменщиков О.Ю., Подосёнова Ю.А.* Янтарь из раскопок средневекового городища Роданово на территории Пермского края // Археология Евразийских степей. – 2021, №3. – С. 156–168
11. *Талицкий М.В.* Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. № 22. – 1951. – С. 33–96
12. *Талицкий М.В.* К этногенезу коми // КСИИМК. Вып. IX. – 1941. – С. 47–54
13. *Чажин Г.Н.* Чердынские клады. Сокровища археологических коллекций. – Пермь: «Литер-А», 2013. – 144 с.

Сведения об авторах:

Подосёнова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории, археологии, этнографии ПФИЦ УрО РАН, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: podosenka@yandex.ru.

Саранулов Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории, археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: ans05@mail.ru.

Podosenova Yulia Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of History, Archeology, Ethnography of the PFIC of the Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of National and Universal History, Archeology of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. E-mail: podosenka@yandex.ru.

Sarapulov Alexey Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of National and Universal History, Archeology of Perm State Humanitarian Pedagogical University. E-mail: ans05@mail.ru.

Таблица 1. Результаты исследования химического состава металла изделия из Роданова городища

Место пробы*	Cu (%)	Ag (%)	Pb (%)	Au (%)	Остальные элементы
изнаночная сторона, основа, с очищением (5 замеров)	2,33	96	1,43	0	As
изнаночная сторона, основа, с очищением (3 замера)	2,77	95,8	1,43	0	As
лицевая сторона, крупная зернь, без очищения (4: 1 замер с каждой)	2,5	94,2	0,19	0,19	Fe – 2,89; As
лицевая сторона, прокладка между филигранными рядами, без очищения (2 замера)	2,13	94,29	0,24	0,71	Fe – 2,59; As
лицевая сторона, филигранные ряды, без очищения (5 замеров по окружности)	3,01	94,4	0,35	0	Fe – 2,2; As

*Исследование химического состава металла было проведено с помощью рентгено-флюоресцентного анализа (использовался портативный рентгено-флюоресцентный спектрометр Bruker S1 Sorter).

Рис. 1. Зерно-филигранная подвеска из слоя ювелирной и литейной мастерской Роданова городища: лицевая (А) и изнаночная (Б) стороны изделия

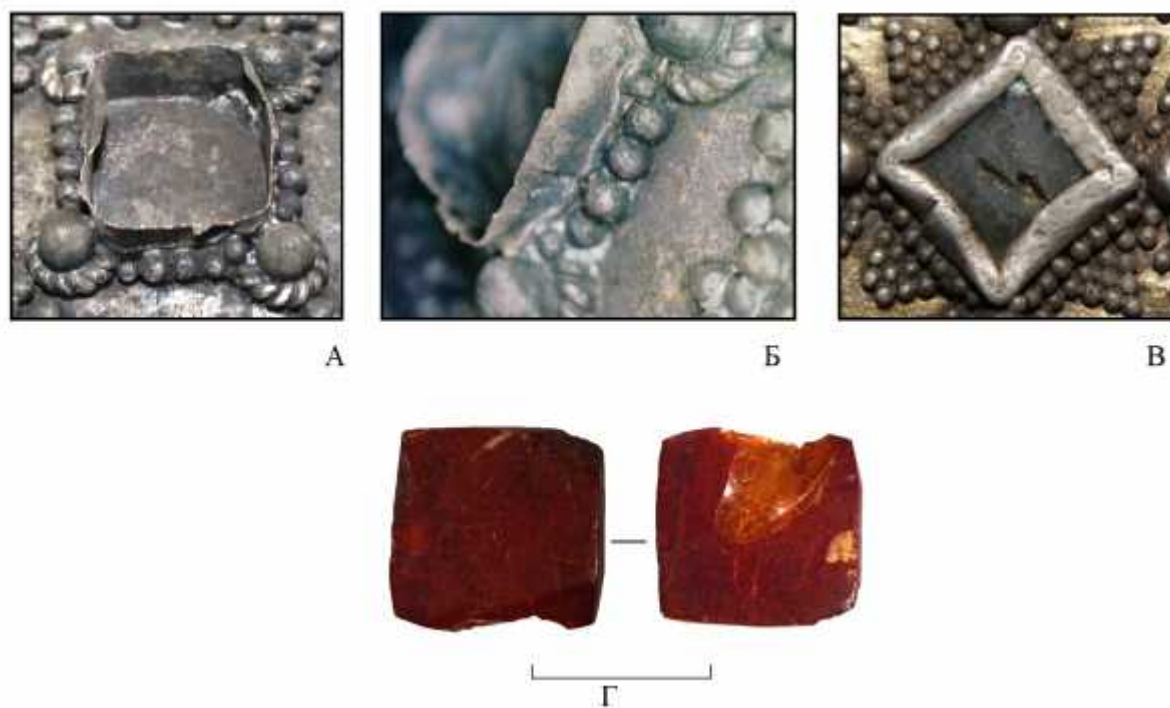

Рис. 2. Каст для вставки: особенности конструкции:

А – конструкция каста; Б – соединение концов каста «внахлѣст», В – пример глухого каста ромбической подвески из Рождественского городища, вставка закреплена путем заваливания краев каста, Г – отбракованная мастером вставка из янтаря, обнаруженная в скоплении янтаря-сырца недалеко от обнаружения рассматриваемой подвески

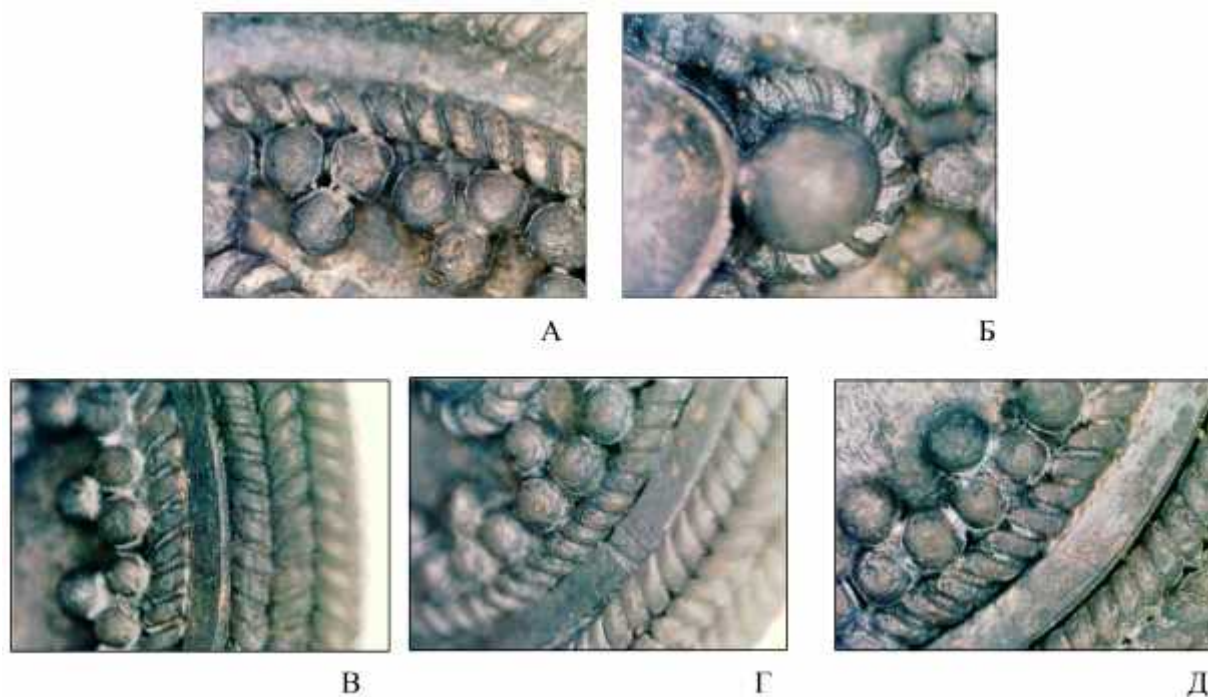

Рис. 3. Особенности зерно-филигранного декора и конструкции подвески с Роданова городища:

А – зернь и филигрань в виде торсированной проволоочки; Б – крупная зернь на подложке из торсированной проволоочки; В–Д – фиксация прокладки полоски металла между филигранными рядами в украшении

Рис. 4. Остатки припоя и следы шлифовки на месте крепления петель на изнаночных сторонах прикамских подвесок XII–XIII вв.:

- А – Вильгортский клад (фонды Чердынского краеведческого музея им. А.С. Пушкина);
Б – Пермский край; В – фонды Чердынского краеведческого музея им. А.С. Пушкина;
Г – Рождественское городище (фонды временного хранения МАЭ ПГГПУ)

УДК 902/904

DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-127-130

Брюхова Н.Г.**КОПОУШКИ ПЛОТНИКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА***

Пермский федеральный научный центр УрО РАН, Пермь, РФ

Плотниковский могильник находится в Кудымкарском районе Пермского края и датируется XIII–XV вв. Это период существования на территории Верхнего Прикамья родановской археологической культуры. Несмотря на то, что большинство погребений были разграблены, вещевой материал, обнаруженный в ходе раскопок, дает представление о материальной культуре средневекового населения «родановской эпохи».

В статье рассматривается такая категория вещей, как копоушка, которая традиционно относится к предметам гигиены. На локальном участке Плотниковского могильника из раскопок 2020–2021 гг. было обнаружено три костяные копоушки. Все три вещи имеют морфологическое сходство и относятся к «прикамскому» типу изделий по классификации С.В. Салангиной. По датировке могильника копоушки можно отнести к XIII–XIV вв. Одна из вещей обнаружена в погребении с останками мужчины, хотя по статистике, копоушки чаще встречаются в женских могилах. Похожие изделия найдены на памятниках г.Кудымкара (городище и селище), расположенных неподалеку от могильника. Можно говорить, что на данной территории в это время существовала устойчивая традиция изготовления такой категории вещей, как копоушки.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, эпоха средневековья, родановская археологическая культура, средства гигиены, копоушки.

Bryukhova N.G.**KOPOUSHKI OF PLOTNIKOVSKY BURIAL GROUND**

Perm Federal Research Center, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia

The Plotnikovsky burial ground is located in the Kudymkarsky district of the Perm region and dates back to the XIII–XV centuries. This is the period of existence of the Rodanov culture on the territory of the Upper Kama region. Despite the fact that most of the burials were looted, the material found during the excavations gives an idea of the material culture of the medieval population of the "Rodanovo era".

The article discusses such a category of things as koposhka, which traditionally refers to hygiene items. At the local site of the Plotnikovsky burial ground from excavations in 2020–2021 three bone koposushki were found. All items have morphological similarities and belong to the "Prikamsk" type of products. According to the dating of the burial ground, the kopushki can be attributed to the XIII–XIV centuries. One of the things was found in a burial with the remains of a man, although according to statistics, kopoushki are more often found in female graves. Similar items were found in the settlements of the city of Kudymkar, located not far from the burial ground.

Keywords: Perm Cis-Urals, the Middle Ages, Rodanovo archaeological culture, hygiene products, kopoushki.

Введение

Плотниковский могильник расположен на левом берегу р. Серва, левого притока р. Иньва, в 2 км к З от г. Кудымкар. Памятник находится на склоне крутого частично залесенного, частично распаханного холма. Могильник известен с XIX в., впервые он упомянут И.Я. Кривошековым [Кривошеков, 1897]. С 2007 г. памятник изучается КАЭЭ ПГГПУ под руководством Н.Б. Крыласовой и Н.Г. Брюховой (с 2010 г.) [Крыласова, Брюхова, 2016]. На сегодняшний день на памятнике изучено порядка 200 погребений.

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г. и по теме госзадания «Урал – этнокультурный перекресток Евразии», рег. № НИОКТР АААА-А19-119032590066-2

В ходе исследований 2020–2021 гг. на могильнике были обнаружены такие интересные и редкие находки, как костяные копоушки. Их описанию и анализу посвящена данная статья.

Описание источников

За время многолетних раскопок была изучена значительная площадь памятника, однако такой категории вещей, как копоушки, до 2020 г. не встречалось. Все три изделия найдены фактически на одном участке могильника.

Первая копоушка была найдена в 2020 г. в погребении № 176. В погребении было обнаружено скопление костей одного индивида, нарушение анатомического порядка скелета произошло в результате грабительского вкопа. Кости в погребении принадлежат мужчине, умершему в возрасте 30–40 лет.

Все находки концентрировались в придонной части погребения. Основную группу составили стеклянные бусы и раковины каури. Помимо этого, были найдены: нож, шумящая подвеска, глиняное пряслице, 2 свинцово-оловянистых колечка и фрагменты керамики. Копоушка располагалась на поперечной условной оси погребения, около восточной стенки.

Копоушка из погр. №176 – костяная, пластинчатая, треугольная в сечении, с трапециевидным завершением, с небольшим округлым отверстием для привешивания. По бокам имеются два дополнительных отверстия, без вырезов по краям пластины. Украшена орнаментом, состоящим из диагональных рядов циркульных кружков (по 3 в каждом ряду). Эта копоушка относится к подтипу АП2.1.2, по классификации С.В. Салангиной [Крыласова, 2007, с. 286].

Еще две копоушки были обнаружены в ходе работ 2021 г.

Одна из них находилась в погребении № 184. В погребении было обнаружено скопление костей одного индивида, образовавшееся в результате грабительского вкопа. Часть костей подверглась воздействию высоких температур. Кости в погребении принадлежат женщине, умершей в возрасте 20–25 лет.

Как и в погребении № 176, основную часть находок составили бусы и раковины каури. Помимо них были обнаружены: 2 костяные нашивки, костяной костылек-застёжка, фрагменты медальона, 3 бронзовых пронизки, железная пряжка, 4 свинцово-оловянистых колечка и развал глиняного сосуда. Копоушка находилась в центральной части погребения, около нижней челюсти.

Копоушка из погребения № 184 – пластинчатая, прямоугольная в сечении, с треугольным завершением, с небольшим округлым отверстием для привешивания, но без дополнительных отверстий и без украшений. Рабочая часть в виде ложечки утрачена, или её не было и этот край был специально приострен. Изделие соответствует типу АП.1.5, по классификации С.В. Салангиной [Крыласова, 2007, с. 286], без орнамента и без вырезов по краям пластины.

Третья копоушка была найдена в межмогильном пространстве в непосредственной близости от погребения № 184. Возможно, она также происходит из этого погребения.

Копоушка из межмогильного пространства отнесена к подтипу АП2.1.2. Она пластинчатая, треугольная в сечении, с трапециевидным завершением со сглаженными углами, с небольшим округлым отверстием для привешивания. По бокам имеются два дополнительных отверстия, нет вырезов по краям пластины. Украшена орнаментом, состоящим из диагональных пересекающихся линий (ромбическая сетка). Рабочая часть в виде ложечки утрачена.

Обсуждение материалов

У всех трех предметов есть общие черты – они сделаны из костной пластинки, примерно одного размера, имеют треугольное или трапециевидное завершение и отверстие для привешивания.

По классификации С.В. Салангиной, данные копоушки относятся к «прикамскому» типу. Автор так описывает этот тип: «К этой группе относятся, в основном, костяные, а также бронзовые и медные копоушки. Формы разнообразных конструкций, но все с приспособлением для подвешивания. Основной ареал – памятники поломско-чепецкого и ломоватово-родановского типов. Датировка прикамской финно-пермской этнокультурной группы копоушек – VIII–XIII вв.» [Салангина, 2004, с. 21].

Ближайшие по территории к Плотниковскому могильнику находки костяных копоушек происходят с Кудымкарского селища и городища. Копоушки этих памятников имеют схожие морфологические характеристики с описываемыми нами вещами. На треугольном завершении у них находится отверстие для привешивания и два боковых отверстия [Крыласова, 2007, с. 286].

Рассматривая орнамент костяных изделий средневековых памятников Пермского Предуралья, Е.А. Маврина отмечает: «Декор отдельных типов копоушек аналогичен или полностью идентичен чепецким изделиям, но выделяются и местные особенности декора», к таким особенностям автор относит: «стремление к легкости в декоре» [Маврина, 2015, с. 157].

Что касается датировки изделий с Плотниковского могильника, то нужно отметить, что собранный вещевой материал позволяет отнести данный участок памятника к XIII–XIV вв.

По исследованиям С.В. Салангиной, 70,7% погребений с копоушками являются погребениями взрослых женщин [Салангина, 2004, с. 17]. В то же время, в погребении № 176 Плотниковского могильника обнаружены кости взрослого мужчины. Но здесь требуется уточнить, что набор вещей из этого погребения трактуется, как женский [Смертин, 2018, с. 397]. Возможны варианты реконструкции событий – в разграбленную могильную яму могли попасть кости мужчины из ограбленных соседних погребений или вещи попали в засыпь погребения из других могил. А может быть, этот погребальный набор вещей был уложен с покойным сознательно.

Заключение

Таким образом, на локальном участке Плотниковского могильника было обнаружено три костяные копоушки. Две из них встречены в погребениях мужчины и женщины, а третья – в межмогильном пространстве. Копоушки имеют морфологическое сходство и относятся к «прикамскому» типу изделий, по классификации С.В. Салангиной. По датировке могильника копоушки можно отнести к XIII–XIV вв. Похожие изделия найдены на памятниках г. Кудымкара, расположенных неподалеку от могильника. Можно говорить, что на данной территории в это время существовала устойчивая традиция изготовления этой категории вещей.

Библиографический список:

1. *Кривошеков И.Я.* Указатель к карте Соликамского уезда Пермской губернии, составленный по сведениям Соликамской Земской Управы, литературным источникам и личным наблюдениям на местах действительным членом Уральского Общества Любителей Естествознания Ив. Як. Кривошековым. – Екатеринбург: Тип-я В.Н. Алексеева и П.Н. Галина, 1897. – II, 150 с.: табл.
2. *Крыласова Н.Б.* Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. – Пермь: ПГПУ, 2007. – 352 с
3. *Крыласова Н.Б., Брюхова Н.Г.* Плотниковский могильник / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. IV. – Пермь: ПГГПУ, 2017. – 222 с.
4. *Маврина Е.А.* Особенности орнамента костяных изделий средневековых памятников Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. X. – Пермь: ПГГПУ, 2015. – С. 152–162
5. *Салангина С.В.* Копоушки как исторический источник (по материалам археологических памятников Восточной Европы): автореферат диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук: специальность – 07.00.06 – Археология. – Ижевск: УдГУ, 2004. – 24 с.

6. *Смертин А.Р.* Гендерные различия в хозяйственных занятиях (по материалам Плотниковского могильника) // L Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 1-4 февраля 2018 г., Самара): Материалы Всероссийской (с международным участием) конференции / Отв. ред. С.Э. Зубов. – Самара: Самарский университет, 2018. – С.395–399

Сведения об авторе:

Брюхова Наталья Геннадьевна, научный сотрудник Отдела истории, археологии и этнографии ПФИЦ УрО РАН. E-mail: nat-bryukhova@yandex.ru.

Bryukhova Natalya Gennadyevna, research associate Department of History, Archaeology and Ethnography PFRC UB RAS. E-mail: nat-bryukhova@yandex.ru.

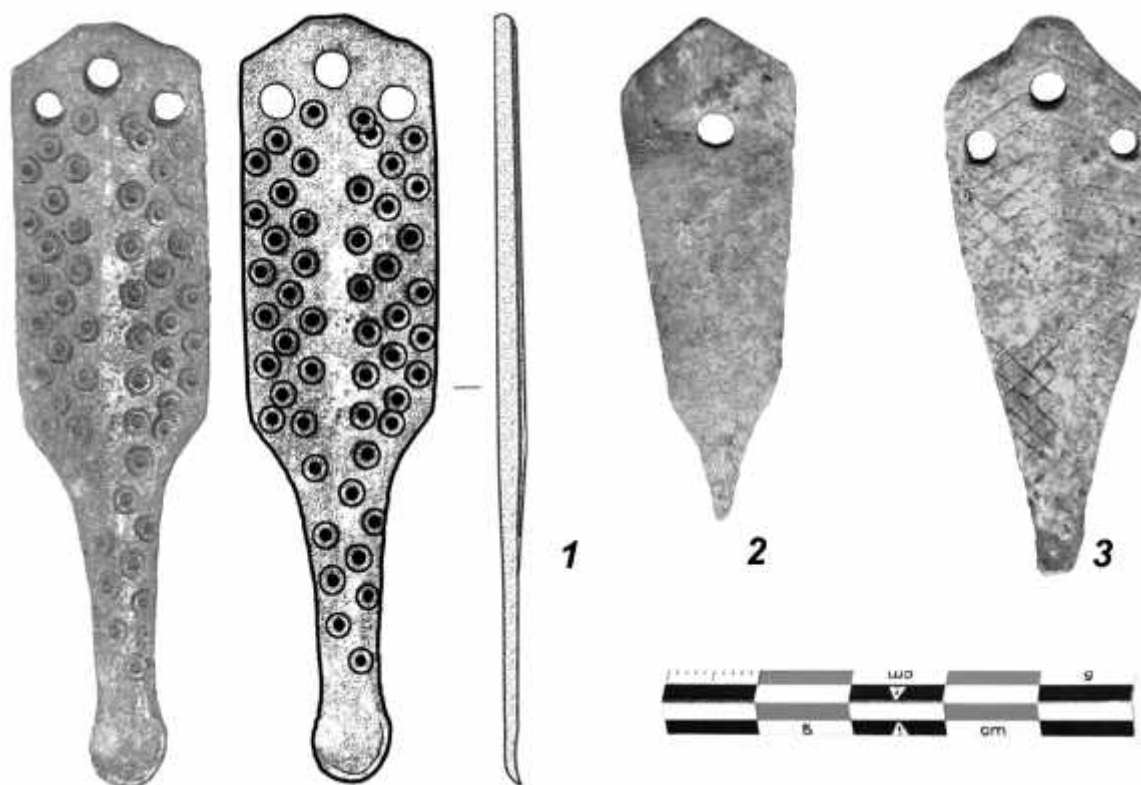

Рис. 1. Копоушки с территории Плотниковского могильника:

1 – копоушка из погребения №176 и её прорисовка; 2 – копоушка из погребения №184;
3 – копоушка с участка α /139

УДК 902

DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-131-139

Руденко К.А.**О СВЯЗЯХ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ В XIII – НАЧАЛЕ XV В.**

Государственный институт культуры, г. Казань, РФ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с контактами населения Среднего Поволжья (Булгарский Улус Золотой Орды) и Пермского Предуралья в XIII – начале XV вв. На основе анализа новых материалов, полученных пермскими археологами при раскопках Плотниковского могильника родановской археологической культуры и сравнения их с находками с селищ в пойме нижнего течения реки Кама (Песчаный остров, Лаишевское), автор делает вывод о характере этих связей. Автор предполагает, что с конца XIII в. часть пермского населения переселилась в Булгарский Улус, не теряя связей со своей родиной. По мнению автора, этому способствовала и поддержка их монгольской администрацией Булгарского Улуса. Впоследствии потомки этих мигрантов принимали активное участие в культурогенезе этой части Золотой Орды.

Ключевые слова: родановская археологическая культура, Волжская Булгария, Булгарский Улус Золотой Орды, средневековые железные накладки, Лаишевское селище, Плотниковский могильник, торговля, миграции.

K.A. Rudenko

ON THE RELATIONSHIP OF THE VOLGA BULGARIA AND THE PERM CIS-URALS IN THE XIII – BEGINNING OF THE XV CENTURY

State Institute of Culture, Kazan, Russia

The article discusses issues related to contacts between the population of the Middle Volga region (Bulgar Ulus of the Golden Horde) and the Perm Cis-Urals in the 13th – early 15th centuries. Based on the analysis of new materials obtained by Permian archaeologists during excavations of the Plotnikovo burial ground of the Rodanovo archaeological culture and comparing them with finds from settlements in the floodplain of the lower reaches of the Kama River (Peschanyi ostrov, Laishevo settlements), the author concludes about the nature of these connections. The author suggests that from the end of the XIII century, part of the Permian population moved to the Bulgar Ulus, without losing ties with their homeland. In the author's opinion, this was also facilitated by the support of the Mongolian administration of the Bulgar Ulus. Subsequently, the descendants of these migrants took an active part in the cultural genesis of this part of the Golden Horde.

Key words: Rodanovo archaeological culture, Volga Bulgaria, Bulgar Ulus of the Golden Horde, medieval iron plates, Laishevo settlement, Plotnikovo burial ground, trade, migrations.

Вопрос о связях Волжской Булгарии, средневекового государства на Средней Волге, существовавшего в X – начале XIII в., с населением Пермского Предуралья исследовался давно. Представление о материальной культуре волжских булгар, концептуально обобщенное в труде А.П. Смирнова [1951], сложилось к середине XX века. Археологические памятники коми-пермяков были в конце 1930-х гг. объединены М.В. Талицким в родановскую культуру, материальная культура которой в конце 1950-х гг. была детально изучена В.А. Обориным [Оборин, 1999, с. 256, 257]. Периодизация родановской культуры, предложенная А.В. Шмидтом и М.В. Талицким и дополненная В.А. Обориным, строилась на синхронизации ее с древностями Волжской Булгарии [Оборин, 1999, с. 257, 275], в которых в 1950-х гг. еще не было четкого деления многих категорий материальной культуры на домонгольский период и золотоордынский.

Общий хронологический пласт артефактов Пермского Предуралья X–XIV вв. выделил еще А.А. Спицин в н. XX в., а внутреннее деление их на этапы и сейчас вызывает дискуссии, во многом связанные с различными интерпретациями материалов [Оборин, 1999, с. 275–276]. Современная хронология родановской культуры основывается на материале могильников, поскольку поселения этой культуры

однослойны, в том числе, такие крупные, как Рождественское городище [Белавин, Крыласова, 2008, с. 36], и в этом отношении помочь исследователям не могут.

Что касается роли Волжской Булгарии в формировании древностей родановской культуры, то еще в 1950-х гг. О.Н. Бадером и В.А. Обориным была выдвинута гипотеза о подчинении нижекамских территорий болгарским феодалам в X – XI вв. К XII – началу XIII в. авторы отнесли высокую активность контактов болгар с населением Верхней Камы, утверждая, что благодаря торговле из Волжской Булгарии к пермякам попадали серебряные украшения, гончарная и металлическая посуда. Пик болгарского культурного воздействия, по их мнению, пришелся на XIII – XIV вв., поскольку после монгольского нашествия часть болгарского населения мигрировала в этот регион, принеся с собой новые ремесленные традиции, например, производство ювелирных изделий в скано-зерновой технике [Бадер, Оборин, 1958, с. 174–175, 177, 207]. Исследователи считали, что яркими свидетельствами присутствия мигрантов-болгар в местах проживания средневековых пермяков в XII – XIV вв. являются обнаруженные при раскопке нескольких городищ, например, на Анюшкар (Кыласовом), гончарных и кузнечных горнов [Бадер, Оборин, 1958, с. 206, рис. 54]. Так родилась гипотеза «пермского болгаризма», существующая по сей день.

Этой точки зрения на характер болгаро-пермских контактов в X–XIV вв. придерживалось большинство ученых, занимавшихся средневековой археологией Волго-Камья во второй–третьей четверти XX в. В какой-то степени это было связано с историографической традицией, сложившейся еще в 1920-х–1930-х гг. в рамках концепции болгарского торгового капитала (Н.И. Фирсов), базировавшейся на взглядах представителей русской бытоописательной археологии, воплощенной и в работах последней трети XIX в. казанского коллекционера А.Ф. Лихачева.

Скачкообразный рост археологических материалов по средневековой археологии Волго-Камья и Пермского Предуралья, произошедший в третьей четверти XX в., такое видение проблемы принципиально не изменил. Более того, новые данные, казалось бы, подтверждали ранее высказанное мнение. Это, отчасти, согласовывалось и со взглядами казанских и московских археологов, исследовавших болгарские древности в 1950-х–1960-х гг. (Н.Ф. Калинин, А.П. Смирнов). Сформировался определенный стереотип, тиражировавшийся в публикациях второй половины XX в., касающийся найденных в Прикамье ювелирных украшений в скано-зерновой технике [Оборин, 1999, с. 291, рис.7]. Их считали исключительно болгарскими по изготовлению, исходя из предположения, что местные ремесленники не владели этими приемами и не могли их освоить [Розенфельдт, 1987, с. 159]. Это отразилось и в работах пермских ученых конца XX – начала XXI в. [Белавин, 2000].

В.А. Оборин предполагал, исходя из находок родановских украшений на болгарских памятниках, что в домонгольское время, в основном, в XI–XII вв., родановцы проживали в Волжской Булгарии. По его мнению, это были торговцы-мужчины и женщины, вышедшие замуж за болгарина или попавшие в плен к болгарам. В то же время В.А. Оборин утверждал, что и болгарские купцы пребывали на родановских городищах, например, на Городищенском (со ссылкой на данные А.М. Белавина). В XIII – XIV вв., по мнению исследователя, болгарское присутствие усилилось вследствие миграции болгар после монгольского нашествия в Прикамье. Болгарская керамика была зафиксирована на Рождественском и Анюшкарском городищах. Не исключал исследователь проникновение вместе с болгарями и кочевников, даже монгол [Бадер, Оборин, 1958, с. 175, 177; Оборин, 1999, с. 291]. Правда, датировка этих материалов строилась, в основном, на предположении о миграции болгар на север из разоренных монголами центральных районов Булгарии, в основе которой было высказанное в середине XX в. мнение Н.Ф. Калинина, поддержанное А.П. Смирновым. Эта концепция бытует и сейчас.

В этой связи стоит отметить, что подробно опубликованные в начале XXI в. болгарские материалы Рождественского городища, в первую очередь, керамика, датируются не позднее XII в. [Белавин, Крыласова, 2008, с. 227–242, рис. 107/124], что согласуется и с датировкой материалов городища средневековых удмуртов – Иднакара. Из самих болгарских поделок на Рождественском городище хорошо выделяются немногочисленные реплики аскизских изделий второй половины XI – первой половины XII в. [Белавин, Крыласова, 2008, с. 487, рис. 213/ 2–6, 10, 13, 15, 18, 20, 24–25].

При этом казанские археологи отмечали иную картину – появление в золотоордынский период родановской керамики на селищах низовий Камы. Среди них – чашевидные сосуды с примесью толченой раковины, украшенные штампованным орнаментом [Казаков, 1988, с. 75, рис. 2/2, 4–6], округлодонные сосуды с толченой раковинной в тесте с полочковидными ручками [Казаков, 1993, с. 118, 124, рис. 2/9, 11], аналогии которым имеются в родановской керамике. Т.А. Хлебникова эту керамику на Болгарском городище выделила в XVIII этнокультурную группу, датировав ее только золотоордынским временем [Хлебникова, 1988, с. 36, рис. 21].

Отметим, что родановская керамика на памятниках Булгарской области Золотой Орды нередко встречается с древнерусской с примесью дресвы или «славяноидной» с примесью толченой раковины [Старостин, Казаков, 1992, с. 131, рис. 9/7]. Последняя распространяется на селищах низовий Камы со второй половины XIV в. [Руденко, 2019, с. 108].

Уточнить датировку родановских находок на поселениях золотоордынского времени Булгарской области Золотой Орды помогли исследования селища Песчаный остров в 1992–1994 гг. под руководством К.А. Руденко. Оно существовало с к. XIII в. до второй трети XIV в. [Руденко, 2020, с. 199–200]. Ранний комплекс последней четверти – конца XIII в. представлен родановской лепной посудой, а финальный – гибридными формами, в том числе, с полочковидными ручками, нередко с подправкой на гончарном круге [Руденко, 1994, с. 126–127, 136, рис. 6]. Трансформации посуды происходили в пределах одного поселения на протяжении жизни двух поколений. При этом сосуды сохранили округлодонность и примесь толченой раковины.

Эта посуда достаточно широко представлена на памятниках начала – первой половины XIV в. низовий Камы. Особенно выразительный комплекс ее выявлен на Лаишевском (Чакма) селище, где она встречена как в культурном слое, так и в сооружениях. Это чашевидные или котловидные изделия открытых и закрытых форм с полочковидными ручками, нередко украшенные оттисками гребенчатого («личинковидного») штампа [Руденко, 1999, с. 90, 86, рис. 5/11, 20, 25–27, 31].

Лаишевское селище в домонгольское время была крупным центром металлургии железа и кузнечного дела на северной периферии булгарских земель, а также торговым пунктом на Камском пути, связанным не только с местными рынками, как городскими, так и сельскими, но и имевшим контакты с достаточно отдаленными территориями, в частности, с Удмуртским Прикамьем [Руденко, 1999, с. 102].

С Чакмой оказался непосредственно связан интересный памятник родановской культуры – Плотниковский могильник в Кудымкарском районе Пермского края, что было отмечено авторами публикации материалов этого некрополя [Крыласова, Брюхова, 2017, с. 140]. В захоронениях в составе погребального инвентаря встречаются элементы поясного гарнитура – железные накладки с кольцами-подвесками в виде многолепестковой розетки с округлыми окончаниями и прорезные прямоугольные накладки (погр. 3) [Оборин, 1999, с. 272, рис. 4/2, 3, 6; Крыласова, Брюхова, 2017, с. 49, 95, рис. 4Б/4–5, 7, 10–12]. Кроме этого в ряде погребений пояс украшали прямоугольные железные пластины с декоративными элементами в виде миниатюрной розетки (погр. 4) или с двумя прорезями, разделенными узким выступающим «гребнем»

(погр.118) [Крыласова, Брюхова, 2017, с.50, 95, рис. 5/2; 79/1]. Они имеют точные аналогии на Чакме²².

Рассмотрим эти аналогии подробнее. На Лаишевском селище найдено 4 железные поясные накладки. Первая из них подпрямоугольной формы, плоская, выгнутая вверх на 0,4 см (АКУ-271/1109); размер – 5,5 x 2,5 x 0,5 см (рис.1/1). Боковые стороны ее чуть вогнутые, имеют посередине неглубокие выемки шириной 0,6 см. Крепилась она к основе четырьмя шпёнками, округлые головки которых были сделаны заподлицо с лицевой стороны изделия. С обратной стороны шпёнок фиксировался небольшой шайбой. Ширина основы – 0,3 см.

Вторая накладка – прямоугольной формы плоская, ровная, толщиной 0,25 см (АКУ-271/1043); размер – 5 x 2,5 x 0,4 см (рис. 1/2). Торцовые края изделия имеют зубчатый край; посередине, ближе к левому краю, находятся две прорези длиной 1,3 см и шириной 0,3 см. Между ними находится небольшая чуть выступающая перемычка с имитацией витя. С правого края имеется невысокий выступающий бугорчатый бордюр. Крепилась накладка к основе четырьмя угловыми шпёнками с округлыми шляпками заподлицо.

Третья накладка – прямоугольной формы, плоская, выгнутая на 0,35 см (АКУ-271/2615); размер – 5,8 x 2,2 x 0,6 см (рис. 1/3). Боковые стороны чуть вогнуты; с торцов – небольшие округлые выемки, диаметром 0,5 см. Посередине пластины с лицевой стороны прикреплена шпёнком миниатюрная многолепестковая розетка диаметром 0,6 см. К основе крепилась четырьмя шпёнками, расположенными по углам изделия. Головки шпёнков выступают на лицевой стороне на 0,15 см.

Четвертая накладка – прямоугольной формы, плоская, толщиной 0,2 см, немного выгнута вверх на 0,3 см (АКУ-271); размер – 4,5 x 2,4 x 0,7 см (рис. 1/4). В центре – круглая шайба, диаметром 1,6 см, закрепленная большим стержнем с полусферической шляпкой диаметром 0,4 см; длина сохранившейся части стержня – 0,5 см. К основе крепилась двумя шпёнками с квадратными шляпками, выступающими на 0,15 см на лицевой стороне. Они расположены в двух местах – у узких торцов.

В комплект с последней пластиной, видимо, входили фигурные накладки в виде многолепестковой розетки диаметром 2–2,5 см, с петелькой, к которой крепилось колечко. Судя по наиболее сохранившимся пяти экземплярам (АКУ-251/820–1,2; 271/1120,1112,1211; V С.с.-84/84) они были вырезаны из пластины толщиной до 0,25 см с выступом длиной около 4 см, который после загиба образовывал петлю диаметром 0,3 см. Окончание петли фиксировалось шпёнком. Иногда, этим же шпёнком с лицевой стороны закреплялся декоративный диск диаметром 1 см (рис. 1/5–6). Изделия эти плоские, стандартные по размеру. На Лаишевском селище их диаметр был 2,5 см; на V Семеновском – 2 см. Крепление накладок, видимо, осуществлялось двумя шпёнками (рис. 1/7).

Интересны бронзовые пронизки (рис. 1/9–11) [Руденко, 1999, с. 97, 98, рис. 10/20–21, 34], близкие тем, что были встречены в захоронениях Плотниковского могильника. Лаишевские пронизки практически одного типа – цилиндрические с шаровидными расширениями и с колечками для привесок. По размещению колечек можно выделить два типа этих артефактов. Первый – цилиндрическая пронизка (24,7 x 14 x 10 мм) (рис.1/9), диаметром 9 мм с двумя (?) шаровидными расширениями, из которых сохранилась только одно, диаметром 10 мм; между ними имелись два колечка диаметром 9 мм. Цилиндр был украшен имитацией накрученной тонкой ленточкой шириной 1,85 мм. Поделка отлита по восковой модели.

Ко второму типу относятся две пронизки, аналогичные предыдущей, но колечки у них расположены по обеим сторонам изделия между шаровидными расширениями

²² Прямоугольные накладки с фигурным краем и декоративными элементами нами ранее были ошибочно атрибутированы как детали от доспеха [Руденко, 1999, с. 87, 94, рис. 8/32–34]

(рис.1/10–11). Первая из них (29 x 16 x 10,72 мм) цилиндрической формы диаметром 8 мм (внутренний – 3,93–4,8 мм), с двумя шаровидными расширениями диаметром 11,4 мм (одно из них сохранилось на $\frac{1}{4}$) (рис. 1/10). От края расширения до среза пронизки – 3,3 мм. Тулово цилиндра украшено имитацией накрученной узкой полоски. Пронизка отлита по восковой модели. На бусине имеется литейный брак.

Вторая пронизка этого типа сохранилась целиком: цилиндрической формы (34,3 x 12,4 x 11,7 мм) с двумя шаровидными расширениями диаметром 12 мм (рис. 1/10). Диаметр цилиндра – 8 мм; внутренний диаметр – 3,47 мм. У шаровидных элементов по бокам есть сквозные прорезы длиной 5,8 см. Между последними имеются следы двух колечек, которые, скорее всего, при отливке не получились. Цилиндр украшен имитацией плотно накрученной проволоки, а основание шаровидных элементов и переход от них к цилиндру – тонкими наколами, которые должны были напоминать витую сканую проволоку. Очевидно, что они были нанесены на восковую модель, по которой была и сделана отливка. Пронизки этих типов являются общими для перми вычегодской и для носителей родановской культуры. Встречаются они чаще всего в XIII в. [Савельева, 1987, с. 177, рис. 37/115, 117]. При этом комплекс боченовидных и колесовидных бронзовых бус и разделителей с Чакмы связан с древностями средневековой карелы [Руденко, 1999, с. 97–98, рис. 10/17–19].

На Чакме найдены кольцевые нашивки и подвеска квадратной формы из свинцово-оловянистого сплава [Руденко, 1999, с. 96, рис. 9/5–6; 10/25]. Идентичные нашивки встречены в погребениях 9, 24, 33, 45, 81, 95 Плотниковского могильника, а подвеска – в погребении 64 этого некрополя [Крыласова, Брюхова, 2017, с.53, 60, 62, 67, 74, 83, 87, рис. 10/8–9; 18/12; 24/3; 32/2; 60/5; 67/3; 44/1]. Стекланные бусины из захоронений практически все имеют аналогии в бусинном материале Чакмы.

При этом на Плотниковском могильнике имеются изделия, характерные для местного ремесла. Это серебряные височные украшения – однобусинные кольца, выполненные в скано-зерновой технике (погр. 25) [Крыласова, Брюхова, 2017, с. 153, рис. 92/3]. Особый интерес представляют серебряные щитковые перстни из захоронений этого некрополя [Брюхова, Подосёнова, 2015, с. 304–311]. Их оформление не имеет отношения к болгарской традиции, а совпадение приемов изготовления можно объяснить наиболее оптимальным способом производства таких изделий. Скорее всего, это уже образцы работы пермских ювелиров. Отметим, что именно перстни этого типа и оформления в XIII в. встречаются в вымских могильниках на Верхней Каме [Савельева, 1987, с. 126, рис. 34/4–9, 12–15; рис. 37/113], но их нет в Казанском Поволжье. Здесь в это время встречаются серебряные пластинчатые широкосрединные перстни, но иного дизайна. Не менее интересна погребальная керамика Плотниковского могильника, где имеются сосуды чашевидных, котловидных форм с полочковидными ручками, украшенные гребенчатым штампом, а также небольшие сосуды типа кружек с кольцевыми ручками. Такие формы сосудов имеются на Чакме.

Исследователи Плотниковского могильника считают, что он оставлен местным населением [Брюхова, 2015, с. 46]. Вместе с тем, многочисленные аналогии предметам погребального инвентаря на селище Чакма в нижнем течении Камы требует своего объяснения. При этом ни одно другое поселение поблизости от Чакмы не дает такого рода находок. Кроме керамики, близкой к родановской, которая встречается на поселениях на притоках Камы в нижнем ее течении достаточно часто.

В первую очередь, отметим пояса с набором железных накладок. Форма их, как, собственно, и комплектность, не имеют истоков ни у пермян, ни у болгар домонгольского времени. У последних железные накладки использовались, как правило, для украшения конской сбруи, соединения ремней уздечки и, что гораздо реже, пояса. К тому же у болгар изготовление железной ременной гарнитуры прекратилось к рубежу XII – XIII вв.

Дизайн плотниковских накладок – использование декоративных прорезей, выступающих элементов с насечками, и особенно часто, мотивов розетки, – инновация. В какой-то мере декоративные прорези, фигурные окончания накладок можно сопоставить с бронзовой поясной гарнитурой в вымских могильниках XIII – XIV вв. [Савельева, 1987, с.138, рис. 36/17–18, 24–25], но мотив розетки там отсутствует. Последний встречается на железных накладках с золотоордынских поселений Суздальского Ополя и поселений района Куликова Поля [Гоняный, 2005, с. 99, табл.7/7, Шполянский, 2019, с. 235, рис.4/1–3, 5]. Причем аналогии родановским железным накладкам в русских землях единичны. Наибольшей популярностью здесь пользовались узкие железные накладки, у которых посередине и на окончаниях были расположены миниатюрные многолепестковые розетки [Гоняный, 2005, с. 100, табл.8/4, 10–11]. Кроме того, в Вымских могильниках имеется аналог поясных прямоугольных накладок (Кокпомьягский могильник, погр.188) [Савельева, 1987, с. 138, рис. 36/14]. Отметим, что поясной набор с железным гарнитуром зафиксирован в мужском захоронении (погр.118) Плотниковского могильника [Крыласова, Брюхова, 2017, с. 43–44]; к сожалению, два других оказались разрушенными и определить, чьи они были, мужские или женские, установить невозможно.

Приведенные выше материалы позволяют считать, что часть людей, похороненных на Плотниковском могильнике, или их родственники жили на Чакме. Это событие имело место в конце XIII – начале XIV в. Это было отражением новой политической ситуации, связанной с завоеванием Волжской Булгарии монгольскими войсками в 1230-х гг. и вхождением ее земель, в том числе и тех, которые были под ее контролем, в состав Улуса Джучи (Золотой Орды). Образовалось единое экономическое и культурное пространство, которое позволяло беспрепятственно перемещаться внутри него небольшим этническим группам на достаточно большие расстояния. Имевшие место в домонгольское время контакты волжских болгар и населения Верхней Камы (родановцев) в раннезолотоордынский период переросли в новую фазу коммуникации, что отразилось в материалах памятников Пермского Предуралья и поселений нижнего течения Камы последней трети XIII – первой половины XIV в.

Пока достаточно хорошо прослеживается проникновение небольших групп переселенцев из Пермского Предуралья в конце XIII в. в центральные районы Булгарской области Золотой Орды по Каме. Здесь они оседали чаще всего на краю надлуговых террасах левого и правого берегов Камы, высоких останцах в камской пойме, не затапливаемых в половодье, а также на берегах притоков Камы (например, Актай, Брысса). Это был относительно небольшой участок территории от современного Чистополя на Каме и до Булгара на Волге. Природные и ландшафтные условия этих мест были благоприятны для ведения комплексного хозяйства, что, вероятно, утаивало мигрантов. Часть их осталась здесь, достаточно быстро адаптировавшись, войдя в состав населения Булгарского Улуса, и практически полностью ассимилировалась в дальнейшем; часть находилась здесь сезонно, не теряя связь с родиной. Этим, вероятно, объясняются и инновации в материальной культуре поселений Пермского Предуралья в XIV – начале XV в.

Существенно влияли на эти процессы и переселения в золотоордынское время в Пермское Предуралье групп населения с территории вымской культуры [Оборин 1999, с. 288], придавших своеобразие многим чертам местной материальной культуры, например, украшениям костюма. Отсюда эти инновации вместе с носителями передавались уже в Булгарский Улус.

Такая ситуация не была исключительным явлением в Булгарском Улусе. В этот же период в западной его части расселяется мордва. Их поселения, в том числе и весьма крупные, известны южнее – на Самарской Луке (например, Муранское селище и могильник). Кстати, здесь они соседствуют с возникшими во второй половине XIII в.

русскими селениями (Березовское селище). Во второй половине XIII – XIV вв. мордва с юга поднимается вверх по Волге, оседая в Предволжье (мордва-каратаи), небольшими группами в нижнем течении Меши (Карташихинские селища и могильники, Рождественские захоронения), а также в устье Казанки. Пойменные территории их не интересовали.

Чаще всего эти этнические анклавы какое-то время существовали достаточно автономно, учитывая тот факт, что значительная часть болгарских земель после завоевания была в запустении, а оставшееся местное население (булгары) было немногочисленно. Не исключено, что политику «искусственной колонизации» в северной части Золотой Орды поддерживала и монгольская администрация, поскольку ряд пермских поселений возник в местах сезонных кочевий, а впоследствии и постоянного обитания кочевого населения Булгарского Улуса.

В первой – второй трети XIV в. осевшие в Среднем Поволжье потомки пермян «первой волны» появились в городах, например в Булгаре и Джукетау, а также на ряде поселений в бассейне Малого Черемшана. Материальная культура их во многом оказалась сnivelирована ордынской «модой», сохранив своеобразие, в основном, в традиционной керамике, но уже претерпевшей весьма существенную трансформацию ранее (селище Песчаный остров). В середине – второй половине XIV в. по-прежнему сильной была их связь с кочевниками Булгарского Улуса и с зависимым от них населением (носители так называемой «славяноидной» керамики).

Таким образом, вышерассмотренные материалы демонстрируют необычные аспекты процессов этнокультурного взаимодействия, происходившие в золотоордынское время в Волго-Камье.

Библиографический список:

1. Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. – Пермь: Пермск. книжн. изд-во, 1958. – 244 с.
2. Белавин А.М. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: ПГПУ, 2000. – 200 с.
3. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. I. – Пермь: ПГГПУ, 2008. – 603 с.
4. Брюхова Н.Г. Система питания средневекового населения Пермского Предуралья, как индикатор биологической и социальной адаптации (по данным антропологии) // Вестник Пермского научного центра. – 2015, №4. – С.42–47
5. Брюхова Н.Г., Подосёнова Ю.А. Перстни «булгарского» типа из материалов Плотниковского могильника родановской археологической культуры: техника изготовления // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. Т.17. №3. – С. 304–311
6. Гоняный М.И. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII – третьей четверти XIV в. района Куликова поля (на примере украшений ременной гарнитуры) // Русь в XI – XIV веках: взаимодействие Севера и Юга / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. – М.: Наука, 2005. – С. 85–100
7. Казаков Е.П. Булгарские памятники приустьевой части Закамья и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х.Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФАН, 1988. – С. 71–82
8. Казаков Е.П. Коминтерновское II селище // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: ИЯЛИ АНТ, 1993. – С. 117–129
9. Крыласова Н.Б., Брюхова Н.Г. Плотниковский могильник / Археология Пермского края: Свод археологических источников. Вып. IV. – Пермь: ПГГПУ, 2017. – 222 с.
10. Оборин В.А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. – С. 255–298

11. Розенфельдт Р.Л. Коми-пермяцкие племена в IX–XI вв. Родановская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Серия: Археология СССР) / Отв. ред. В.В. Седов. – М.: Наука, 1987. – С. 153–162
12. Руденко К.А. Алексеевское селище и могильник («у дамбы») в Татарии // Археология и этнография Марийского края. Вып.23: Проблемы средневековой археологии волжских финнов / ред. Г. А. Архипов, Т. Б. Никитина. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. – С.121–139
13. Руденко К.А. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI — XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы Международного полевого симпозиума / отв. ред. М. Г. Иванова. – Ижевск-Глазов: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. – С. 73–102
14. Руденко К.А. Культурно-хронологический аспект бытования славяноидной керамики в XIII–XIV вв. в Булгарской области Золотой Орды (по материалам Лаишевского селища) // Поволжская археология. – 2019, №2(29). – С.96–113
15. Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. – Л.: Изд-во ун-та, 1987. – 200 с.
16. Смирнов А.П. Волжские булгары. – М.: ГИМ, 1951.– 295 с.
17. Старостин П.Н., Казаков Е.П. Булгарское поселение в урочище «Чакма» // Археология и этнография Марийского края. Вып. 21: Средневековые древности Волго-Камья / Отв. ред. Г.А. Архипов. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. – С. 125–142
18. Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1988. – С. 7–102
19. Шполянский С.В. Накладки из черного металла со средневековых памятников Суздальского Ополя // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 15. – М.: ИА РАН, 2019. – С. 227–245

Сведения об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор Казанского Государственного института культуры. E-mail: murziha@mail.ru.

Rudenko Konstantin A. Dr. habil. (History), professor, Kazan State Institute of Culture. E-mail: murziha@mail.ru.

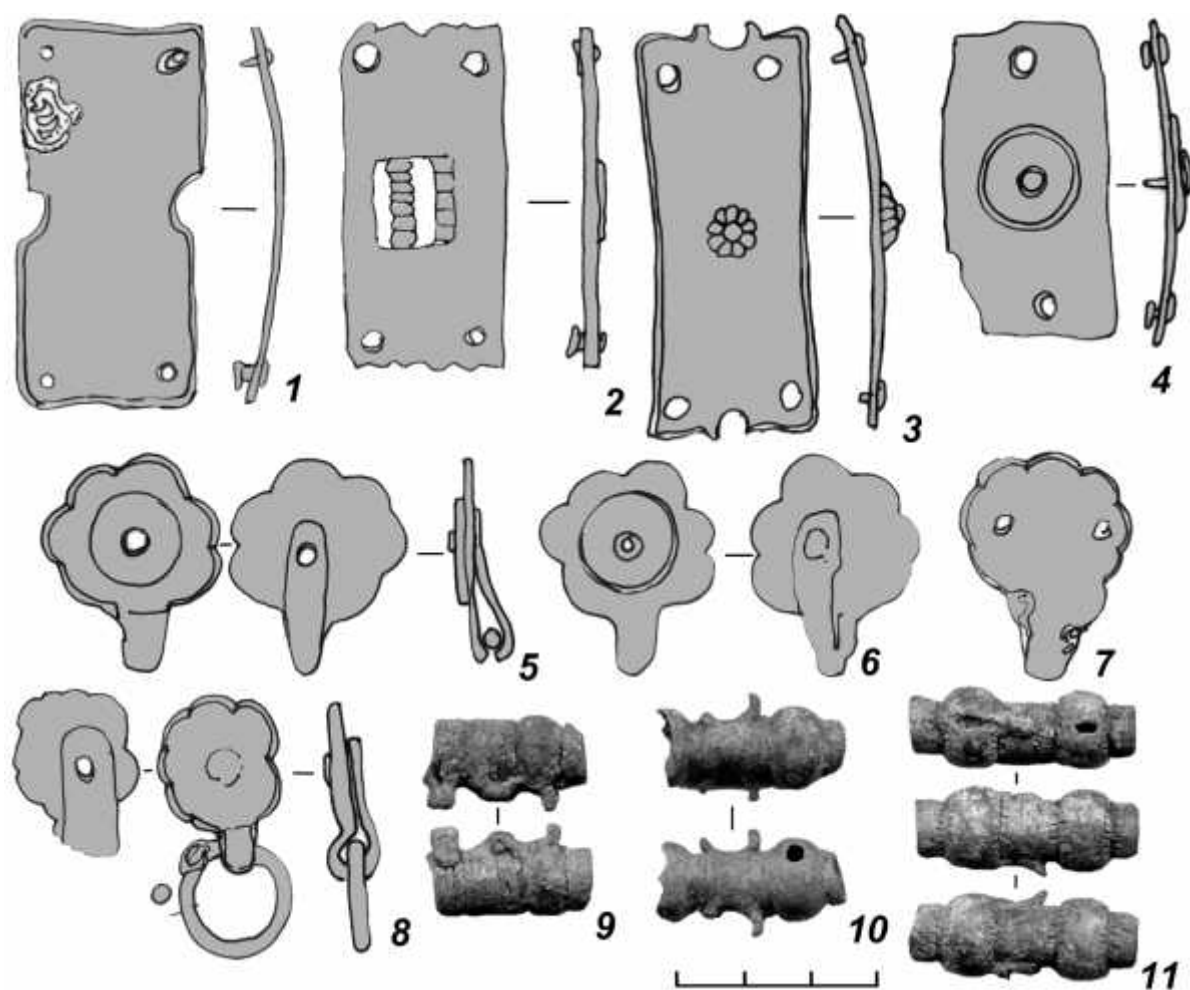

Рис.1. Железные поясные пластины (1-4), фигурные накладки (5-8) и пронизки (9-11).
 1 – АКУ-271/1109; 2 – АКУ-271/1043; 3 – АКУ-271/2615; 4 – АКУ-271; 5 – АКУ-251/820;
 6 – без шифра; 7 – АКУ-271/1211; 8 – МА ИА АН РТ, V С.с.-84/84; 9–11 – без шифра.
 1–7 – Лаишевское селище (Чакма); 8 – Семеновское селище; 9–11 – Лаишевское II
 (Серебрячихинское) местонахождение. 9–11: бронза; остальное – железо

ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ УРАЛА

УДК 902

DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-141-145

Смертин П.Р.**АНАЛИЗ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ОСТАНКОВ, ПРОИСХОДЯЩИХ
ИЗ КЛАДБИЩА Г. СОЛИКАМСКА: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ**

Пермский государственный научно-исследовательский университет, Пермь, РФ

В статье обозначен исторический контекст человеческих захоронений, обнаруженных при раскопках в г. Соликамске в 2007 г. Также, определены перспективы антропологического исследования скелетных останков и сделаны замечания по половозрастной структуре части ископаемой популяции.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, Соликамск, антропология, кладбище, половозрастной состав.

Smertin P.R.**ANALYSIS OF ANTHROPOLOGICAL REMAINS FROM THE CEMETERY OF
SOLIKAMSK: HISTORICAL CONTEXT**

Perm state national research university, Perm, Russia

Abstract. The article marked by the historical context of human burial discovered during excavations in Solikamsk city in 2007 year. Also, the prospects for the anthropological research of bone remains and comments are made on the sex and age structure of a part of the fossil population.

Key words: Permian Pre-Ural, Solikamsk, anthropology, cemetery, sex and age composition.

В июле 2007 г. Краевым центром охраны памятников Пермского края было выявлено разрушение культурного слоя археологического памятника «Соликамск, город» в охранной зоне архитектурных памятников «Церковь Богоявления» и «Дом воеводы». В результате несогласованных земляных работ было разрушено 7 погребений древнего кладбища по адресу г. Соликамск, ул. Набережная, 82 [Ремезовская, Чуйкина, 2007].

В августе-сентябре 2007 г. на этом участке памятника были проведены охранные археологические раскопки (руководитель раскопок – Н.Е. Соколова, сотрудник Пермского краеведческого музея), при проведении которых были обнаружены ещё 13 погребений [Соколова, 2007]. Всего обнаружено 20 погребений. Из них скелетные останки лишь из 12 захоронений²³, полученных в результате раскопок, проводимых Н.Е. Соколовой, доступны для изучения. Текущее местоположение останков из «последнего» захоронения (в отчёте обозначено как погребение №12) неизвестно.

Антропологические останки, собранные при проверке инспектора ГКУК «КЦОП» в июле 2007 г., вывезены в г. Пермь для проведения судебно-медицинской экспертизы [Ремезовская, Чуйкина, 2007]. Анализ отправленных в ПКБ СМЭ останков показал время, прошедшее с момента смерти индивидов – более 100 лет. Дальнейший антропологический анализ останков не проводился [Жуковский, Якушева, 2008]. Никаких данных о текущем местоположении останков не найдено, кости, вероятно, утилизировали²⁴.

²³ В настоящий момент антропологические останки из этих 12 погребений находятся в фонде МАЭ ПГГПУ.

²⁴ В поиске данных посочаствовали: М.Н. Rogoznikova – врач ПКБ СМЭ, сотрудник Пермского краеведческого музея – Н.Е. Соколова, к.и.н., доцент кафедры Отечественной и всеобщей истории, археологии исторического факультета ПГГПУ – П.А. Корчагин, ведущий консультант отдела государственного надзора Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Пермского края – Д.А. Демаков и сотрудники КАЭ ПГНИУ – Е.В. Чуйкина и А.В. Усов, за что им отдельная благодарность от автора статьи.

Таким образом, доступными для исследования оказались останки 12 индивидов, происходящих из 12 погребений. Перед изучением кости были очищены от грунта сухим методом, чтобы избежать последующей деформации. Определение²⁵ половой принадлежности индивидов проводилось по черепу и нижней челюсти [Алексеев, Дебец, 1964], тазовым костям [Алексеев, 1966]. Для определения возраста смерти индивида использовались морфологические методики – соотнесение «шовного» (фиксирувалась степень зарастания внутренних и наружных швов черепа) [Алексеев, Дебец, 1964; Meindl, Lovejoy, 1985, с. 57-66], «зубного» (определение степени стертости зубов) [Зубов, 1968; Lovejoy и др., 1985, с. 15–28] и «скелетного» (определение степени сформированности и старения костей посткраниального скелета) [Алексеев, 1966] возрастов. Для детских скелетов возраст определялся по уровню формирования зубов [Ubelaker, 1978] и по размерам длинных костей с неприсосшими эпифизами [Ferembach и др.]. Для более достоверного результата, произведено склеивание одного черепа, который был разрушен в результате строительных работ (погребение №3).

Из всей выборки достоверно определено: 5 мужчин, 4 женщины и 3 ребенка (табл. 1). Здесь мы можем наблюдать почти равное соотношение мужчин и женщин, относительно высокую детскую смертность (25 %, т.е. четверть захороненных на исследованном участке индивидов – дети), характерную для средневековой эпохи Пермского Предуралья (по результатам демографического анализа некрополей ломоватовской и неволинской культур [Смертин, 2020, с. 313–316]). Такой результат демонстрирует обычную половозрастную структуру, характерную для случайной выборки с некрополя, где хоронились жители поселения. На костях индивидов не обнаружено повреждений, которые косвенно могли являться причиной смерти.

Стоит обратить внимание, что в литературе встречается гипотеза о существовании в рамках изученного кладбища коллективного захоронения защитников города XVI в. Впервые эта гипотеза появляется после проверки памятника инспектором ГКУК «КЦОП» на официальном сайте организации [Ремезовская, Чуйкина, 2007]. Там сказано о гибели жителей города, ориентировочно в середине XVI в., которую связывают с набегом Ногайской орды в 1547 г.

Свидетельства ногайских набегов этого времени указаны в «Пермской старине» А.А. Дмитриева [Дмитриев, 1889, с. 184] и «Пермской летописи» В.Н. Шишонко [Шишонко, 1881, с. 39]. Подобные нападения на Соликамск также случались в 1552 и 1581 гг. [Шишонко, 1881, с. 39; Дмитриев, 1889, с. 185]. Здесь автор настоящей статьи не берет во внимание многократные набеги XV–XVI вв. сибирских, поволжских и южноуральских народов на другие «русские» поселения окрестностей Перми Великой. Особого внимания заслуживает нападение на Пермь Великую в 1581 г. [Дмитриев, 1889, с. 185]. Во время этого нападения были разорены Чусовские городки, Сылвенский и Яйвенский острожки и сожжен Соликамск.

Соликамский историк Г.А. Бординских связывает эту часть кладбища с захороненными защитниками города XVI в. Исходя из слов автора, на месте погребений в прошлом находилась часовня, поставленная в память о защитниках города. Также об этой часовне сохранилось предание, что рядом с ней похоронены погибшие в результате набега 1581 г. Однако, автор связывает эти захоронения с более ранними историческими событиями, произошедшими до 1581 г. [Бординских, 2007]

Интересно соотношение воинских захоронений и построение рядом с ними часовен в память о событиях. В Соликамске известно несколько часовен, построенных над погребениями защитников города [Бординских, 2007]. Так, часовня, ранее существовавшая рядом с изучаемым кладбищем, относилась к Богоявленской церкви.

²⁵ Половозрастные определения выполнены автором настоящей статьи (при научной консультации н.с. ПФИЦ УрО РАН – Н.Г. Брюховой).

Известно, что Церковь Богоявления, построенная в 1687–1695 гг., пользовалась у соликамцев особым почетом [Косточкин, 1988, с. 78].

Автор раскопок 2007 г. – Н.Е. Соколова не считает раскопанную часть некрополя воинским захоронением XVI в. На это указывает несколько факторов, в первую очередь, – разновременность погребений. Некоторые ранние погребения были потревожены при создании более поздних погребений. Также часть погребений была осуществлена до пожара второй половины XVII в. (автор указывает на 1672 или 1688 гг.), а часть – после [Соколова, 2007, с. 21]. Погребения имеют некоторые отклонения в ориентировке, глубине и положении могильных ям относительно друг от друга, а захоронение умерших совершено как в колодах, так и в гробовищах, что тоже может указывать на разновременность погребений [Соколова, 2007, с. 22]. Однако автор раскопок не отрицает возможности существования коллективного захоронения защитников Соликамска XVI в. в рамках изучаемого кладбища. Возможно, такое коллективное погребение могло положить начало всему некрополю, просуществовавшему до середины XVIII в. [Соколова, 2007, с. 22]. Существование кладбища на протяжении нескольких столетий также указывает на то, что в раскоп 2007 г. попала часть регулярного городского кладбища.

При археологическом изучении г. Чердыни существовала подобная интерпретация исторического контекста захоронений «85 убиенных воинов», погибших при набеge Ногайской орды 1547 года. Однако антропологический анализ скелетных останков показал несостоятельность этой гипотезы и признал выборку случайной [Брюхова, 2008, с. 46–48].

Много факторов указывает на то, что на кладбище, к которому относится часть погребений, раскопанных в 2007 г., может располагаться коллективное захоронение воинов-защитников города XVI века. Однозначный ответ на этот вопрос может дать лишь поиск достоверных архивных источников и дальнейшее археологическое изучение кладбища (последнее, безусловно, приемлемо лишь при охранно-спасательных раскопках). Раскопанную часть некрополя можно признать обычным городским кладбищем, которое не относится к военным столкновениям XVI века. Антропологический анализ подтверждает данные археологии. Это возможно ввиду отсутствия следов насильственных повреждений на костях индивидов, которые косвенно могли привести к смерти. Наличие как мужских, так и женских погребений и значительной части погребений детей, умерших в разном возрасте, также подтверждает данные археологии. Возраст смерти мужчин также не соотносится с «возрастом новобранцев» [Ражев, 2009, с. 53] (неопытных бойцов, часто погибавших в раннем возрасте около 15–20 лет).

Хорошая сохранность костей позволит в дальнейшем выполнить полноценное антропологическое исследование. Возможно проведение краниометрических (доступно для изучения 8 взрослых черепов разной сохранности) и остеометрических измерений, изучение одонтологических особенностей, анализ прижизненных травм и патологий. Эти данные позволят провести расовую диагностику, сделать выводы о степени адаптации населения, санитарно-гигиеническом состоянии группы и особенностях питания. Важным аспектом будущей научной работы будет сравнение антропологических данных с данными по другим некрополям средневековья и нового времени Пермского Предуралья и прочих территорий.

Библиографический список:

1. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 127 с.
2. Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1966. – 248 с.

3. *Бординских Г.А.* Погребения 16 века в г. Соликамске [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГКУК «КЦОП». URL: <http://kcop.ru/pages001.htm> (Дата обращения: 15.03.2021).
4. *Брюхова Н.Г.* Антропологический материал из раскопа Чердынъ Посад 1-54(05) // Вестник МАЭ ПГГПУ. Вып. II. – Пермь: ПГПУ, 2008. – С. 46–48
5. *Дмитриев А.А.* Пермская старина: сборник исторических статей и материалов, преимущественно о Пермском крае. Вып. 1: Древности бывшей Перми Великой / [соч.] Александра Дмитриева, преподавателя Перм. муж.и Мариин. жен. гимназий... – Пермь: издание автора, 1889. – 197 с.
6. *Жуковский А.С., Якушева М.Н.* Опыт взаимодействия органов охраны памятников истории и культуры с бюро судебно-медицинской экспертизы // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию со времени образования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск: УдГУ, 2008. – С. 496.
7. *Зубов А.А.* Одонтология. Методика антропологических исследований. – М.: Наука. 1968. – 199 с.
8. *Косточкин В. В.* Чердынъ. Соликамск. Усолье. – М.: Стройиздат, 1988. – 178, [3] с.: ил.
9. *Разжев Д.И.* Биоантропология населения саргатской общности. – Екатеринбург: УрО РАН, 2009. – 490, [2] с.: ил., табл.
10. *Ремезовская Т.Б., Чуйкина Е.В.* На месте самовольных раскопок в г. Соликамске выявлены погребения середины 16 века. 2007 год: [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГКУК «КЦОП». URL: <http://kcop.ru/18072007.htm> (Дата обращения: 15.03.2021).
11. *Смертин П.Р.* Палеодемографический анализ могильников ломоватовской и неволинской культур // ЛII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных (УПАСК, 5-9 февраля 2020 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых. – Пермь: ПГНИУ, 2020. – С. 313–316
12. *Соколова Н.Е.* Отчет о выполненных НИР по теме: «Проведение охранных археологических раскопок на территории памятника археологии «Соликамск, город» Пермского края в зоне проведения строительных работ в 2007 году». – Пермь, 2008 – 29 с., 68 ил. (Архив ГКУК «КЦОП»).
13. *Шишонко В.Н.* Пермская летопись с 1263-1881 г. Первый период: с 1263–1613 / сост. чл. разных учен. о-в, директор нар. училищ Перм. губ. Василий Шишонко; изд. печ. на средства Губ.земства. – Пермь: тип-я Губернской земской управы, 1881. – 238 с.
14. *Ferembach D., Schwidetzky I., Stloukal M.* Empfehlungen fur die Altersund Geschlechtsdiagnose am Skelett. 1979 Homo 30: 1 – 32.
15. *Lovejoy C.O., Meindl R.S., Pryzbeck T.R., Menthforth R.P.* Chronological Metamorphosis of the Auricular Surface of the Ilium: A New Method for the Determination of Adult Skeletal Age at Death // American Journ of Physical Anthropology. – 1985. №68. – P.15–28.
16. *Meindl R.S., Lovejoy C.O.* Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures // American Journ of Physical Anthropology. – 1985. №68. – P. 57–66.
17. *Ubelaker D.H.* Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation. – Chacago: Aldine, 1978. – 312 p.

Сведения об авторе:

Смертин Павел Романович, магистрант 1 курса историко-политологического факультета, Пермский государственный научно-исследовательский университет. E-mail: paulsmert@mail.ru.

Smertin Pavel Romanovich, 1st year Master's student of the Faculty of History and Political Science, Perm State Research University. E-mail: paulsmert@mail.ru.

Табл.1. Половозрастные определения

№ погребения	Пол	Возраст, лет
1	♀	35-45
2	♀	30-40
3	♂	25-40
4	ребенок	1,5-3
5	♀	35-55
6	♂	25-40
7	♂	25-35
8	ребенок	новорожденный
9	♂	40-55
10	♂	30-40
11	ребенок	0,5 ± 3 мес.
12	?	взрослый
13	♀	20-35

УДК 398.32(=511.132)

DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-146-153

Голева Т. Г.**ПРЕДАНИЯ КОМИ-ПЕРМЯКОВ О ДРЕВНЕМ ГОРОДИЩЕ КУРЭГКАР***

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, РФ

В традиционной культуре коми-пермяков многим местам древних поселений и могильников посвящены предания и мифологические рассказы, которые отражают народные представления о прежнем населении края. К таким локасам существует особое отношение: их почитают, остерегаются посещать или верят, что на них можно найти клад. Предания о городище Курэгкар (Куриный город) известны по письменным источникам с начала XX в. Наиболее яркие рассказы о нем были записаны Л.С. Грибовой в середине XX в., они лучше всего отражают отношение народа к данному месту. Современные записи позволяют проследить, как сохраняется и изменяется народная фольклорная традиция. Предания о Курэгкар имеют разные сюжеты и мотивы, чем выделяют его среди остальных археологических памятников данной местности. Некоторые мотивы можно определить как уникальные, другие являются общими для ряда фольклорных текстов коми-пермяков. Внимание населения к данному объекту привлекает его своеобразное название, находки вблизи него древних предметов, особенности внешнего вида: площадка на большом холме, окруженная валом.

Ключевые слова: коми-пермяки, археологический памятник, городище, Курэгкар, предания, клад, чудь.

Goleva T.G.**KOMI-PERMIAN LEGENDS ABOUT THE ANCIENT SETTLEMENT OF KUREGKAR**

Perm Federal Research Center of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences Perm, Russia

Legends and mythological stories are dedicated to many places of old settlements and burial grounds in the traditional culture of the Komi-Permyaks. Legends reflect folk ideas about the former population of the region. There is a special attitude to such sites: the population reveres them, is wary of visiting or believes that buried treasures can be found on them. The legends about the settlement of Kuregkar (Chicken Town) are known from written sources since the beginning of the 20 century. The most vivid stories about him were recorded by L.S. Gribova in the middle of the 20th century, they best reflect the attitude of the people to this place. Modern recordings of texts allow us to trace how the folklore tradition is preserved and changed. The legends about Kuregkar have different plots and motifs, which distinguish it from other archaeological sites of the area. Some motifs can be defined as unique, others are common to a number of the Komi-Permian folklore texts dedicated to archaeological sites. The peculiar name of the settlement, the finds of old objects near it and the specificity of the appearance of the site (a platform on a large hill surrounded by a rampart) attract the attention of the population to it.

Keywords: Komi-Permyaks, archaeological monument, ancient settlement, Kuregkar, legends, buried treasures, Chud.

Введение

Многие археологические объекты на территории Коми-Пермяцкого округа среди местного населения овеяны мифами. Не исключением является и местечко Курэгкар в Кочевском муниципальном округе. Связанные с ним предания примечательны разнообразием сюжетов. В настоящее время оно продолжает привлекать внимание местных жителей и туристов. Объектом данного исследования является мифотворческая традиция народа, которая отражается в фольклорных рассказах, в обыденной жизни и современных культурных проектах.

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края (соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.) и в рамках государственного задания; номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2;

Археологические данные. Датировка городища Курэгкар по разным данным отличается: VI–VIII вв. [Конин, 1976, с. 20] или X–XIII вв. [Абдулова, 2014, с. 22]. «Памятник находится в 1,6 км к юго-западу от южной окраины д. Борино <...>, в 1,2 км к юго-востоку от восточной части д. Урья. <...> Городище расположено на крутой возвышенной площадке, на высоком мысовидном выступе коренного левого берега р. Онолвы» [Абдулова, 2014, с. 21–22]. Согласно описанию И.Я. Кривошекова, посетившего памятник в 1886 г., его площадь не превышала 50 сажен, остатки валов были длиной 177 сажен, к городищу с северо-востока и юго-запада наблюдались подъезды. С вершины холма открывался хороший вид на окрестности. В то время площадь городища распаивалась под посевы, при распашке находили «чудские изделия» [Кривошеков, 1914, с. 233–234]. В 1952 г. археологическую разведку памятника провел В.Ф. Генинг, в 1973 г. его обследовала К.М. Русанова, в 2014 г. – отряд КАЭЭ [Конин, 1976, с. 20; Список..., 1986, с. 93; Абдулова, 2014]. Глубокого изучения памятника, судя по опубликованным данным, не проводилось.

Варианты обозначения места

Название места в переводе с коми-пермяцкого языка звучит как «Куриный город». Также памятник археологии известен как Боринское или Мокинское городище [Конин, 1976, с. 20]. Холм, на котором он расположен, значительно большего размера, его обычно называют *Курёгкармыс*, то есть «гора Куриного города», а также *Урьинская гора*, *Чёлпанамыс* – «Каравайная гора». Последнее название дано возвышенности из-за сходства с хлебным караваем. В публикациях и архивных материалах встречаются следующие варианты обозначения места: *Курэг-Карэг*, *Курон-кар*, *Куркар*, *Курикар*, *Курылкар*. Предположительно, появление вариантов названия объясняется его сложным произнесением. В первой части названия *Курылкар* можно увидеть сочетание двух слов *курёг* ‘курица’ и *кырыл* ‘склон холма’.

Мифологические тексты и предания о Курэгкар

Первая фиксация народных представлений о городище сделана К. Жаковым, автор передает легенду о скрытых сокровищах и возможном раздоре при их обнаружении: «...Относительно городища, находящегося в трех верстах от Пыстог Курёг-Карёг, говорится, что в нем среброкованные ворота; деньги в сороковой бочке на телеге лежат. Если кто разроет эти богатства, сам будет не рад, – произойдет великая драка: всякий пожелает все взять себе» [Жаков, 1903, с. 419].

К 1959–1960 гг. относятся архивные записи народных преданий Л.С. Грибовой. [АКНЦ Ф. 11. Оп. 1. Д. 34, Л.10. Д. 54, Л. 32–38, 70–71, 89–90, 96]. Курэгкар упоминается в девяти рассказах. Некоторые из повествований респондентов приведены в двух вариантах, мы считаем их за один текст. Один из текстов Л.С. Грибовой был опубликован М.Н. Ожеговой [Ожегова, 1971, с. 118]. То же произведение в более развернутом варианте напечатано Л.С. Грибовой в книге «Пермский звериный стиль». В архивных записях отсутствует приведенная в книге сюжетная линия о войне: «Борьба была какая-то, война. Начнут враги наступать, они со своего кара на них бревна катали, бочки с зажженной смолой, камни кидали, из луков стреляли»; также там по-другому описывается роль петуха и колокола: «Когда кто-либо приближался к воротам – петух и колокол оповещали сторожа с черной собакой. Сторож выйдет, собака рывкнет – мозги вылетят из черепа пришельца» [Грибова, 2014, с. 106]. Тогда как в архивных записях говорится, что человек должен позвонить в колокол, прежде чем запоет петух, чтобы зайти в городище. Скорее всего, опубликованный вариант объединяет несколько рассказов. Архивные версии преданий, собранные Л.С. Грибовой, напечатаны в статье исследователей ПГНИУ [Беломестнова и др., 2018, с. 57–58, 66–67]. В двух из девяти текстов Л.С. Грибовой городище только называется как одно из мест проживания чуди (*чучкой отир*, *чучи*, *чучкие*), описывается их жизнь (жилища были под землей, церкви в виде чумов), и гибель. Последнее событие не связывается с местом городища.

Содержание остальных семи рассказов непосредственно повествует о Курэгкар, их мотивы описаны в таблице 1.

Таблица 1. Мотивы народных преданий о городище Курэгкар с указанием числа их упоминаний в источниках

Источники текстов	АКНЦ	Архив ЛКиВА ПГНИУ	ПМА
Годы записи	1959, 1960	2000, 2001	2007, 2008, 2010
Количество текстов	7	9	6
Мотивы	Количество упоминаемых мотивов		
1. На городище жили: а Чудь, b Богатыри, c Разбойники, d Остатки войска Е. Пугачева, e Коми-пермяки, f Старые люди abc Чудь-Богатыри-Разбойники, bc Богатыри-Разбойники	a-1, b-1, abc-1, ac-1	a-1, c-1, d-1, e-1 f-1	b-2, f-1
2. На городище есть / были: а Пещера, b Ворота: b.I Среброкованные [Жаков, 1903], b.II Золотые, b.III С колоколом и петухом, c Кладбище / Могила d.I Колодец [Пономарева, 2016], d.II Ключ, d.III Труба для вентиляции, e Каменный город, тянувшийся до Кочи, f Крепость	a-2, b-2, b.III-1, d.I-1, d.II-1, d.III-1, e-1	b-1, c-1	a-1, b.II-1, d-2, f-1
3. Сокровища городища: а Бочки с деньгами, b Золото, b.I Дуга золотая, b.II Полная лодка золота, b.III Упряжь золотая на захороненной лошади, b.IV Цепи золотые, на которых висит гроб b.V Двенадцать обозов золота [Истомина, 2017] с) Колокол	b-1, b.I-1, b.II-1, b.III-1	b.I-2	c-1, b.IV-1
4. Внутри горы сидит: а Седой старик, b Окаменевший Пера-богатырь	a-1, b-1		
5. В городище можно попасть а Позвонив в колокол раньше крика петуха, b Пропев 40 божественных песен	a-1	b-1	
6. Городище обороняли от нападения врагов	[Грибова, 2014; Истомина, 2017]		
7. Древние жители совершили самопогребение на городище	[Истомина, 2017]		
8-А. С городища перебрасывали: а Палки (чугунные), b Коромысло, c Топор, d Камни, e Гири [Пономарева, 2016], f Предметы не названы	a-2, b-1, f-1	c-2, d-1, f-1	d-3 c-1

8-В. С городища перебрасывались между Курэгкар и: а Быльдэгмыс, b Ошмыс [Пономарева, 2016], с Вершининская гора, d Таркамыс	a-1, b-2, ab-1	b-4	b-2, cd-1
9. На городище показывается: а Свинья, b Петух [Пономарева, 2016], с Женщина (в красном платке) [Пономарева, 2016], d Человек с черной собакой, е Огоньки	a-1, c-1, d-1		e-1
10. Последствия посещения / нахождения сокровищ: а Произойдет великая драка [Жаков, 2003], b Человек умрет, если не успеет раньше крика петуха позвонить в колокол, с Найденное золото на пользу не пойдет,	b-1		
11. На городище были найдены: а Чугун b Пепел	a-1 b-1		
12. О названии городища Куркар написано: а В Библии, b «В Перми есть»		a-1	b-1

В 1988 г. рассказ со сказочным сюжетом о рождении первого жителя городища записал В.В. Климов: бездетная женщина съела три горошины, брошенные ей пролетающим мимо журавлем, после чего родила трех братьев-близнецов. Эти братья поселились на трех холмах: Чучком, Пугыр и Курэгкар [Куда же вы уходите, 1991, с. 258].

В начале XXI в. о Курэгкар были записаны тексты несколькими экспедициями. Фольклористы ПГНИУ приводят в своей публикации 9 рассказов 2000–2001 гг. из архива ЛКиВА ПГНИУ [Беломестнова и др., 2018, с. 59, 67–68]. Один развернутый текст был зафиксирован в 2003 г. Л.Г. Пономаревой [Пономарева, 2016, с. 65–66]. В ходе этнографических экспедиций Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН совместно с ПГГПУ в Кочевском районе в 2007 и 2008 гг. были записаны четыре сообщения о городище Курэгкар и еще два – во время исследований автора статьи в 2010 г. (Полевые материалы автора – далее ПМА). Приводим данные материалы в переводном варианте.

У нас есть тут три очень высокие горы, которые называются Таркэмыс, Урья – Курэгкар, Вершининская гора. Старое поколение – был очень крупный народ, высокорослый. Это даже читали, вроде, было в истории, что они кидали камни крупные с этих гор друг другу (д. Петухово, 2007, запись Д. Ваймана).

Где-то Курэгкармыс, там цепи золотые, на Урье. Гора, говорят, там старинный-старинный какой-то клад. Мы ходили в четвертом классе, раскопки были, могила была [о раскопках на Уринском могильнике]. А на горе искали, но ничего не могут найти, дыру-то. Что в холме висит гроб с золотыми цепями, ворота золотые (Отопково, 2007, запись Я. Латыповой, В. Петрова).

Земля называется Курэгкар. Там де есть колодец и большой колокол внутри. Его когда-то хотели разрушить... Взберешься туда, на самой горе есть дыра, просунешь туда длинный шест, он там качается. Как пещера там (д. Боруна, 2008, запись А. Цыбина).

С Ошмыса до Урьянского мыса топоры, которые друг другу огромный камень перекидывали (Б. Коча, 2008, запись А.В. Черных).

Когда-то говорили, великаны, богатыри бросали камни с Курэгкармыс до Ошмыс (д. М. Коча, 2010, запись Т. Голевой).

А вон Курэгкармыс. Куркар, Курикар. Это в Перми есть – Курикар. Там крепость была. Вот там люди жили. Там был большой глубокий колодец. Там на горе как канаву вырыли, на Курикармыс (д. Борина, 2010, запись Т. Голевой).

Еще один вариант предания рассказывает местный учитель В.И. Гагарин, в нем говорится о нападении врагов на городище и самозахоронении жителей на этом месте вместе с 12 обозами золота [Истомина, 2017].

Все тексты были записаны в ближайших к городищу населенных пунктах Большекочинского и Пелымского поселений, для них характерен узколокальный вариант бытования. Большинство мотивов о Курэгкар можно назвать типичными для преданий о чуди и старых поселениях на территории Коми-Пермяцкого округа [Заветный клад, 2007, с. 205, 250–252; Голева, 2013, с. 139–143]. Многие из них известны и на других территориях Европейского Севера России, в частности, мотивы о чудских кладях, чуди-богатырях, чуди-разбойниках, о перебрасывании первопоселенцами одного предмета (см., напр.: [Криничная, 1991; Чудь в устной традиции..., 2008]). Согласно анализу К.В. Моряхиной и А.Н. Сарапулова, на территории Пермского края вблизи с городищами локализуются легенды о чуди с разным содержанием [Моряхина, Сарапулов, 2011]. То есть, для народной традиции характерно связывать с данным видом памятников разные исторические и мифологические сюжеты. В преданиях о Курэгкар отмечается ряд повествовательных единиц, которые присутствуют и в рассказах о других близлежащих географических объектах. Так, перебрасывание топора является одним из главных мотивов преданий о братьях Юксе, Пуксе, Чадз и Бач, тексты которых еще в конце XX в. устойчиво бытовали среди населения с. Юкеево. Схороненные сокровища на Курэгкар в виде золотой конской упряжи и дуги можно соотнести с «чудским кладом» в виде серебряного коня и золотых саней, которые, по народным преданиям, упали с неба и спрятаны на урочище Шорйыв близ д. Петухово [Грибова, 2014, с. 86]. Две сюжетные параллели присутствуют в преданиях о Курэгкар и о разбойниках с Семиизбушной гривы на р. Онолве [Беломестнова и др., 2018, с. 68]: на обоих местах спрятана лодка с золотом и нужно спеть определенное число песен (100 песен без единого слова про любовь, чтобы получить золото; 40 божественных текстов, чтобы открыть ворота городища). Также в Кочевском округе распространены предания о чудских колодцах, которые включают мотивы о спрятанных сокровищах и гибели чуди [Голева, 2016]. Примечательно, что в записях Л.С. Грибовой только отмечается наличие рядом с Курэгкар колодца или ключа, а в начале XXI в. колодец становится местом захоронения клада. В других рассказах говорится уже о некоем яме, вентиляционной трубе, через которую шестом местные жители прощупывали пещеру.

Сравнение преданий разных годов записи показывает, что в начале XXI в. увеличилось число вариантов определения поселенцев городища, добавились воины Е. Пугачева и «пермяки». Если респонденты Л.С. Грибовой чаще рассказывали о чуди, то в настоящее время жителей городища редко так называют, а определяют как разбойников, богатырей, старый народ. Большинство мотивов продолжает сохраняться в народных повествованиях, некоторые из них – в трансформированном варианте. Так, ранее колокол висел на воротах, в позднем варианте – спрятан в колодце; в начале XX в. говорилось о серебряных воротах и монетах, в более поздних текстах – о золотых предметах; раньше в числе перебрасываемых вещей назывались коромысло и палки, в поздних – чаще камни. В записях Л.С. Грибовой присутствует описание гибели прежних жителей или чуди, но Курэгкар не называется местом их погребения. В начале XXI в. городище в одном из текстов называется кладбищем, в другом говорится о наличии на данном месте гроба на золотых цепях, в третьем – о самозахоронении. Наличие гроба с одной стороны указывает на погребение и соотносится с рассказами о гибели чуди; с другой стороны, на это представление явно повлияла сказка А.С. Пушкина, так как похожие повествовательные элементы в преданиях коми-

пермяков больше не встречаются. Новыми содержательными единицами текстов, не зафиксированными в XX в., являются упоминания о некоем письменном тексте, в котором городище называется в краткой форме – Куркар, и способе открывания ворот городища с помощью исполнения 40 песен.

Уникальными мотивами о Курэгкар, нетипичными для других местных почитаемых мест, можно называть повествования о рождении трех братьев-первопоселенцев, наличии на городище ворот и пребывании в горе старика или Пера-богатыря. Первый мотив является древним или заимствованным вариантом мифа / сказки о культурных героях. Представления о воротах, крепости и городе объясняются внешними характеристиками памятника – наличием валов, нахождением на холме крупных камней [Истомина, 2017]. Старик и Пера-богатырь определяются одновременно как древние поселенцы и как хранители этого места. Локализация героев на городище указывает на особое отношение местных жителей к данному месту и их своеобразные мифологические представления о древнем народе.

Мотив о спрятанных сокровищах типичен для многих мест, которые коми-пермяки связывают с деятельностью чуди, он подкрепляется находками единичных предметов, кладов и результатами археологических раскопок. К примеру на территории Кочевского округа в 1930 г. был найден клад близ д. Петухово [Грибова, 1914, с. 86], а в 1956 г. – у д. Уржи [Голдина, 1985, с. 205].

Тексты преданий показывают, что в народных представлениях деятельность жителей городища была связана с другими местными возвышенностями, среди которых есть и места с археологическими памятниками (Ошмыс).

Современные знания о городище, связанные с ним хозяйственные, ритуальные, культурные практики

В ходе этнографического обследования местных традиций помимо преданий были зафиксированы сведения, которые отражают повседневный взгляд на городище. В советское время территория памятника использовалась под посевы, поэтому для старшего населения оно являлось местом сельскохозяйственного труда, именно так о нем и говорят: *Ми сэтён уна уджалімө* ‘Мы тут много работали’ (М. Коча, 2010 г.). В разных хозяйственных целях жители ближайших деревень посещают лес, выросший на холме, но по народным поверьям, в лесу можно заблудиться, лес пугает, поэтому некоторые остерегаются туда ходить. В современных представлениях, поселенцы городища погребены на древнем Урьинском могильнике, за раскопками которого местное население наблюдало в 1950-е гг.: *А нійö дзеблёмась Урья ю бердас* ‘А их [жителей городища] хоронили у реки Урьи’ (д. Борино, 2010 г.). Название городища упоминалось раньше в игровых приговорках молодежи. Игра типа «Ручеек» предполагает постоянное движение вперед, и её участники говорили: *Курёгкармысöдз каям* ‘До горы Курэгкар поднимаемся’ (М. Коча, 2008 г.); то есть холм во время игры служил географической координатой. Выражение подчеркивает выделение холма в ближайшем у деревни пространстве. К памятнику относятся и как к возможному месту нахождения сокровищ. Население рассказывает о прощупывании колодца, о раскопках подкопах в прошлом, а в настоящее время на городище обнаружены ямы неясного происхождения [Абдулова, 2014, с. 22]. Единственный пример свидетельствует о том, что коми-пермяки включают название городища в поминальные молитвы во время молебнов на старых могильниках, чтобы души ушедшего населения не покарали людей (с. Юкеево, 2007 г.), но никаких ритуальных действий на самом холме в прошлые годы не отмечалось.

В 2012–2013 гг. учащиеся Больше-Кочинской школы под руководством В.И. Гагарина реализовали проект по благоустройству археологического памятника: была расчищена тропа, установлены указатели, в центре городища появился деревянный идол-хранитель, а затем частокол [Гагарин и др., 2016]. Несколько лет школьники в Дни финно-угорских предков проводили на городище акцию «Костер

предков». Сейчас Курэгкар стал местом совершения туристических маршрутов. Посещение городища, по данным журналистов, сопровождается своеобразными ритуальными действиями: у подножия горы оставляют «подношение» в виде конфет, монет; на городище загадывают желания; сидят на камнях, чтобы избавиться от болезней [Истомина, 2017]. Таким образом, появляются новые мифо-ритуальные практики, и само городище становится известным широкому кругу людей.

Заключение

Проанализированные материалы свидетельствуют о существовании комплекса народных представлений о древнем городище. Для преданий о Курэгкар характерно концентрирование разных сюжетов и мотивов, некоторые из них можно назвать нетипичными для других текстов о местных археологических и почитаемых местах. Многие мотивы преданий являются сказочными, вымышленными, они не подтверждаются археологическими и письменными источниками. Холм с древним памятником остается загадочным объектом для местных жителей, которых, помимо мифов, привлекают его своеобразное название, внешний вид, находки вблизи с ним археологических предметов. Все это обуславливает совершение на данном месте новых культовых и культурных практик.

Библиографический список:

1. Абдулова С.И. Отчёт о проведении мониторинга состояния объектов археологического наследия Пермского края, расположенных на территории Коми-Пермяцкого округа. / Рукопись. – Т. 1. – Пермь, 2014. – 122 с. – Архив МАЭ ПГГПУ.
2. АКНЦ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 34. Грибова Л.С. Отчет и полевой дневник об этнографической экспедиции в Кочевский район Пермской области. 1959 г. Д. 54. Чудь по коми-пермяцким преданиям и верованиям.
3. Беломестнова А.С., Королева С.Ю., Чуйкина Е.В. Петух на чудском городище (об орнитоморфных мотивах в русских и коми-пермяцких преданиях о кладах) // Филологические заметки. – 2018. № 18. Т. 2. – С. 53–71.
4. Гагарин В.И., Мунасинова Д.Н., Рогалева Н.А. Музей образовательной организации как центр приобщения учащихся к этнокультурным ценностям [электронный ресурс] // Вестник образования Пермского края. – 2016. – № 3. URL: http://vopk.ru/view.php?event=levelxx_view (Дата обращения: 30.10.2021).
5. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 280 с.
6. Голева Т. Г. Водные объекты как места памяти о древнем населении в традиционной культуре северных коми-пермяков // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2016. – № 3. – С. 125–133
7. Голева Т.Г. Предания коми-пермяков о древнем населении Прикамья в современных записях // Этнокультурное наследие пермских финнов. – Кудымкар, 2013. – С. 139–143.
8. Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. Стереотипное издание. – Кудымкар: Коми-Перм. этнокульт. центр, 2014. – 176 с.
9. Жаков К. Ф. По Иньве и Косе. Этнографический очерк // Живая старина. – 1903. – Вып. 4. – С. 409–421.
10. Заветный клад: избранная коми-пермяцкая народная проза и поэзия / перевод с коми-перм. и сост. В.В. Климов. – Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2007. – 392 с.
11. Истомина Е. Правила Курэгкара: как вести себя на древних чудских городищах [электронный ресурс] // Парма новости. – 2017. – 21 июля. – URL: <https://parmanews.ru/instruksiya/8087/> (Дата обращения: 25.10.2021).
12. Конин Г.К. Памятники истории и культуры Коми-Пермяцкого национального округа. – Кудымкар: Пермское кн. изд-во, Коми-Перм. отд., 1976. – 136 с.
13. Кривошеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. – Пермь, 1914. – 850 с.
14. Криничная Н.А. Предания Русского Севера. – СПб., 1991. – 328 с.

15. *Куда же вы уходите?* Коми-пермяцкие сказки, песни, частушки, детский фольклор, заговоры, малые жанры фольклора на коми-перм. яз / Сост. В.В. Климов. – Т. 2. – Кудымкар: Пермское кн. изд-во, 1991. – 287 с.
16. *Морякина К.В., Сарапулов А.Н.* Пространственный анализ легенд о Пермской чуди и их соотношение с археологическими памятниками // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета: *Stadia Historica Jenium*. – 2011. – № 1. – С. 9–18.
17. *Ожегова М.Н.* Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. – Пермь: ПГПИ, 1971. – 132 с.
18. *Пономарева Л.Г.* Речь северных коми-пермяков. М.: Языки народов мира, 2016. – 513 с.
19. *Список археологических памятников* Пермской области (к своду памятников истории и культуры РСФСР). – Пермь, 1986. – 101 с.
20. *Чудь в устной традиции* Архангельского Севера / под ред. Н.В. Дранниковой. – Архангельск, 2008. – 145 с.

Сведения об авторе:

Голева Татьяна Геннадьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: golevat@yandex.ru.

Goleva Tatiana Gennadievna, Candidate of Sciences (History), Senior Research Associate, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: golevat@yandex.ru.

УДК 908, 93/94, 913

DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-154-167

Вострокнутов А.В.**ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЯ ХРАМОВ ГОРНОЗАВОДСКИХ
ПОСЕЛКОВ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ***

ФГАОУ ВО «Пермский национально-исследовательский университет», Пермь, РФ

В работе рассматриваются особенности освящения главных алтарей и дополнительных приделов храмов уральских горных заводов. Храм был важной частью горнозаводского пространства и жизни мастеровых и начальства. Анализируя особенности посвящения главных алтарей и дополнительных приделов в горнозаводских храмах Пермской губернии в границах современного Пермского края, мы можем сделать выводы об их включенности в жизнь горного завода (прослежена тенденция к сокращению числа новых освящений совпавшая с кризисом в горном деле в середине XIX в.), связи с заводовладельцами, правителями государства (освящения в честь небесных покровителей), а также о символическом значении событий священной истории или святых, в честь которых они были освящены. Выбор освящения алтарей и дополнительных приделов был связан с экономикой завода, поскольку часто совпадал с днями, когда работы на заводе останавливались (празднование Рождества и Святков, сенокос, Троица и т.д.)

Ключевые слова: храм, православие, горный завод, Урал, престол.

Vostroknutov A.V.**FEATURES OF NAMING TEMPLES OF SETTLEMENTS OF THE PROVINCE**

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Perm State National Research University» (Perm State University), Perm, Russia

The paper discusses the features of the consecration of the main altars and additional chapels of the temples of the Ural mining plants. The temple was an important part of the mining space and the life of craftsmen and bosses. Analyzing the features of the dedication of the main altars and additional chapels in the mining temples of the Perm province within the borders of the modern Perm region, we can draw conclusions about their involvement in the life of the mining plant (the tendency to reduce the number of new consecrations coincided with the crisis in mining in the middle of the XIX century), the relationship with the plant owners, the rulers of the state (consecration in honor of the heavenly patrons), as well as the symbolic significance of the events of sacred history or saints in whose honor they were consecrated. The choice of consecration of altars and additional chapels was connected with the economy of the plant, since it often coincided with the days when work at the plant stopped (celebration of Christmas and Yuletide, haymaking, Trinity, etc.)

Keywords: temple, Orthodoxy, mining plant, Ural, altar.

XVIII век стал временем изменения и бурного развития России в разных направлениях – политическом, повседневном, культурном, военном, экономическом. Немаловажную роль в этих изменениях играли горные заводы, появившиеся незадолго до этого на Урале. Расцвет их пришелся на XVIII – XIX века.

Горные заводы были похожи по модели своего устройства. Каждый из них имел пять основных точек, которые формировали его пространство: пруд, плотина, заводские корпуса, заводская контора и храм. Заводской поселок строился по берегам пруда. Приписанные к заводу крестьяне становились новой категорией жителей Российской империи – мастеровыми. Прибывшие часто из удаленных губерний,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре»)

бывшие сельские жители приносили на промышленные предприятия свою духовную культуру. Важным местом в их мировоззрении занимало православие.

В отличие от сельской местности, горные заводы были самодостаточными в религиозном плане единицами. Если в сельской местности нормальным было наличие одного сельского храма на несколько деревень, то на заводах храмы были в каждом поселке, в ряде случаев при крупных заводах возводили по два и три храма. Также отдельная церковь строилась, если значительную часть населения составляли единоверцы.

В христианской традиции каждый храм имеет алтарь, либо главный алтарь и дополнительные приделы, каждый из которых освящается в честь Иисуса Христа, Богородицы, праздников, либо святых.

В данной работе мы проанализируем особенности посвящения главных алтарей заводских храмов и их дополнительных приделов.

При анализе храмовых посвящений в качестве источников мы использовали ряд метрических книг, хранящихся в Государственном архиве Пермского края (ГАПК), представленных в электронном виде на сайте <http://pokolenia.permkrai.ru/funds/> (дата обращения 29.10.2021): сюда относится фонд № 37 (Пермская духовная консистория), № 192 (Спаская церковь Ведомства православного исповедания с. Нытва Оханского уезда Пермской губернии) и фонд № 719 (Коллекция метрических книг Пермской губернии). К архивным источникам относится и рукопись В.В. Киреева «Трудная дорога к храму», хранящаяся в Горнозаводском краеведческом музее им. М.П. Старостина (ГКМ). Также в качестве источников по датировке постройки храмов был использован «Адрес-календарь Пермской епархии за 1909 г.» [Адрес-календарь..., 1908]. Кроме этого в качестве источника использованы Пермские епархиальные ведомости (ПЕВ) за 1891 г. [ПЕВ, 1891].

Следует отметить, что из-за обилия датировок в тексте настоящей статьи мы приняли решение вынести ссылки на источники по ним в отдельные таблицы (см. таблицы 1–2), где указаны наименования храмов, дополнительных приделов, год постройки (в ряде случаев примерный) и название горного завода. Информация о времени постройки некоторых храмов, приведенная в Адрес-календаре, может быть скорректирована с учетом анализа метрических книг, т.к. составитель Адрес-календаря, разумеется, собирал информацию о церквях, существовавших на момент издания данного источника, т.е. – на начало XX в.

В ходе исследования были проанализированы наименования главных и дополнительных престолов у 61 храма в 39 горных заводах. Все заводы располагались на западном склоне Урала, т.е. на территории, которая сейчас входит в состав Пермского края. Ранее это были земли Соликамского, Пермского, Оханского, Осинского и западная часть Красноуфимского уездов Пермской губернии.

Стоит отметить, что промышленных предприятий здесь в период XVIII – XIX вв. функционировало больше. По данным Г.Н. Чагина [Города заводы, 2011, с. 9–10], на интересующей нас территории существовало до 60 горных заводов. Однако треть из них не вошли в настоящую работу по ряду причин: слишком короткий срок службы (например, Романовский завод) [Металлургические заводы..., 2001, с. 34, 408], либо трудности определения местоположения (например, Кунгурский завод) [Металлургические заводы..., 2001, с. 281], либо расположение завода в селении с уже сложившимся православным ландшафтом (например, Пыскорский завод, пущенный в с. Пыскор, где более чем за столетие до этого возник монастырь).

Таким образом, в исследование вошли только те горные заводы, которые, будучи пущенными в действие, функционировали достаточное количество времени для того, чтобы там, помимо основных заводских построек, также был возведен и храм. Временные рамки исследования – вторая половина XVIII – нач. XX вв., обусловлены

временем наивысшего расцвета и постепенного затухания деятельности горных заводов.

Обратимся непосредственно к особенностям наименований храмов.

Главные алтари (табл. 1)

Чаще всего, главные престолы храмов в горных заводах освящались в честь Святой Троицы (20% или 12 случаев): Пожевской (1785), Кизел (метрические книги с 1800), Мотовилихинский (метрические книги с 1791), Архангело-Пашийский (1791), Юго-Камский (метрические книги с 1784), Полазненский (метрические книги с 1781), Лысьвинский (метрические книги с 1799), Кыновской (метрические книги с 1784), Молебский (метрические книги с 1796), Юго-Кнауфский (1833) и Ашапский (метрические книги с 1824). Также Святой Троице посвящен единоверческий храм в уже упоминавшемся Юго-Кнауфском заводе (1833). Традиция наиболее частого наименования главного престола заводских храмов в честь Святой Троицы укладывается во временной промежуток конца XVIII – первой трети XIX вв.

Следующим по частоте освящения следуют храмы, чьи главные престолы были освящены в честь первоверховных апостолов Петра и Павла (15% или 9 случаев: Егошихинский (1757), Бисерский (метрические книги с 1800), Хохловский (метрические книги с 1848), Суксунский (1797), Тисовской (метрические книги с 1815), Павловский (метрические книги с 1845), Уинский (1836), Таманский (1779) заводы. Еще один Петропавловский храм был освящен как единоверческий в селении Бымовского завода (метрические книги с 1822 г.).

Заметим, что освящение главных престолов храмов в честь Петра и Павла находится во временном промежутке середины XVIII – первой трети XIX вв.

В случае с храмом в Павловском заводе, очевидно, стоит связать выбор освящения алтаря с небесным покровителем Павла Александровича Строганова, чья вдова, Софья Владимировна, была основательницей данного промышленного предприятия.

Популярность подобного посвящения храмов, на наш взгляд, может быть связана с тем, что день памяти Петра и Павла приходился на 29 июня по ст. стилю, время, когда начиналась сенокосная пора. Следовательно, остановка завода на престольный праздник и последующий сенокос была экономически выгодна.

В пяти случаях (8%) мы встречаем Иоанно-Предтеченские храмы: в Кувинском (1858), Пожевском (1811), Курашимском (1765) и Хохловском (1853) заводах. Еще один храм с подобным посвящением был единоверческим и также находился на Курашимском заводе. Построен в 1832 г. Можно заметить, что 4 из 5 храмов с таким посвящением были построены в XIX в., практически в первой половине (последний в 1853 г.).

В этой связи интересно отметить здесь отличие храма в Курашимском заводе. Завод этот начал строиться в сентябре 1739 г., а пущен был в 1742 г. [Металлургические заводы..., 2011, с. 281]. Возможно, что идея строительства и посвящения храму Иоанну Предтече появилась у заводовладельца Г.П. Осокина в период короткого правления Ивана VI Антоновича, чьим небесным покровителем также был Иоанн Предтеча.

Наименование главного престола в память об Иоанне Предтече также выгодно для завода с экономической точки зрения – день его памяти, 24 июня ст. стиля, удобно расположен, и может быть приурочен к началу сенокосной поры. Таким образом, мы снова видим экономическую выгоду для завода от летнего престольного праздника.

В четырех случаях (7%) главные престолы заводских храмов были освящены в честь Рождества Христова. Это Юговской (метрические книги с 1791), Суксунский (метрические книги с 1796), Тисовской (1855), Рождественский (метрические книги с 1780) заводы. Храмы освящались в честь Рождества Христова в конце XVIII в., а затем только в начале второй половины XIX вв. На период Рождества и святок заводы также останавливались, что, как и в случае с Троицким, Петропавловским

и Предтеченским посвящением, было экономически выгодно, т.к. связывало престольный праздник с нерабочими днями.

Три храма (5%) были освящены в честь Рождества Богородицы: на Добрянском (1769), Чермозском (1783/1829) и Мотовилихинском заводах (1894). Два из них – еще в конце XVIII в., а один – в конце XIX в.

Праздник Рождества Богородицы – первый двенадцатый праздник церковного года. Престольный заводской праздник, отмечаемый в это время, вполне укладывался в календарь заводской жизни, знаменуя не только новую череду церковных праздников, но и очередной производственный цикл. Кроме этого, в Чермозском заводе Лазаревых именины заводовладельца (память Иоакима и Анны, 9 сентября) следовали сразу за престольным заводским праздником – Рождества Богородицы (8 сентября). В этот день после литургии организовывался обед для почти 1400 человек. Празднование растягивалось на три дня. Судя по сообщению Н.Н. Новокрещенных, жившего в Чермозе больше 10 лет, работа на заводе в это время не велась. После Смерти Екима Лазаревича Лазарева празднование его именин сохранилось, но сместилось на престольный праздник, и угощение для жителей организовывали уже не 9, а 8 сентября [Новокрещенных, 1889, 52]

По два случая (по 3%) освящения главных престолов связаны со Сретением (Бизярский (1843) и Всеволодо-Вильвенский (1862) заводы), Архангелом Михаилом (Юго-Кнауфский (метрические книги с 1776) и Очерский (метрические книги с 1796 г.) заводы), Николаем Чудотворцем (Мотовилихинский (1903) и Рождественский (единоверческий храм; 1904) заводы), Александром Невским (Бымовской (метрические книги с 1781) и Нытвенский (метрические книги с 1851) заводы). Еще два храма в Нытвенском (1873) и Юго-Камском заводах (1915) освящены во имя Всех Святых. По датировкам в первых трех случаях достаточно четко прослеживается временная связь в посвящениях: для Сретенских храмов это середина – начало второй половины XIX в.; для Архангельских – конец XVIII в.; для Никольских – начало XX в. В случае с Александро-Невскими храмами мы наблюдаем значительный временной разрыв.

Празднование Сретения (2 февраля ст. стиля) в народном календаре знаменовало поворот с зимы на весну [Черных, 2009, с. 221]. Таким образом, престольный праздник на заводе знаменовал собой еще и переход к новому циклу и подготовке к весенним работам. Поскольку завод не сельскохозяйственное предприятие, то весенние работы на нем, скорее всего, заключались в проверке плотины, учитывая грядущее половодье, проверке продукции, подготовленной для доставки на ярмарки и т.д.

Празднование дня памяти Архистратига Михаила и прочих небесных сил бесплотных приходится на 8 ноября ст. стиля. Отмечался за неделю до наступления Рождественского поста, что делало престольный заводской праздник особенным.

День памяти благоверного князя Александра Невского отмечается помимо 23 ноября (ст. стиля) еще и 30 августа (ст. стиля) – день перенесения его мощей в Александро-Невскую лавру Санкт-Петербурга, совпадающий с днем заключения Ништадского мирного договора, выведшего Россию к Балтике.

В случае с Александро-Невским посвящением, на наш взгляд, также очевидна связь (по времени) с наследниками престола (в случае с Бымом – с будущим императором Александром I, а с Нытвой – с Александром II).

Посвящение главных алтарей Николаю Чудотворцу связано по времени с правлением императора Николая II. Примечательно, что дополнительные приделы в честь Николы Угодника освящались и в XVIII в. (о них речь пойдет ниже), но главные престолы на заводах ранее в честь этого святого не освящались.

Оставшиеся 18 храмов единичны в плане посвящения главных престолов. Они делятся на четыре группы в зависимости от своего посвящения.

Самая крупная группа состоит из 6 храмов, освященных в честь двенадцатых праздников. Сюда относятся Богоявленский храм в Майкорском (1807),

Преображенский в Александровском (метрические книги с 1807), Вознесенский в Суксунском (1850), Благовещенский единоверческий в Очерском (1906), Крестовоздвиженский в Шермеитском (1846) и Введенский в Кизеловском (метрические книги с 1802) заводах. Как можно отметить, данные посвящения полностью укладываются в период XIX – нач. XX вв.

Следующая группа из 8 храмов выделена по посвящению главного алтаря в честь святых. Перечислим их. Это храмы Василия Великого в Елизавето-Нердвинском (1796), Захарии и Елисаветы в Елизавето-Пожвинском (1884), Ксении Миласской в Чусовском (1890), Трех Святителей в Кусье-Александровском (метрические книги с 1838), пророка Ильи в Юговском (1818), Митрофана Воронежского в Добрянском (1836), Успения парведной Анны в Аннинском (метрические книги с 1776), Григория Богослова в Екатерино-Сюзьвинском (метрические книги с 1794) заводах. Также один храм в Лысьвинском заводе освящен в честь апостола и евангелиста Иоанна Богослова (1850). Мы видим, что единичные наименования храмов встречаются на протяжении всего интересующего нас временного периода.

День памяти Василия Великого приходится на 1 января ст. стиля, т.е. на период святок, когда работа на заводах останавливалась. Таким образом, престольный праздник на Васильев день для экономики завода был выгоден.

Ряд посвящений этих храмов носит, отчасти, персональный характер. Так, например, Ксениевская церковь в Чусовском заводе была построена в память о спасении царской семьи во время катастрофы у станции Борки Харьковской железной дороги 17 октября 1888 г. [ПЕВ, 1891, с. 37–38]. Выбор посвящения в данном случае связан с великой княгиней Ксенией Александровной. Аннинская церковь в одноименном заводе была освящена в честь небесной покровительницы либо жены хозяина завода графа И.Г. Чернышева Анны Александровны, либо в их дочери Анны Ивановны.

Григорьевская церковь в Ектатерино-Сюзьвинском заводе вполне могла быть освящена в честь небесного покровителя сына основателя завода – А.Н. Строганова.

Еще два храма связаны своим посвящением с Богородицей. Это храм Казанской иконы в Кусье-Алекснадровском (1843) и Покровский единоверческий храм в Молебском (1836) заводе. Что касается Казанской иконы Божией Матери, то дни ее празднования, 8 июля и 22 октября ст. стиля. Наиболее экономически выгодно для завода было июльское празднование, т.к. оно вполне совпадало с сенокосной порой.

Еще один храм посвящен иконе Спаса Нерукотворного и располагался в Нытвенском заводе (метрические книги с 1781). Празднование дня иконы Спаса нерукотворного приходится на 16 августа ст. стиля. В народе это Третий спас. Данный праздник сразу следует за двенадцатым Успенским праздником, поэтому празднование его было экономически выгодно для завода.

Посвящение дополнительных приделов (таблица 2)

Среди дополнительных приделов, освященных в заводских храмах также можно выделить некоторые особенности.

Так, например, в четырех случаях дополнительные приделы были освящены в честь Николая Чудотворца: на Добрянском заводе в Рождество-Богородицкой церкви (1769), на Юговском заводе в Христорождественском соборе (1811), на Юго-Кнауфском заводе в Троицкой церкви (1833) и на Очерском заводе в Михайло-Архангельском храме (1841).

Интересно отметить, что дополнительные храмовые приделы посвящались этому святому чаще, чем главные алтари храмов. Вообще обращает на себя внимание редкость Никольских церквей в заводском пространстве, в то время как, например, по данным Адрес-календаря Пермской епархии за 1909 г. в интересующих нас уездах Никольские храмы, составляют примерно 10% от общего числа церквей.

Три храмовых придела посвящены великомученице Екатерине: на Курашимском заводе в Предтеченской церкви (1765), на Егошихинском заводе в Петропавловской церкви (1757) и на Суксунском заводе в Вознесенском храме (1850).

Еще три дополнительных придела были посвящены Александру Невскому: на Пожевском заводе в Свято-Троицком храме (1865), на Елизавето-Нердвинском заводе в Васильевской церкви (1833) и на Александровском заводе в Преображенском храме (1828).

Посвящение дополнительных приделов в храмах, как и в случае с главными алтарями, скорее всего, связано с тем, что Александр Невский являлся небесным покровителем большинства императоров, правивших в XIX в.

Два храмовых придела посвящены князю Всеволоду Псковскому. Они были освящены в Свято-Троицком храме Пожевского завода (1785, 1865) и в Преображенском храме Александровского завода (1828). Посвящение данных приделов благоверному князю Всеволоду является благочестивой данью небесному покровителю хозяина и строителя данных церквей – Всеволода Андреевича Всеволожского. Престольный заводской праздник совпадал с именинами заводоладельца.

Еще два храмовых придела освящены в честь Архангела Михаила. Они относятся к Свято-Троицкому храму Архангело-Пашийского завода (1791) и к Свято-Троицкому храму Юго-Кнауфского завода (1833). В случае с Пашийским заводом, освящение Архангельского придела связано с основателем завода – Михаилом Михайловичем Голицыным, чьему небесному покровителю и посвящен данный придел.

Два дополнительных придела в Свято-Троицком храме Полезненского завода (1837) и в Свято-Троицком храме Кизеловского завода (1870) посвящены святому праведному Симеону Верхотурскому, одному из самых почитаемых уральских святых. Посвящение дополнительных престолов на Лазаревских заводах именно св. Симеону можно связать с именем зятя Христофора Екимовича Лазарева Семёна Давыдовича Абамелек-Лазарева, который встал во главе пермского имения после того, как его тесть отошел от дел.

Два дополнительных придела в Рождество-Богородицком храме в Чермозском заводе (1783/1829) и Свято-Троицком в Полазненском заводе (1837) имеют посвящение Иоанну Предтече. Связано это, очевидно, с первым хозяином Пермского имения Лазаревых Иваном Лазаревичем Лазаревым.

В остальных случаях наименования дополнительных приделов не дублируют друг друга. Но они также делятся на группы: посвященные двенадцатым праздникам, Богородице, святым, а также апостолам.

К приделам, освященным в честь двенадцатых праздников относятся Введенский в Свято-Троицком храме в Кизеловском заводе (1870), Рождество-Богородицкий в Свято-Троицком храме Ашапа (1829), Успенский и сретенский в Свято-Троицком храме Мотовилихинского завода (1828).

К Богородичным приделам относятся Покровский в Петропавловском храме Уинского завода (1836), и Казанский в Свято-Троицком храме Юго-Камского завода (1834).

Со святыми связаны следующие дополнительные приделы: праведного Лазаря в Рождество-Богородицком храме Чермозского завода (1829), великомученика Евстафия Плакиды в Петропавловском храме при Егошихинском заводе (1757), Флора и Лавра в Христорождественском храме Юговского завода (1811), Григория Богослова в Вознесенском храме Суксуна (1850), святителя Димитрия Ростовского в Спасском храме Нытвенского завода (1867), праведной Анны в этом же храме и придел равноапостольной княгини Ольги в Петропавловском храме Уинского завода (1836).

Также в одном случае дополнительный престол Свято-Троицкой церкви (1829) Ашапского завода был освящен в честь Петра и Павла.

Придел праведного Лазаря был освящен, скорее всего, в память небесного покровителя рода Лазаревых, хозяев Чермозского завода.

Появление Ольгинского придела, очевидно, можно связать с приобретением Уинского завода в 1859 г. Ольгой Никифоровной Рошефор [Неклюдов, 2009, с. 125].

Освящение дополнительных приделов, как можно заметить, часто носило персонифицированный характер и было связано с небесными покровителями хозяев заводов, либо их рода (как в случае с Лазаревыми).

Интересным вариантом служит придел Флора и Лавра, святых, почитаемых как покровителей лошадей, т.е. в чисто сельскохозяйственной традиции. Празднование дня их памяти на Юговском заводе 18 августа проходило с крестным ходом к столбу с иконой этих святых и окроплением лошадей [Памятная книжка..., 1862, с. 9].

Среди перечисленных вариантов наименования приделов выделяются, пожалуй, только Митрофан Воронежский, храм в честь которого был освящен в Добрянском заводе в 1836 г., и святитель Димитрий Ростовский. Оба этих святых были канонизированы уже в имперский период (Димитрий в 1757 г., а Митрофан в 1832 г.).

Следует учесть, что канонизация Митрофана Воронежского случилась незадолго до этого времени, и, возможно, посвящение ему храма было следствием этого события. Святитель Митрофан известен, помимо деятельности на церковном поприще, своей поддержкой Петра I в деле строительства флота на воронежских верфях. Поскольку флот – это одна из составляющих растущей мощи России в XVIII в., то освящение храма в честь святого – сподвижника Петра I в деле укрепления страны на заводе, производящем металл, необходимый для усиления страны, выглядит весьма символично и не случайно. Связь с флотом Добрянка поддерживала и в производственном плане – производя якоря.

Заводы с двумя и более храмами

В 15 случаях на заводах было построено по два и более храмов. Такая ситуация наблюдается на Пожевском, Рождественском, Очерском, Юговском, Юго-Кнауфском, Добрянском, Курашимском, Хохловском, Лысьвинском, Суксунском, Молебском, Тисовском, Бымовском и Нытвенском и Мотовилихинском заводах.

Разберем подробнее данную особенность. На Мотовилихинском заводе к началу XX в. функционировало уже три храма, но два из них были построены значительно позже прекращения работы на старом заводе, строились они уже при пушечных заводах.

В остальных случаях можно отметить, что вторые храмы в заводах строились по двум причинам. Первая, как кладбищенские: Иоанно-Предтеченский в Пожевском, Ильинский в Юговском, Митрофаньевский в Добрянском, Иоанно-Богословский в Лысьвинском, Петропавловский в Суксунском, Петропавловский в Хохловском и Всехсвятский храмы в Нытвенском заводах. Вторая причина – это единоверческие храмы: Иоанно-Предтеченский в Курашимском, Николаевский в Рождественском, Благовещенский в Очерском, Христорождественский в Юго-Кнауфском, Покровский в Молебском, Христорождественский в Тисовском и Петропавловский в Бымовском заводах.

В случае с Нытвенским заводам стоит отметить, что к началу XX в. храмов там было построено три. Последний по времени, Александро-Невский, был возведен при богадельне.

Таким образом, мы можем заключить, что возведение дополнительных храмов на заводах было вызвано практической необходимостью. В первом случае, они служили как кладбищенские храмы, в другом – как единоверческие. Единоверцы отправляли церковные службы по дониконовским богослужебным книгам, признавая иерархию православной церкви, но сохраняя старый обряд. Православным благословлялось обращаться к единоверческим священникам только в случае крайней необходимости, если не было возможности найти православного священника. Таким образом,

строительство единоверческого храма было необходимым в поселении даже при относительно небольшом количестве единоверцев.

Строительство в Нытве Александро-Невской церкви при богадельне также обусловлено непосредственной потребностью иметь домовый храм в данном учреждении. Постройка дополнительных церквей в Мотовилихе уже была связана с растущим числом мастеровых на пушечных заводах после закрытия горного завода.

Заключение

Мы можем видеть, что среди главных алтарей преобладают Троицкие, на втором месте – Петропавловские, на третьем – Предтеченские. Причем количество Троицких и Петропавловских алтарей больше, нежели всех остальных, наименования которых повторяются на разных заводах – 21 против 16.

Кроме этого в традиции наименования главного и дополнительных престолов в заводских храмах прослеживается тенденция посвящения их небесным покровителям заводовладельцев (Княже-Ольгинский, Лазаревский, Всеволодовские, Михайло-Архангельские, Симеоновские приделы) и правителей (Иоанно-Предтеченский в Курашине, Екатерининские и Александро-Невские приделы), что подчеркивало связь заводской жизни с православием и посвящением заводского труда не только экономической выгоде.

Посвящение остальных храмов и храмовых приделов Богородице, иконам и святым также связано с общенародным их почитанием.

Проанализируем полученные данные со стороны частоты посвящения алтарей. По особенностям посвящения мы можем выделить, как уже говорилось, следующие группы храмовых алтарей: посвященные Спасителю, Богородице, святым, архангелу и двенадцатым праздникам.

Если обратить внимание на наименование главных алтарей, то мы можем увидеть относительный баланс между освящениями в честь святых и двенадцатых праздников с небольшим перевесом в сторону первых (13 вариантов освящения в честь святых против 10 вариантов в честь двенадцатых праздников). Вариаций других наименований гораздо меньше – 1 Спаса Нерукотворного, 2 Богородичных и 1 Архангельский.

В случае с наименованиями дополнительных приделов мы видим абсолютно другую картину – престолов, посвященных святым, подавляющее большинство по сравнению с другими вариантами: 13 против 3 двенадцатых, 3 Богородичных, 1 апостольского и 1 Архангельского.

В сравнении главных алтарей с дополнительными приделами выделяется прямая пропорциональность между посвящением престолов Богородице и архангелу Михаилу, и разница между количеством двенадцатых посвящений: будучи практически равными по частоте наименования главных престолов со святыми, они практически не встречаются среди дополнительных приделов.

Такая разница может быть объяснима с той позиции, что логичнее было назвать главный придел в честь двенадцатого праздника, нежели дополнительный. Данный тезис подтверждается фактом освящения дополнительных двенадцатых приделов только в храмах, главный алтарь которых был посвящен Троице: в Мотовилихинском (дополнительные Сретенский и Успенский приделы), Кизеловском (дополнительный Введенский придел) и Ашапском (дополнительный Рождество-Богородицкий придел) заводах.

Обратимся к анализу времени строительства вышеуказанных храмов (таблица 3). Мы можем отметить, что наиболее часто их строительство (вместе с наиболее повторяющимися посвящениями) приходится на вторую половину XVIII – первую половину XIX вв., причем именно в начале XIX в. к повторяющимся наименованиям главных престолов добавляются единичные наименования (и этих вариаций довольно много). Спад начинается во второй половине XIX в., очевидно вместе с кризисом

в горнозаводском деле. К началу XX в. мы наблюдаем минимальное строительство новых храмов.

В таблице 4 указан календарь празднования престольных праздников рассмотренных горных заводов. Все даты указаны по старому стилю. Не везде выяснено, на какой именно день приходился престольный праздник в заводе (например, в случае с Николаем Чудотворцем), поэтому указаны две даты. Однако мы можем заключить, что подавляющая масса выбора храмовых посвящений (и, следовательно, престольных заводских праздников) приходилась на летне-осенний период. Зимой только в декабре и январе наблюдается большая вариативность храмовых посвящений. А февраль, март и май предлагают только по одному варианту.

Таким образом, анализируя особенности посвящения главных алтарей и дополнительных приделов в горнозаводские храмы Пермской губернии в границах современного Пермского края, мы можем сделать выводы об их включенности в жизнь горного завода, связи с заводовладельцами, правителями государства, а также о символическом значении событий священной истории или святых, в честь которых они были освящены.

Также, судя по всему, выбор освящения алтарей и дополнительных приделов был связан с экономикой завода, поскольку часто совпадало с днями, когда завод останавливался (празднование Рождества и Святков, сенокос, Троица и т.д.)

Дальнейший более глубокий анализ храмовых посвящений на территории всей Пермской губернии, на наш взгляд, даст более объективную картину развития православного ландшафта Горнозаводского Урала.

Библиографический список

Архивные источники:

1. Проект Государственного архива Пермского края «Поколения Пермского края» [Электронный ресурс] – URL:<http://pokolenia.permkrai.ru/>;
2. ГАПК Ф.37. [Бизярский завод, Христорождественская церковь, метрическая книга] Оп.3. Д.6
3. ГАПК Ф.37. [Бисерский (Бисер) завод, Петропавловская церковь, метрическая книга за 1800 г.] Оп.1. Д.11а
4. ГАПК Ф.37. [Кузье-Александровский завод, Трёх-Святительская церковь, метрическая книга за 1838 г.] Оп.1. Д.77
5. ГАПК Ф.37. [Метрическая книга Анно-успенской церкви Аннинского завода Кунгурского уезда Пермской провинции Казанской губернии за 1776 г.] Оп.3.Д.119
6. ГАПК Ф. 37. [Бизярский (Бизяр) завод, Христо-Рождественская церковь, метрическая книга за 1782 г.] О. 1. Д. 475
7. ГАПК. Ф. 531. [Батанов Владимир Михайлович. История Добрянского завода (1752 – 1916). Гл. IV. Первые десятилетия капиталистической эпохи]. О. Р-1. Д.4.
8. ГАПК. Ф.37. [Юго-Камский завод, Свято-Троицкая церковь, метрическая книга за 1784 г.] Оп.1.Д.26
9. ГАПК. Ф. 37. [Хохловское (Хохловка) с., Иоанно-Предтеченская церковь, метрическая книга за 1853 г.] Оп. 2. Д. 128.
10. ГАПК. Ф. 37 [Метрические книги Петропавловского собора и Рождество-Богородицкой церкви г. Перми, Благовещенского собора и церквей г. Кунгура, церквей заводов Пермской округи, сел и острожков Пермской и Кунгурской округи Пермского наместничества.] Оп. 1. Д. 26.
11. ГАПК. Ф. 37. [Метрические книги Свято-Троицкого собора, Богоявленской, Преображенской, Спасской церквей г. Соликамска, церквей заводов и сел Соликамского уезда.]. Оп. 2. Д. 255
12. ГАПК. Ф. 37. [Метрические книги церквей Курашимского, Мотовилихинского, Пашийского, Юговского, Югокамского заводов и сел Верхнемуллинского, Калино (Калинского), Камасино, Насадского, Сылвинского и др. Пермской округи Пермского наместничества]. Оп. 1. Д. 3

13. ГАПК. Ф. 37. [Полазненский (Полазна) завод, Свято-Троицкая церковь, метрическая книга за 1781 г.]. Оп. 1 Д. 8
14. ГАПК. Ф. 37. [Кыновский (Кын) завод, Свято-Троицкая церковь, метрическая книга за 1784 г.]. Оп. 1. Д. 1.
15. ГАПК. Ф. 37. [Метрические книги Успенского собора г. Осы, церквей [Аннинского], Бикбардинского, Камбарского и Югокнауфского (Юго-Кнауфского) заводов, сел Крылова, Сайгатки и др. Осинского уезда.]. Оп. 3. Д. 74.
16. ГАПК. Ф. 37. [Метрические книги Свято-Троицкого собора, Богоявленской, Воскресенской, Преображенской, Спасской церквей г.Соликамска, церквей Александровского, Кызеловского (Кизеловского), Пожевского, Пыскорского, Чермоосского (Чермозского) заводов и сел Соликамског]. Оп. 2. Д. 259.
17. ГАПК. Ф. 37. [Метрические книги церквей Рождественского (Рожественского) и Хохловского заводов, церквей сел Беляевского, Бердышевского, Бубинского, Пихтовского (Елесинского), Сепычевского, Сосновского, Табарского, Чистопереволочного и Шлыковского Оханского уезда.]. Оп. 2. Д. 91
18. ГАПК. Ф. 37. [Метрические книги Успенской церкви г. Оханска, церквей Верх-Очерского, Нытвенского и Павловского заводов, церквей сел Григорьевского, Дальнодубровского, Дворецкого, Карагайского, Новопаинского, Очерского и Шерьинского Оханского уезда.]. Оп. 2. Д. 78
19. ГАПК. Ф. 37. [Метрические книги Спасской старообрядческой (единоверческой) церкви г. Екатеринбург за 1822 г., единоверческих церквей заводов и сел Пермского, Екатеринбургского, Кунгурского, Осинского, Оханского и Соликамского уездов.]. Оп. 4. Д. 2.
20. ГАПК. Ф. 37. [Метрические книги Христорождественской церкви Ножевского (Рождественского) завода Оханского уезда (округи) Пермской губернии (наместничества) (за 1780, 1783-1790, 1792-1804 гг.).]. Оп. 2 Д. 208
21. ГАПК. Ф. 37. [Метрические книги единоверческой Успенской церкви г. Перми, единоверческих церквей заводов и сел Красноуфимского, Кунгурского, Осинского, Оханского, Пермского и Соликамского уездов.]. Оп. 2. Д. 343
22. ГАПК. Ф. 37. [Метрические книги церквей Верх-Очерского, Екатерино-Сюзьвенского, Нытвенского и Рождественского заводов Оханской округи (уезда), церквей сел Оханской и Обвенской округ Пермского наместничества (губернии) за 1794, 1796, 1797 гг.]. Оп. 2. Д. 10
23. ГАПК. Ф. 37. [Метрические книги церквей Юговского Осокинского завода, сел Веслянки [Веслянского], Опачевки [Опачевского], Старого посада [Троицкого], Суды [Судинского], Ясыла [Покрово-Ясылъского] и острожков Кунгурского уезда Пермской провинции Казанской губернии.]. Оп. 1. Д. 481
24. ГАПК Ф. 192. [Нытвенский (Нытва) завод, Спасская церковь, метрическая книга за 1781 г.]. Оп. 1. Д. 3
25. ГАПК Ф. 719 [Нытвенский (Нытва) завод, Алексанро-Невская церковь, метрическая книга за 1851 г.]. Оп. 9. Д. 1443
26. ГАПК. Ф. 37. [Метрические книги церквей Аннинского, Бизярского, Бымовского, Юговского Осокина (Югокнауфского) заводов за 1781 г., сел и острожков Кунгурского уезда Пермской провинции Казанской губернии за 1777, 1781 гг.] Оп. 3. Д. 304
27. ГАПК. Ф. 37 [Метрические книги Богоявленской, Воскресенской, Преображенской, Спасской церквей и Свято-Троицкого собора г. Соликамска, церквей Кызеловского (Кизеловского) и Пожевского заводов, церквей сел Соликамского уезда. Том 1]. Оп. 2. Д. 244
28. Горнозаводский краеведческий музей им. М.П. Старостина: ГКМ [Киреев В.В. Трудная дорога к храму. 10 с.]

Литература:

1. Адрес-календарь Пермской епархии за 1909 г. – Пермь: Электро-тип. В.А. Чердынцева, 1908. – 321 с.
2. Города-заводы / колл. авторов под ред. Г.Н. Чагина. – Пермь: Книжный мир, 2011. – 584 с.
3. Костина В.А. Пермь Великая православная. Судьбы духовенства и монашества, храмов и часовен Земли Пермской. XIV – XX вв. – Пермь, 2020. – 480 с.
4. Металлургические заводы Урала XVII – XX вв. Энциклопедия. – Екатеринбург: Академкнига. 2001. – 536 с.

5. Неклюдов Е.Г. «Прошу Церковь Господню дать уголок внутри неё...» // Уральский исторический вестник. – 2009. № 1(22). – С. 125–129
6. Новокрещенных Н.Н. Чермозский завод. Его прошлое, настоящее и летопись событий. – СПб, 1889. – 164 с.
7. Памятная книжка Пермской губернии на 1863г. Год Первый. – Пермь: Губернская типография, 1862.
8. Пермские епархиальные ведомости. –1891. № 3. Отдел официальный. – С. 37–38
9. Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье. Часть III. Словарь хрононимов. – Пермь: Изд-во «Пушка», 2009. – 280 с.
10. Шумилов Е. Н. Православные и единоверческие храмы Пермского края: краткий исторический справочник. – Пермь, 2003. – 71 с.

Сведения об авторе:

Вострокнутов Артем Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории теоретической и прикладной фольклористики Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Пермский государственный национально-исследовательский университет» (ПГНИУ).

Vostroknutov Artem Victorovich, candidate of Historical Sciences, Researcher at the Laboratory of Theoretical and Applied Folklore Studies Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Perm State National Research University» (Perm State University).

Таблица 1. Посвящение главных алтарей горнозаводских храмов

Название храма	Завод (год постройки храма, либо с какого года метрические книги)	Ссылка на источник. Номера архивных дел приведены по номерам в списке литературы
Иоанна Предтечи	Кувинский (1858); Пожевской (1811); Курашимский (1765); Круашимский (един., 1832); Хохловский (1853)	[Адрес каленарь..., 1908, с. 109]; [там же, с. 97]; [там же, с. 61, 74]; [8], [Адрес-календарь..., 1908, с. 72]
Богоявленский	Майкорский (1807)	[Адрес каленарь..., 1908, с. 95]
Захарии и Елизаветы	Елизавето-Пожвинский (1884)	[Адрес каленарь..., 1908, с. 100]
Василия Великого	Елизавето-Нердвинский (1796)	[9], [Адрес каленарь..., 1908, с. 97]
Троицкий	Пожевской (с 1785); Кизеловский (с 1800/1870); Мотовилихинский (с 1791/1828); Архангело-Пашийский (1791); Юго-Камский (с 1784/1834); Полазненский (с 1781/1837); Лысьвенский (с 1799); Кыновской (с 1784); Молебский (с 1796/1806); Юго-Кнауфский (1833); Юго-Кнауфский (един., 1833); Ашапский (с 1824/1829)	[Шумилов, 2003, 70]; [10], [Адрес каленарь..., 1908, с. 95]; [12], [Адрес каленарь..., 1908, с. 56]; [27]; [7], [Адрес каленарь..., 1908, с. 59]; [12], [Адрес каленарь..., 1908, с. 69]; [Адрес каленарь..., 1908, с. 65]; [13], [Адрес каленарь..., 1908, с. 88]; [9], [Адрес каленарь..., 1908, с. 150]; [Адрес каленарь..., 1908, с. 137]; [Адрес каленарь..., 1908, с. 77]; [14], [Адрес каленарь..., 1908, с. 134]
Рождество-Богородицкая	Чермозский (с 1783); Мотовилихинский (1894); Добрянский (1769)	[Города-заводы..., 2011, с. 195]; [Адрес каленарь..., 1908, с. 56]; [Города-заводы..., 2011, с. 297]
Ксениевская	Чусовской (1890)	[Адрес каленарь..., 1908, с. ...]

		57]
Преображенский	Александровский (с 1807/1828)	[15], [Адрес каленарь..., 1908, с. 95]
Сретенский	Всеволодо-Вильвенский (1862); Бизярский (1843)	[Адрес каленарь..., 1908, с. 94]; [там же, с. 137]
Петра и Павла	Егошихинский (1757); Бисерский (с 1800); Хохловский (с 1848); Суксунский (1797); Тисовской (с 1815); Павловский (с 1845/1862); Уинский (1836); Таманский (1800/1912); Бымовской (един., с 1822/1867)	[Адрес каленарь..., 1908, с. 52]; [2], [Адрес каленарь..., 1908, с. 66]; [16]; [Адрес каленарь..., 1908, с. 150]; [17], [Адрес каленарь..., 1908, с. 113]; [Адрес каленарь..., 1908, с. 134]; [10], [Адрес каленарь..., 1908, с. 134]; [18], [Адрес каленарь..., 1908, с. 77]
Николаевский	Мотовилихинский (1903); Рождественский (един., 1904)	[Адрес каленарь..., 1908, с. 56]; [Адрес-каленарь..., 1908, с. 144]
Трех святителей	Кустье-Александровский (с 1838)	[3]
Казанской иконы	Кустье-Александровский (1843)	[Адрес-каленарь..., 1908, с. 64]
Христорождественский	Юговской (с 1791/1811); Суксунский (с 1796); Тисовской (1855); Рождественский (с 1780/1898)	[3], [9], [Адрес-каленарь..., 1908, с. 160], [19], [Адрес-календарь..., 1908, с. 117]
Покровский единоверческий	Молебский (1836)	[20]
Пророка Ильи	Юговской (1818)	[Костина, 2020, с. 328]
Всех Святых	Нытвенский (1873); Юго-Камский (1915)	[Шумилов, 2003, с. 33]; [там же, с. 46]
Митрофана Воронежского	Добрянский (1836)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 69]
Вознесенский	Суксунский (1850)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 150]
Архангела Михаила	Очерский (с 1796); Юго-Кнауфский (с 1776)	[21]; [22]
Благовещенский единоверческий	Очерский (1906)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 76]
Спаса Нерукотворного	Нытвенский (с 1781)	[23]
Александра Невского	Нытвенский (с 1851); Бымовской (с 1781)	[24], [25]
Крестовоздвижения	Шермеитский (1846)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 130]
Успения прав. Анны	Аннинский (с 1776)	[4]
Григория Богослова	Екатерино-Сюзьвинский (с 1794)	[21]
Введенская	Кизеловский (с 1802)	[26]
Иоанно-Богослова	Лысьвинский (1850)	Шумилов, 2003, с. 33

Таблица 2. Посвящение дополнительных приделов в храмах горных заводов

Наименование дополнительного придела	Заводы (год, либо год раннего документа)	Ссылка на источник. Номера архивных дел приведены по номерам в списке литературы
Всеволода Псковского	Пожевской (1785, 1865); Александровский (1807, 1828)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 93]; [Там же]
Александра Невского	Пожва (1785, 1865); Елизавето- Нердва (с 1796); Александровский (1807, 1828)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 93]; [Там же, с. 97]; [там же, с. 93]
Праведного Лазаря	Чермозский (1829)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 96]
Введения во храм	Кизеловский (1870)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 95]
Симеона Верхотурского	Полазненский (1837); Кизеловский (1870)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 69]; [Там же, с. 95]

Иоанна Предтечи	Полазненский (1837); Чермозский (1829)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 69]; [Там же, с. 96]
Екатерины	Курашимский (1765); Суксунский (1850); Егошихинский (1757)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 61]; [Там же, с. 150]; [Там же, с. 52]
Евстафия	Егошихинский (1757)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 52]
Сретения	Мотовилихинский (1828)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 56]
Успения Богородицы	Мотовилихинский (1828)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 56]
Архангела Михаила	Пашийский (1791); Юго-Кнауфский (1833)	[27], [Адрес-календарь..., 1908, с. 137]
Флора и Лавра	Юговской (1811)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 57]
Николая Чудотворца	Юговской (1811); Добрянский (1769); Очерский (1841); Юго-Кнауфский (1833)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 56]; [Города-заводы..., 2011, с. 97], [Адрес-календарь..., 1908, с. 137]
Казанской иконы	Юго-Камский (1834)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 59]
Григория Богослова	Суксунский (1850)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 150]
Праведной Анны	Нытвенский (1867)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 120]
Димитрия, митрополита Ростовского	Нытвенский (1867)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 120]
Княгини Ольги	Уинский (1836)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 134]
Покровский	Уинский (1836)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 134]
Рождества Богородицы	Ашапский (1829)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 134]
Петра и Павла	Ашапский (1829)	[Адрес-календарь..., 1908, с. 134]

Таблица 3. Распределение строительства горнозаводских храмов по времени

Сравнительная таблица наименований главных алтарей горнозаводских храмов (количество)			
вторая половина XVIII	Первая половина XIX	Вторая половина XIX	Начало XX в.
Свято-троицкие (12)		Христорождественский (1)	Николая Чудотворца (2)
Петро-Павловские (9)		Рождества Богородицы (1)	Благовещения (1)
Иоанна Претечи (5)		Захарии и Елизаветы (1)	
		Всех Святых (2)	
Христорождественские (4)	Сретения (2)		
Рождества Богородицы (2)	Богоявления (1)	Вознесения (1)	
Архангела Михаила (2)	Преображения (1)	Алекса́ндро-Невский (1)	
Алекса́ндро-Невский (1)	Крестовоздвиженский (1)	Ксении Миласской (1)	
Василия Великого (1)	Введенский (1)	Иоанна Богослова (1)	
Успения Праведной Анны (1)	Трех Святителей (1)		
Григория Богослова (1)	Илья Пророк		
Спаса Нерукотворного (1)	Митрофана Воронежского (1)		
	Казанской иконы (1)		
	Покровский (1)		

Таблица 4. Распределение праздников, которым были посвящены главные алтари заводских храмов и дополнительные приделы в календаре (ст. стиль)

Зима			Весна		
Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май
Николай Чудотворец (6)	Богоявление (6)	Сретенье (2)	Благовещение (25)		Николай Чудотворец (9)
Симеон Верхотурский (18)	Ксения Миласской (24)				

Рождество Христово (25)	Григорий Богослов (25)				
Василий Великий	Трех Святителей (30)				
Лето			Осень		
Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь
Рождество Иоанна Предтечи (24))	Казанская (8)	Преображени е (6)	Захарии и Елисаветы (5)	Покров (1)	Архангел Михаил (8)
Петра и Павла (29)	кн. Ольга (11)	Успение (15)	Рождество Богородицы (8)	Лазарь (14)	Введение (21)
Вознесение	Илья Пророк (20)	Спас Неуркотворн ый (16)	Симеон Верхотурский (12)	Казанская (22)	Алекснадр Невский (23)
Троица	Успение прав. Анны (25)	Алекснадр Невский (30)	Крестовоздвижени е (14)	Димитрий Ростовский (28)	Митрофан Воронежский (23)
Всех святых		Флор и Лавра (31)	Евстафий Плакида (20)		
			Иоанн Богослов (26)		

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР – Академия наук Союза советских социалистических республик
АН РТ – Академия наук республики Татарстан
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
БНЦ – Башкирский научный центр
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ГИООКН ПК – Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Пермского края
ГУП РБ БИ «Китап» – Государственное унитарное предприятие республики Башкортостан Башкирское издательство «Китап»
ДВО РАН – Дальневосточное отделение Российской академии наук
Дил – дилатометрия
ДМА – динамический механический анализ
ДСК – дифференциально-сканирующая калориметрия
ДТА – дифференциально-термический анализ
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИИ АНРТ – Институт истории академии наук республики Татарстан
ИИиА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
ИИКНП – Институт истории и культуры народов Приуралья
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИКС – инфракрасная спектроскопия
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет
ИЭРиЖ УрО РАН – Институт экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук
ИИЯЛ БФ АН СССР – Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук Союза советских социалистических республик
ИЯЛИ КНЦ УрО РАН – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
ИЯЛиИ – Институт языка литературы и истории им. Г. Ибрагимова
КамГЭС – Камская гидроэлектростанция
КАЭЭ ПГГПУ – Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГГПУ
КГТУ – Калининградский государственный технический университет
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КНЦ – Коми научный центр
КСП – комплекс связанных признаков
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры М.-Л. – Москва – Ленинград.
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт
МАЭ ПГГПУ – Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья ПГГПУ
МГУ – Московский государственный университет
МГПУ – Московский государственный педагогический университет им. Шолохова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НГУ – Новосибирский государственный университет
НИИ – Научно-исследовательский институт
НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
НИР – научно-исследовательская работа

ПГПУ (ПГГПУ) – Пермский государственный педагогический университет, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПГУ (ПГНИУ) – Пермский государственный университет, Пермский государственный национальный исследовательский университет
ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей
ПФ ИИиА УрО РАН – Пермский филиал Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
РА – Российская археология
РАК – Рождественский археологический комплекс
РГПУ – Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
РФЛА (РФА) – рентгенофлуоресцентный анализ
РФА – рентгенофазовый анализ
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СПб. – Санкт-Петербург.
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СА – Советская археология
СЭ – Советская этнография
СЭМ – сканирующая электронная микроскопия
ТГА – термогравиметрический анализ
ТГОМ – Тверской государственный объединённый музей
ТМА – термомеханический анализ
ТюмНЦ – Тюменский научный центр
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УДИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский Институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
УНЦ РАН – Уфимский научный центр Российской академии наук
УПАСК – Урало-поволжская археологическая студенческая конференция
УрГУ – Уральский государственный университет
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
УФС – ультрафиолетовая спектроскопия
ЭА – элементный анализ
ЭКА – этнокультурный ареал
ХМС – хромато-масс-спектрометрия
ЯМР – ядерный магнитный резонанс

СОДЕРЖАНИЕ

Лычагина Е.Л., Жижин С.П., Батуева Н.С. ГРЕБЕНЧАТЫЕ ШТАМПЫ СО СТОЯНКИ ЧАШКИНСКОЕ ОЗЕРО II.....	4
Лычагина Е.Л., Кулькова М.А., Жижин С.П. ИТОГИ ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КЕРАМИКИ С ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕЙ КАМЫ	11
Копытов С.В., Демаков Д.А., Лычагина Е.Л. СЕЛИТЕБНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ В БАССЕЙНЕ СРЕДНЕЙ КАМЫ.....	20
Батуева Н.С., Митрошин Е.Н. КЕРАМИКА АНАНЬИНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОГУРДИНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2018 г.)	30
Половников Л.В. КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЛИЩ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРИУРАЛЬЯ.....	39
Иванов В.А., Чичко Т.В. НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ К ХРОНОЛОГИИ УГОРСКИХ (ДРЕВНЕМАДЬЯРСКИХ) МОГИЛЬНИКОВ ПРЕДУРАЛЬЯ	46
Данич А.В. ПОГРЕБЕНИЯ С ПОДВЕСКАМИ-ВСАДНИКАМИ ИЗ РАСКОПОК БАЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА 2019 г.....	61
Белавин А.М., Крыласова Н.Б. НОВЫЕ НАХОДКИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ МАСОК НА РОЖДЕСТВЕНСКОМ МОГИЛЬНИКЕ.....	77
Боталов С.Г., Таиров А.Д., Грудочко И.В., Газизова С.Р., Парунин А.В. АКТЮБА – НОВЫЙ МАДЬЯРСКИЙ КОМПЛЕКС В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ	84
Смертин А.Р. ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.....	92
Шмырина М.Е. КОСТЯНЫЕ ОРУДИЯ ТРУДА ДЛЯ ДОМАШНИХ ПРОИЗВОДСТВ И ПРЕДМЕТЫ БЫТА ИЗ МАТЕРИАЛОВ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ БАССЕЙНА Р. ИНЬВА.....	103
Коновалова К.Н., Шмырина М.Е. КОСТЯНЫЕ УКРАШЕНИЯ И ДЕТАЛИ КОСТЮМА ИЗ МАТЕРИАЛОВ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАССЕЙНА Р.ИНЬВА.....	112
Подосёнова Ю.А., Сарапулов А.Н. ЮВЕЛИРНАЯ ПОДВЕСКА С ЗЕРНО- ФИЛИГРАННЫМ ДЕКОРОМ ИЗ ЮВЕЛИРНОЙ И ЛИТЕЙНОЙ МАСТЕРСКОЙ РОДАНОВА ГОРОДИЩА	119
Брюхова Н.Г. КОПОУШКИ ПЛОТНИКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА	127
Руденко К.А. О СВЯЗЯХ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ В XIII – НАЧАЛЕ XV В.	131
Смертин П.Р. АНАЛИЗ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ОСТАНКОВ, ПРОИСХОДЯЩИХ ИЗ КЛАДБИЩА Г. СОЛИКАМСКА: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ	141
Голева Т. Г. ПРЕДАНИЯ КОМИ-ПЕРМЯКОВ О ДРЕВНЕМ ГОРОДИЩЕ КУРЭГКАР	146
Вострокнутов А.В. ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЯ ХРАМОВ ГОРНОЗАВОДСКИХ ПОСЕЛКОВ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ	154
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	168

Научное издание

ТРУДЫ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ
Выпуск XIX

На обложке – подвеска-всадник из погребения 461 Баяновского могильника

Договор размещения издания в НЭБ eLibrary 697–11/2013. Издание включено в РИНЦ

Р е д к о л л е г и я :

Белавин Андрей Михайлович

(гл. редактор)

Крыласова Наталья Борисовна

(отв. редактор выпуска)

Сарапулов Алексей Николаевич

Подосенова Юлия Александровна

Издается в авторской редакции.

Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений, цитирования и использованных иллюстративных материалов.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Подписано в печать 05.09.2021. Формат 60х90 1/8
Бумага ВХИ. Печать на ризографе. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 21,5. Тираж 100 экз. Заказ №

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь ГСП, ул. Сибирская, 24, корп. 2, оф. 71,
тел. (342) 215-18-52, факс (342) 215-18-52 (доб. 332)

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Книжный формат».
Адрес: 614000, г.Пермь, ул.Пушкина, 80